

Проф. А. К. БОРОЗДИНЪ.

Собрание сочинений

Т. 2

А. С. ПУШКИНЪ

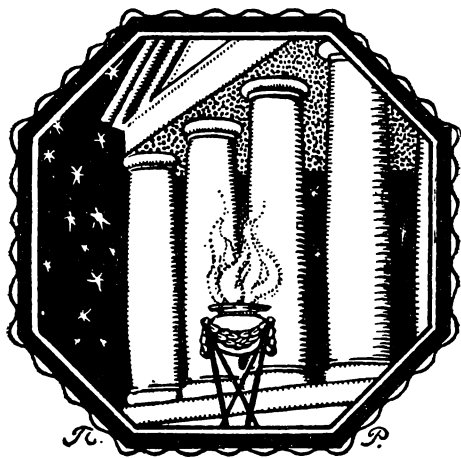

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА

Проф. А. К. Бороздинъ.

А. С. ПУШКИНЪ.

Цѣна 90 коп.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“ Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Петроградъ, Поварской, 10.

1914.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами. Г.г. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ къ издателю Николаю Николаевичу Михайлову кн-во «Прометей», С.П.Б., Поварской, 10.

==== ТИПОГРАФІА =====
= „ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“ =
СПБ., ПРАЧЕШНЫЙ ПЕР., 4.

А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности *).

Если мы оглянемся на состояніе нашей литературы начала нынѣшняго столѣтія, то передъ нами откроется чрезвычайно пестрая и далеко не отрадная картина: нельзя сказать, чтобы мало было дѣятелей, но всѣ они дѣйствуютъ какъ-то въ разбродъ, и весьма немногіе отдають себѣ ясный отчетъ, въ чемъ заключается ихъ прямая задача и есть ли какая-нибудь серьезная, жизненная цѣль для ихъ писательства. Здѣсь мы прежде всего увидимъ совсѣмъ не малочисленную группу представителей старыхъ литературныхъ традицій уже отжившаго свой вѣкъ, но твердо старающагося сохранить преобладаніе, классицизма прошлаго столѣтія: главная цѣль для нихъ есть соблюденіе условныхъ правилъ литературнаго стиля, защита опредѣленныхъ строгихъ формъ, установленныхъ западной, преимущественной французской піитикой или риторикой; содержаніе же представляется имъ чѣмъ-то второстепеннымъ, такъ какъ поэзія въ сущности остается для нихъ тѣмъ же вкуснымъ лимонадомъ, какимъ она была для Державина; конечно, объ общественномъ значеніи подобнаго лимонада толковать не приходится: литература только доставляетъ удовольствіе, есть средство, при помощи котораго получаютъ болѣе или менѣе богатые дары отъ разныхъ милостивцевъ; иногда она обличаетъ порокъ, но никому и въ голову не можетъ придти, чтобы писатель могъ сдѣлаться общественнымъ вождемъ; правда, если онъ облеченъ какимъ-нибудь важнымъ саномъ, то его можно послушать, какъ всякаго другого начальника, но вѣдь ужъ это выходитъ изъ области чисто-литературнаго воздѣйствія, и понятно, что къ подобному писательству вполне приложимо данное И. С. Аксаковымъ названіе Staats-литература. Къ этому классическому направленію примыкаетъ школа литературныхъ старовѣровъ, группирующихся около Шишкова и сосредоточивающихъ свое вниманіе исключительно на вопросахъ стиля.

Единственнымъ жизненнымъ проблескомъ въ этой схоластикѣ является сатира, которая по самому существу сво-

*) Напечатано въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1899 г., № 5.

ему не можетъ быть чѣмъ либо отвлеченнымъ, но она связана съ классицизмомъ только по формѣ, содержаніе же ея коренится въ чисто-русскомъ сатирическомъ реализмѣ, возникающемъ еще въ XVII столѣтіи, при столкновении старыхъ и новыхъ просвѣтительныхъ началъ. Однако сатира всегда бываетъ только одностороннимъ отраженіемъ жизни: какъ бы плохи ни были люди, какъ бы низко ни стояло общество, въ немъ всегда есть что-нибудь положительное, какіе-нибудь, хотя бы и очень слабые, задатки дальнѣйшаго развитія,—иначе остается въ перспективѣ только смерть. Поэтому наша обличительная литература конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія и пытается отрицательнымъ явленіямъ, взятымъ ею изъ жизни, противопоставить что-нибудь, свѣтлое, хорошее, но недостаточное, одностороннее наблюденіе приводитъ только къ созданію вполнѣ нереальныхъ фигуръ всяческихъ Стародумовъ, Добролюбовыхъ, Честоновъ.

Отчасти это же стремленіе къ положительнымъ типамъ, трогающимъ сердце читателей, видно и въ другомъ литературномъ направленіи, которое вступило въ борьбу съ классицизмомъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ такъ называемомъ сентиментализмѣ Карамзина и его послѣдователей; но эта школа, несомнѣнно имѣющая за собою крупныя заслуги, такъ какъ содѣйствовала въ нѣкоторой степени разрушенію якобы непререкаемыхъ правилъ хорошаго стиля и установленныхъ условныхъ формъ, въ свою очередь страдаетъ тоже существеннѣйшимъ недостаткомъ, полнымъ отсутствіемъ наблюденія надъ фактами окружающей дѣйствительности: самъ Карамзинъ сочиняетъ такія безжизненныя фигуры, какъ бѣдная Лиза съ ея мамашей, или какъ добродѣтельный поселянинъ Фроль Силинъ; а его послѣдователи, разные Милановы и Нахимовы наводняютъ русскую литературу до крайности фальшивыми образами добродѣтельныхъ героевъ и героинь, чувствительныхъ пейзазовъ и пейзажекъ во вкусѣ пастушескихъ идиллій XVIII вѣка. Такимъ образомъ и здѣсь выращивается тепличное растеніе, и здѣсь литература немногимъ отличается отъ классическаго лимонада: вѣдь слезы, пролитыя надъ Лизинимъ прудомъ, нисколько не мѣшали сентиментальнымъ помѣщикамъ и помѣщицамъ отсылать настоящихъ крестьянъ на конюшню для производства надъ ними экзекуціи, и даже самъ прекраснодушный авторъ, заявившій, что и крестьянки чувствовать умѣютъ, отлично могъ совмѣстить съ такимъ заявленіемъ доказательство необходимости крѣпостного права. Чувствительность сама по себѣ, литература сама по себѣ, но и жизненная практика тоже сама по себѣ: лимонадъ не можетъ вліять на жизнь.

Гораздо плодотворнѣе оказывается для дальнѣйшаго раз-

витія литературы третье направленіе, проявляющееся у насъ въ эту эпоху, романтическое: въ немъ прежде всего начинаютъ толковать объ идеалѣ, о высшемъ совершенствѣ, къ которому надо стремиться; правда, у романтиковъ идеалъ представляется или въ прошломъ, въ „миломъ воспоминаньи о томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ“, или въ заоблачныхъ сферахъ, гдѣ-то не на землѣ, въ надеждѣ „на лучшій неизмѣнный свѣтъ“; правда, наши романтики часто ограничиваются, подобно Ленскому, тѣмъ, что воспѣваютъ „нѣчто и туманну даль“,—однако, это не позволяетъ намъ строго относиться къ тому направленію, которое первое заговорило у насъ о возвышенномъ значеніи поэзіи и устранило всякую возможность видѣть въ ней пустую забаву, одинъ лимонадъ; разъ заведена рѣчь объ идеалѣ, то можно надѣяться, что этого идеала стануть искать гдѣ-нибудь и поближе къ жизни, сведуть поэзію съ небесъ на землю. Расчистивъ такимъ образомъ путь для будущаго движенія литературы къ серьезнымъ цѣлямъ, романтики, кромѣ того, чрезвычайно много сдѣлали и для того, чтобы наша литература стало народною: въ своей западной родинѣ романтизмъ былъ теченіемъ чисто національнымъ, и этотъ же національный характеръ скоро сообщается ему и у насъ: подражая нѣмцамъ, мы видимъ, что у нихъ романтизмъ есть возрожденіе народности въ литературѣ, и потому естественно начинаемъ сами стремиться къ сближенію съ народностью, тѣмъ болѣе, что подобное стремленіе идетъ у насъ и изъ другихъ источниковъ, изъ направленія нѣкоторыхъ старыхъ писателей, затрогивавшихъ народную жизнь, и изъ патриотическаго одушевленія, охватившаго русское образованное общество въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, который, пожалуй, въ этомъ отношеніи дѣйствительно „русскому народу высокой жребій указал“. Однако, при всѣхъ этихъ заслугахъ, въ нашемъ романтизмѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія слишкомъ много наноснаго, чуждаго русской жизни.

Изъ этой краткой характеристики литературныхъ направленій мы видимъ, что главнымъ ихъ недостаткомъ является отрѣшенность отъ русской жизни, и такая литература, чуждающаяся дѣйствительности, не есть литература: мы видимъ нѣсколько хорошихъ писателей, но ихъ дѣятельность не можетъ служить отраженіемъ жизни. И вотъ въ такую-то среду вступаетъ юноша, почти мальчикъ, уже на школьной скамьѣ обнаруживающій задатки рѣдкой оригинальности, говорящій такимъ языкомъ, какой невѣдомъ его учителямъ. Много ли мы найдемъ въ то время (1814 г.) у нашихъ поэтовъ такихъ строкъ, какія видимъ у 15-ти лѣтняго Пушкина въ его „Городкѣ?“ Для примѣра приведемъ слѣдующій отрывокъ:

Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней.
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ же вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаеть.
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала,
Тема свою хозяйку
Ни за что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ,—
Старушка все расскажетъ,
Межъ тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое,
А я сижу смиренно,
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ея.

Въ этомъ прекрасномъ, легкомъ стихѣ, въ образномъ и въ то же время совершенно простомъ языкѣ виденъ уже не ученикъ, а человѣкъ, смѣло могущій стать рядомъ съ лучшими тогдашними поэтами,—чувствуется будущая великая сила, сказывается тотъ Пушкинъ, который и впоследствии долженъ всѣхъ очаровывать именно своей простотой. Но не одна форма поражаетъ насъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, нельзя забывать, что и содержаніе ихъ совсѣмъ, ужъ не всегда такъ легкомысленно, какъ это мы привыкли постоянно говорить, извиняя поэту его легкомысліе юнымъ возрастомъ. Такъ наприимѣръ, въ извѣстномъ, ставшемъ достояніемъ шарманщиковъ, романсѣ: „Подъ вечеръ осенью ненастной“ мы находимъ такіе, полные серьезнаго чувства, совсѣмъ не легкомысленные и не мальчишескіе, стихи:

Несчастный, будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.

Повсюду странникъ одинокій,—
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!
Ты спишь!.. позволь тебя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькія печали
Не тронуть дѣтства тихихъ дней.

Также вполне серьезнымъ по тону является одно изъ лучшихъ лицейскихъ стихотвореній „Лицивію“, напоминающее до нѣкоторой степени позднѣе написанную сатиру Рылѣева „Къ Рубеллію“. Здѣсь мы видимъ полные жизненной правды образы двухъ римлянъ, причемъ рѣчи поклонника свободы, самого поэта, совсѣмъ не похожи на безпечные призывы къ веселью и вину!

Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода,
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лицивій, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню принесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ деревнихъ роцъ, на берегу морскомъ,
Найти нетрудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,
Вспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.

Изъ этихъ примѣровъ ясно, что уже въ юномъ лицействѣ обнаруживается умѣнье владѣть формой и порой содержательная мысль; остается эту мысль направить на окружающую дѣйствительность, и это осуществляется, какъ только Пушкинъ окончилъ курсъ лицея. Вступивши въ свѣтъ, ведя разсѣянную жизнь, предаваясь удовольствіямъ, Пушкинъ въ то же время интересуется и литературными дѣлами: онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ литературныхъ кружковъ, какъ это видно, на примѣръ, изъ

его посланія къ Жуковскому. Онъ жестоко нападаетъ на партію Шипкова, на членовъ „Бесѣды любителей россійскаго слова“, которые представляются ему злостными обскурантами, съ которыми, конечно, у него не можетъ быть мирныхъ отношеній:

Бѣда (воскликаетъ онъ), кто въ свѣтъ рожденъ
съ чувствительной душой,
Кто смѣло просвисталъ шутивою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата!

Но обскуранты, сѣющіе развратъ и защищающіе „русскую глупость“, проявляютъ свое рвеніе не только въ „Бесѣдѣ“, ихъ множество завелось въ ту реакціонную пору и въ другихъ сферахъ, и вотъ Пушкинъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ эпиграммъ, въ которыхъ казнить изувѣрство Фотія, мистицизмъ кн. А. Н. Голицына, фронтные идеалы Аракчеева и т. п. Онъ сближается съ представителями передовыхъ взглядовъ, и на него сильное вліяніе въ это время оказываетъ П. Я. Чаадаевъ, къ которому впослѣдствіи онъ обращается съ такими словами:

Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее свѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь,
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь,
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть,
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта?

Бесѣды съ Чаадаевымъ вели иногда къ крайне пылкимъ заявленіямъ свободолюбиваго характера, каково, напримѣръ, слѣдующее:

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,

Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь, взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Въ такихъ стихахъ или въ одѣ „Вольность“ выражалось молодое увлеченіе горячей головы, но былъ одинъ вопросъ, который занималъ очень многихъ, и которому суждено было получить разрѣшеніе еще черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, причемъ Пушкинъ какъ бы пророчески предугадалъ способъ его разрѣшенія. Это былъ вопросъ объ упраздненіи крѣпостнаго права, и въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи „Деревня“, заканчивающемся постоянно цитируемыми стихами, въ которыхъ какъ бы предсказано освобожденіе крестьянъ „по манію царя“, поэтъ даетъ намъ чрезвычайно яркую характеристику ненормальнаго состоянія крестьянства:

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ чловѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склоняясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ

Неумолимаго владѣльца.

Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,

Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, тѣварищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

Указанныя темы могутъ намъ служить отличнымъ матеріаломъ для выясненія отношеній поэта къ общественной жизни: поэтъ не стоитъ внѣ общественныхъ интересовъ, они живо его захватываютъ, онъ является выразителемъ стремленій извѣстныхъ общественныхъ круговъ своего времени, и въ этомъ онъ видитъ свое главное назначеніе. Такимъ онъ остается и впослѣдствіи, хотя, конечно, съ

годами долженъ исчезнуть юношескій задоръ, должна устраниться нетерпимость, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется область вопросовъ, затрагиваемыхъ его творческой фантазіей, и поэтъ идетъ не съ „вѣкомъ наравнѣ“ а впереди своего вѣка.

Выражая лучшія стремленія своего времени, поэтъ невольно воспроизводитъ окружающую его дѣйствительность: является эта жизнь и въ сатирическомъ, ѣдкомъ освѣщеніи, какъ, напримѣръ, въ посланіи „Кн. А. М. Горчакову“, гдѣ поэтъ даетъ замѣчательно рельефную характеристику большого свѣта,

Гдѣ умъ хранить невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,

.
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ...
Когда въ кругу Лапсъ благочестивыхъ
Затянутый невѣжда-генераль
Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
Съ трудомъ остритъ французскій мадригалъ,
Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
И всѣ вокругъ и дремлютъ, и молчатъ,
Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ;
Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ...

Но гораздо важнѣе отмѣтить въ это время нѣсколько иное настроеніе, при которомъ поэтъ, наблюдая житейскую пошлость, не бичуетъ ее съ Ювеналовскимъ негодованіемъ, а представляетъ ее съ добродушнымъ юморомъ. Такова, напримѣръ, слѣдующая картина Москвы въ стихотвореніи „Н. В. Всеволожскому“, подходящая къ той характеристикѣ первопрестольнаго града, которую мы находимъ въ послѣдствіи въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

Ты скачешь въ мирную Москву (говоритъ поэтъ своему другу),

Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ наяву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,
Москва прेमилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,

Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмѣлье,
И скуку съ картами въ рукахъ.

Въ подобныхъ стихахъ почти уже вполне опредѣленно вырисовывается намъ будущій образъ поэта-реалиста, поэта, дорожащаго болѣе всего простотой и въ этой простотѣ умѣющаго открывать присутствіе истинной красоты. Правда прежде всего и правда во всемъ, и въ картинахъ жизни, и въ самомъ выраженіи, изъ котораго изгоняется все условное, напыщенное, намѣренно-слащавое. Поэтъ уже теперь не боится представлять намъ вполне обыденную, будничную обстановку, онъ умѣетъ ею заинтересовать и очаровать гораздо лучше, чѣмъ это дѣлаютъ творцы модной въ то время фантастики, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣетъ такъ пользоваться языкомъ, что незамѣтно ни малѣйшаго подчиненія всякимъ незыблемымъ авторитетамъ. И достается же ему за это отъ строгихъ пуристовъ, которые видятъ въ такомъ попраниіи литературныхъ правилъ страшную дерзость, которые указываютъ поэту на мнимое неприличіе его языка, стиля, возмущаются его образами. Но, откуда же этотъ реализмъ? На этотъ вопросъ мы находимъ весьма поучительный отвѣтъ въ лицейскомъ стихотвореніи 15-ти лѣтняго поэта „Бова“.

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Эллинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Риематовымъ
Воспѣвать героевъ сѣвера.
Несравненнаго Virgiliya
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему.
Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ;
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить,
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю.
Но, вчера, въ архивахъ роясь,

Отыскаль я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталь и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Подчеркнутыя нами слова, въ которыхъ поэтъ выражаетъ желаніе быть всѣми понятымъ, нельзя не признать въ высшей степени замѣчательными не только потому, что они написаны мальчикомъ, сидящимъ на школьной скамьѣ, но и потому, что вслѣдъ за ними поэтъ объясняетъ намъ источникъ, изъ котораго возникло его стремленіе, для того времени представлявшееся вполнѣ оригинальнымъ, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что тогда почти всѣ поэты писали „для немногихъ“ да и не могли видѣть надобности расточать свой „вкусный лимонадъ“ для всѣхъ потому, вѣроятно, что только очень немногимъ онъ могъ показаться вкуснымъ. Источникомъ вдохновенія для нашего поэта является старая сказка про Бову королевича, и благодаря ей, становится возможнымъ отказаться и отъ классическихъ традицій Шапелена и Риёматова, и отъ романтическаго паренія „безъ крыль“. Нечего упоминать въ этомъ случаѣ о значеніи знаменитой няни, которой юный поэтъ посвящаетъ прочувственные строки въ своемъ лицейскомъ стихотвореніи „Сонъ“, которая рассказывала ему „о мертвецахъ, о подвигахъ Бовы“, и благодаря которой онъ „терялся“ въ порывѣ сладкихъ думъ, въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней, встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней“. Конечно, не слѣдуетъ черезчуръ преувеличивать значеніе няни, не слѣдуетъ видѣть въ ней, какъ это дѣлается, настоящую спасительницу поэта, охранившую его отъ тлетворнаго вліянія французскаго воспитанія, нельзя забывать того, что уже родительскій домъ знакомилъ Пушкина съ русскимъ языкомъ и литературой, но все же собственное показаніе поэта опредѣляетъ намъ, какъ велика была польза, принесенная ему его „мамушкой“. Не случайно же первое крупное произведеніе поэта, его изящнѣйшая поэма „Русланъ и Людмила“, заимствовано имъ изъ сказочнаго міра, и хотя источникъ поэмы указанъ проф. Владиміровымъ въ передѣлкахъ сказокъ литератора Екатерининской эпохи, Чулкова, тѣмъ не менѣе знаменитые стихи (написаннаго, правда, уже позднѣе) пролога поэмы:

У лукоморья дубъ зеленый
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ,—

взяты Пушкинымъ, по его собственному свидѣтельству, изъ няниной сказки о царѣ Салтанѣ: „У моря, у лукоморья, стоитъ дубъ, а на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверху идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ:—пѣсни поетъ“. И какъ въ сущности выправлена въ поэмѣ Пушкина (при всѣхъ ея несовершенствахъ, даже при подражаніи Аріосту) весьма недоброкачественная передѣлка Чулкова, какъ извѣстно, нисколько не церемонившагося съ текстомъ народно-поэтическихъ созданій! Откуда же это? Тутъ сказалось и вліяніе няни, и домашняя обстановка, самое же главное здѣсь заключается въ гениальномъ проникновеніи поэта въ существо народнаго творчества. Въ поэмѣ не приноровленіе нѣмецкой баллады къ русской обстановкѣ, какъ это мы часто видимъ у Жуковского, а напротивъ, возстановленіе народнаго колорита въ тенденціозной фальсификаціи прошлаго столѣтія. Впослѣдствіи, въ Михайловскомъ, кругъ наблюденій народной жизни и изученія народнаго творчества значительно расширяется, и поэтъ даетъ неподражаемыя произведенія въ духѣ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, но и теперь самый выборъ сюжета и его обработка намѣчаютъ намъ человѣка, тонко постигающаго характеръ народности и въ этомъ отношеніи идущаго по пути реального воспроизведенія жизни.

Такимъ образомъ въ первомъ, такъ сказать, еще ученическомъ періодѣ своей дѣятельности, Пушкинъ является передъ нами поэтомъ, стремящимся къ народности въ своихъ произведеніяхъ, поэтомъ, не чуждающимся дѣйствительности, не видящимъ въ ней чего-либо низкаго, а напротивъ, въ ней находящимъ лучшій источникъ для своего вдохновенія, которое направляется, какъ на воспроизведеніе этой дѣйствительности безъ всякихъ условныхъ, фальшивыхъ прикрасъ, такъ и на выраженіе ея лучшихъ стремленій къ свѣту и правдѣ. Это поэтъ прежде всего правдивый, и такимъ онъ остается въ теченіе всей своей послѣдующей славной творческой работы: поворота никакого не замѣчается, а видно только расширеніе области наблюденія, большее приближеніе къ объективности, безъ которой нѣтъ настоящей правды, и которая, конечно, не можетъ въ полнотѣ проявляться въ задорномъ юношѣ, и наконецъ болѣе любовное, человѣчное отношеніе къ природѣ и людямъ, задатки котораго можно указывать уже теперь; той же эпикурейской отрѣшенности отъ жизни, того художественнаго квіетизма, въ которыхъ, главнымъ образомъ, благодаря второстепеннымъ послѣдователямъ Пушкина и неправильноному толкованію его взглядовъ на поэзію, мы привыкли обвинять нашего поэта, не наблюдается ни въ юности, ни въ зрѣломъ его возрастѣ.

Ссылка вырывает поэта из столичной среды, отдаляет его и отъ пустыхъ увлеченій, и отъ нѣкоторыхъ серьезныхъ друзей, съ которыми, впрочемъ, связи не прекращаются. Мы не будемъ угадывать, что бы могло случиться съ поэтомъ, если бы онъ остался въ Петербургѣ, не будемъ предполагать, что его талантъ могъ бы погибнуть въ вихрѣ свѣтской жизни, такъ какъ въ подобныхъ предположеніяхъ нѣтъ ни цѣли, ни основанія; мы постараемся только въ самыхъ общихъ чертахъ припомнить, что дало ему время ссылки (но врядь-ли самая ссылка, такъ какъ „пустая, разсѣянная жизнь“ продолжается частью и въ ссылкѣ) въ смыслѣ развитія его творчества, въ смыслѣ сближенія съ русской дѣйствительностью. Для насъ поэтому никакого интереса не представляетъ ни Байроновское вліяніе, ни недавно очень хорошо доказанное г. Сиповскимъ вліяніе Шатобріана, состоящее, какъ это отмѣчаетъ молодой изслѣдователь, лишь въ заимствованіи нѣкоторыхъ образовъ,—для насъ важно отношеніе созданныхъ въ это время образовъ не къ ихъ литературнымъ источникамъ, а непосредственно къ русской жизни, такъ какъ нашъ поэтъ, заимствуя свои образы, переноситъ ихъ на русскую почву, ищетъ имъ соотвѣтствія въ жизни и приписываетъ свой поэтический судъ надъ тѣми или другими жизненными явленіями.

Не говоря о прекрасныхъ описаніяхъ природы и быта въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ и „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, мы остановимся только на Алеко и позволимъ себѣ привести мастерскую характеристику этого типа, принадлежащую Ө. М. Достоевскому. „Въ подражаніяхъ,—говорилъ Достоевскій,—никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, которая явилъ Пушкинъ въ Цыганахъ — поэмѣ, которую я всецѣло отношу еще къ первому періоду его творческой дѣятельности. Не говорю уже о творческой силѣ и стремительности, которой не явилось бы столько, если-бы онъ только лишь подражалъ. Въ типѣ Алеко, героя поэмы „Цыганы“, сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная поэтомъ въ гармонической полнотѣ въ Онѣгинѣ, гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и гениально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ

поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнуть“.

Далѣе, обращаясь непосредственно къ типу Алеко, Достоевскій говоритъ: „Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачь о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла бы явиться, и когда именно она потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: „правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ европейскихъ, напримѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскою жизнью“. И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ, какъ институтка, въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя, по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено русское образованное общество. И онъ это чувствуетъ, этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно! Ну, и что же въ томъ, что, принадлежа, можетъ быть, къ родовому дворянству и даже, весьма вѣроятно, обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего дворянства, маленькую фантазію прельститься людьми, живущими „безъ закона“, и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, „дикая женщина“, по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла подать ему надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомысленною, но страстною вѣрой бросается къ Земфирѣ: „Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой; вотъ, гдѣ можетъ быть мое счастье, здѣсь, на лонѣ природы, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей, у которыхъ нѣтъ цивилизаци и „законовъ“. И что же оказывается: при первомъ столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не выдерживаетъ и обагрываетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняютъ его—безъ отомщенія, безъ злобы, величаво и простодушно:

Оставь насъ, гордый человѣкъ,
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ.

.. Все это, конечно, фантастично, но „гордый-то человекъ“ реаленъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ захваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить“.

Эта вдохновенная рѣчь Достоевскаго указала въ Алеко первый у насъ литературный типъ человека, оторваннаго европейскою цивилизаціей отъ родной почвы, тотъ типъ, въ которомъ сосредоточилась коренная болѣзнь всего нашего образованнаго общества, и критическое отношеніе къ подобному типу, его „развѣнчаніе“, какъ выражались нѣкоторые критики, должно быть признано наиболѣе важнымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ Пушкинымъ по пути изученія нашей дѣйствительности. Еще въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ отношеніе поэта къ типу скитальца далеко не критическое, а въ произведеніяхъ современниковъ Пушкина этотъ типъ постоянно окружается ореоломъ какой-то таинственности и могучей силы. Въ „Цыганахъ“ маска величія уже сорвана съ героя, указана его собственная внутренняя несостоятельность, независимо отъ окружающихъ его обстоятельствъ, хотя мы не видимъ еще, не былъ ли правъ Алеко, порывая свои связи съ цивилизованнымъ обществомъ. Судя по его словамъ, въ этомъ обществѣ невозможно ужиться, оно не признаетъ свободы, къ которой онъ стремится, но въдь это его собственныя слова, и можетъ быть, корень зла лежитъ въ немъ самомъ. Этотъ вопросъ занимаетъ и нашего поэта, и онъ принимается за его разрѣшеніе въ „Евгеніи Онѣгинѣ“.

Какъ извѣстно, „Евгеній Онѣгинъ“ былъ такимъ же любимымъ дѣтищемъ фантазіи Пушкина, какими были для Байрона „Донъ Жуанъ“ и для Гете—„Фаустъ“: романъ писался слишкомъ девять лѣтъ, и за этотъ продолжительный періодъ поэту пришлось многое пережить, увидѣть много новаго, о многомъ передумать, и, какъ онъ выразился впоследствии, онъ „самъ покорный общему закону, перемѣнился“. Перемѣны коренной не произошло, а явилось только болѣе ясное пониманіе своихъ задачъ, и поэтъ въ сущности только укрѣпилъ въ себѣ тѣ задатки реального направленія, которые мы замѣчали въ немъ уже въ первый періодъ его дѣятельности. Здѣсь, конечно, мы должны особенно цѣнить впечатлѣнія жизни въ Михайловскомъ: и нянины пѣсни, и сказки получаютъ для него въ это время гораздо болѣе серьезное значеніе, такъ что онъ приступаетъ къ собиранію памятниковъ народнаго творчества въ деревняхъ и, можно сказать, кладетъ начало болѣе правильному отношенію нашей науки къ народной поэзіи, такъ какъ его собраніе есть одинъ изъ исходныхъ пунктовъ работы П. В. Кирѣевскаго; знакомство съ сосѣдями расширяетъ кругъ его наблюденій надъ русской провинціальною средой, надъ

полу-патріархальнымъ помѣщичьимъ бытомъ; отъ современной жизни онъ переходитъ къ исторіи, которая даетъ ему богатый матеріалъ для будущихъ его созданій, и къ которой онъ первый относится у насъ, какъ настоящій реалистъ, что было особенно важно въ ту эпоху, когда господствовали тенденціозные взгляды на исторію, отчасти внушенные Карамзинымъ.

Это сближеніе съ русской дѣйствительностью вполне уясняетъ поэту дальнѣйшій характеръ его творчества, и онъ набрасываетъ такой планъ романа:

. . . . романъ на старыи ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ.

Можно предполагать, что этотъ планъ романа осуществленъ въ „Капитанской дочкѣ“; но нельзя также не видѣть его отраженіе и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, который изъ первоначальнаго проекта шуточной повѣсти въ родѣ Байроновскаго „Беппо“ разросся въ это время въ широкую картину русской жизни. Сперва запасъ наблюденій былъ не особенно великъ и можно было ограничиться намѣреніемъ дать „описание свѣтской жизни петербургскаго молодого человѣка, но съ годами являються новые типы, новое къ нимъ отношеніе, рисуется жизнь всего общества. Однако существенно-важнымъ представляется то обстоятельство, что уже съ самаго начала авторъ смотритъ на свой романъ, какъ на сатирическій, и съ самаго начала далекъ отъ того, чтобы ставить своего главнаго героя на пьедесталь. Типъ разочарованнаго, скучающаго, охваченнаго „хандрой“, скитальца уже въ это время лишенъ ореола таинственнаго величія, а въ послѣдствіи знакомство съ дѣйствительной жизнью приводитъ поэта къ окончательному осужденію этого скитальца, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ первый русскій реалистическій романъ въ истинномъ значеніи этого слова.

Романъ этотъ реалистическій потому уже, что онъ народный романъ; все въ немъ русское, и это изображеніе народной жизни, точное до мелочей, согрѣто любовнымъ отношеніемъ поэта. Бѣдная природа, представленная въ разныя времена года, кажется намъ прекрасною въ этомъ освѣщеніи; русскій бытъ нарисованъ намъ въ самыхъ различныхъ сферахъ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціальныхъ городахъ, въ деревнѣ,—и вездѣ господствуетъ удивительная, свойственная Пушкину и до него небывалая простота, болѣе всего подходящая къ правдивому воспроизведенію картинъ русской дѣйствительности. Развѣ не реальны отдѣльныя картинки крестьянскаго быта, написанныя безъ ультра-народническихъ подробностей, которыми щеголяютъ нѣкоторые позднѣйшіе писатели, но вполне вѣрно воспроизводящія особенности крестьянской жизни? Развѣ не реально, на примѣръ, такое описаніе провинціальной суетоки въ „Путешествіи Овѣгина“:

. предъ нимъ
Макарѣвъ суетно хлопочеть,
Кипить обиліемъ своимъ!
Сюда жемчугъ привезъ индѣецъ,
Поддѣльны вина европейскія;
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей;
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей;
Помѣщикъ—спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.
Всякъ суетится, жметъ за двухъ,
И всюду меркантильный духъ.

А какъ характерно описаніе того же провинціального общества, съѣхавшагося на именины Татьяны, при чемъ двумя-тремя словами очерчивается цѣлое жизненное явленіе:

Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, бричкахъ и саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостинной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохоть, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.
Съ своей супругою дородной

Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходный,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Увздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ,
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плуть,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

Рядомъ съ этимъ описаніемъ можно поставить слѣдующее изображеніе московской спячки, неподвижности:

Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки, княжны Елены,
Все тотъ-же толевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все такъ же лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
Семень Петровичъ такъ же скупъ,
У Пелагеи Николаевны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шпиць, и тотъ же мужъ;
А онъ все клуба членъ исправный,
Все такъ же смиренъ, такъ же глухъ,
И такъ же ѣсть и пьеть за двухъ.

. . . . всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клеветуютъ даже скучно;
Въ бесплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ,
Не улыбнется темный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Къ этой характеристикѣ пустого и пошлаго московскаго общества очень подходитъ слѣдующее описаніе пѣтербургскаго большого свѣта:

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя:
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Неулыбающихся лицъ.
Тутъ былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по-старому шутившій,
Отмѣнно, тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно;
Тутъ былъ на эпиграммы падкій
На все сердитый господинъ;

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальный
Стоялъ картинкою журнальной
Затянуть, нѣмъ и недвижимъ,
Румянь, какъ вербный херувимъ,
И путешественникъ залетный,
Перекрахмаленный нахаль.

Подобныя характеристики представляютъ намъ общество въ его цѣломъ составѣ и, пожалуй, могутъ показаться на первый взглядъ слишкомъ поверхностными; но въ сущности, сколько бы мы не добавляли подробностей, мы ихъ не измѣнимъ, такъ какъ онѣ вполне передаютъ наиболѣе характерныя черты свѣтской среды—пошлость, пустоту, отсутствіе серьезныхъ, высшихъ интересовъ. Въ этомъ и заключается великое достоинство Пушкинскаго реализма: онъ не расплывается въ мелочахъ, какъ это дѣлаютъ разные протоколисты въ литературѣ,—онъ схватываетъ самое существо жизни и отдѣляетъ въ ней наиболѣе типичное, но большую частью нами не замѣчаемое.

Тотъ же самый реализмъ замѣчается и въ рисовкѣ отдѣльныхъ типовъ, выведенныхъ въ романѣ. Какъ, напримеръ, типиченъ русскій романтикъ, Ленскій, вынесшій изъ пребыванія въ заграничномъ, конечно, Геттингенскомъ университетѣ, „учености плоды“, характеризуемые въ слѣдующихъ, полныхъ тонкой ироніи стихахъ:

Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,

Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечъ.

И въ этой характеристикѣ, и въ тѣхъ стихахъ, которые въ изобиліи сочиняетъ Ленскій, образецъ которыхъ намъ даетъ Пушкинъ въ шестой главѣ своего романа, замѣчательно вѣрно схвачены черты подлинной русской дѣйствительности, крайне неопредѣленнаго и зачастую чисто внѣшняго увлеченія романтизмомъ. Фальшивую сторону такого романтизма намъ поэтъ прекрасно выставляетъ въ своемъ отзывѣ о писаніяхъ Ленскаго:

Такъ онъ писалъ темно и вяло
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)

Тѣ же приемы реального творчества видны въ обрисовкѣ главнаго героя романа, этого скитальца-эгоиста, „москвича въ Гарольдовомъ плащѣ“. Все въ Онѣгинѣ (который, повторяемъ, по замыслу Пушкина есть типъ сатирической) взято изъ современной обстановки и для насъ отчасти уже отличается историческимъ характеромъ: таково его воспитаніе поверхностное, подъ руководствомъ иностранца, позволяющее блистать въ свѣтѣ, такъ что даже „судьи рѣшительные и строгіе“ находятъ послѣ разговора съ нимъ (хотя онъ и „хранить молчанье въ важномъ спорѣ“), что онъ „ученый малый, но педантъ“; такова его пустая жизнь въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, проходящая исключительно въ разнаго рода увеселеніяхъ: таковы и скука, его одолеваящая, и попытки приняться за какое-нибудь серьезное дѣло, читать и даже писать, его интересъ къ вопросамъ экономическимъ; которые особенно были въ модѣ въ это время („читалъ Адама Смита и былъ великій экономъ“), хотя, по всей вѣроятности, и въ этой наукѣ имъ схвачены одни верхи; столь же характерно для эпохи и отношеніе Онѣгина къ крестьянамъ, судьбу которыхъ онъ облегчаетъ („яремъ онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ“), такъ какъ въ то время немало шло толковъ о крестьянскомъ вопросѣ; весьма интересно его деревенское времяпровожденіе, при чемъ онъ въ качествѣ петербургскаго льва съ большимъ пренебреженіемъ относится ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ; наконецъ, любопытны, какъ реальные подробности, скитанія Онѣгина, его альбомъ, характеристика, его чтенія:

Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна чтенье разлюбилъ,

Однакожь нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ.
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйстви пустомъ.

Верхомъ реализма въ романѣ, совершенною новостью для русской литературы, должно быть признано созданіе дивнаго образа Татьяны; особенною новостью является этотъ типъ потому, что въ прежнемъ исключительно сатирическомъ направленіи реализма его положительные типы всегда бывали сочиненными, къ жизни отношенія не имѣли, тогда какъ Татьяна, несомнѣнно лицо вполне реальное. Это—самая обыкновенная провинціальная дворянская дѣвица, мало образованная, наивная, суевѣрно убѣжденная въ силѣ примѣтъ и гаданій, фантазерка, начитавшаяся чувствительныхъ романовъ, мечтающая о какомъ-то необыкновенномъ героѣ и даже свое письмо къ Онѣгину сочиняющая (непремѣнно по-французски, такъ какъ по-русски она писать не мастерица) въ стилѣ письма Юліи къ Сенъ-Пре (изъ романа Руссо „Новая Элоиза“), — короче сказать, это такой типъ, который не представляетъ собою ничего яркаго, выдающагося, бросающагося въ глаза... А между тѣмъ поэтъ сумѣлъ въ своей Танѣ, которую онъ такъ любитъ, разглядѣть такія черты, которыя поднимаютъ ее на чрезвычайную нравственную высоту и приводятъ Достоевскаго къ заключенію, что въ русской литературѣ есть только два такихъ идеальностихъ образа, т.-е. Татьяна и Лиза изъ „Дворянскаго Гнѣзда“. Лицо, не отступающее такимъ образомъ ни мало отъ дѣйствительности, возведено Пушкинымъ въ идеаль, и въ этомъ заключается наиболѣе существенная особенность, отличающая новое реальное направленіе, родоначальникомъ котораго должно признавать Пушкина: это направленіе нисколько не чуждается идеала, но оно ищетъ его не въ заоблачныхъ сферахъ, не въ иномъ мірѣ, какъ это дѣлалъ романтизмъ, и не въ сочинительствѣ, тѣмъ грѣшилъ прежній реализмъ, а здѣсь, на землѣ, во вполне реальной обстановкѣ.

Сродни Татьянѣ отчасти княжна Полина изъ отрывка „Рославлевъ“, а въ особенности героиня „Капитанской дочки“, Марья Ивановна Миронова, тоже крайне простая,

лишенная всякой эффектности дѣвушка, воспитанная въ отдаленномъ захолустѣ, на первый взглядъ кажущаяся даже глуповатой, при этомъ неожиданно обнаруживающая способность къ героизму, самоотверженной любви; здѣсь опять тотъ же пріемъ исканія идеала въ дѣйствительности неприкрашенной.

Коснувшись „Капитанской дочки“, слѣдуетъ отмѣтить въ этой повѣсти типъ слуги, Савельича, и отношеніе Пушкина къ исторіи. Савельичъ (если не припоминать няни Еремѣвны у Фонвизина и очень немногихъ крестьянъ изъ комедій и повѣстей прошлаго вѣка, при чемъ во всѣхъ есть нѣкоторая фальшивость, карикатурность) можетъ считаться (вмѣстѣ съ няней Татьяны) чуть ли не первымъ правдивымъ образомъ крестьянина-слуги въ нашей литературѣ: это уже не добродѣтельно-чувствительная фигура въ родѣ тѣхъ, которыя создавались Карамзинской школой, и не ловкій слуга французскихъ комедій, очень часто повторявшійся въ нашей литературѣ и даже отразившійся въ Грибоѣдовской Лизѣ,—это настоящій, живой человѣкъ, преданный своему барину, стояцій за барское добро, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенный нѣкотораго сознанія своего достоинства, умѣющій отвѣтить и Пугачеву и защититься отъ упрековъ старика Гринева. Такой типъ, какъ Савельичъ, явился художественнымъ откровеніемъ, и съ него надо вести генеалогію крестьянскихъ типовъ Григоровича, С. Аксакова, Тургенева и другихъ нашихъ бытописателей.

Что касается исторіи въ этой повѣсти, то насъ невольно должно поражать тонкое пониманіе поэтомъ характера Пугачева; у другого поэта, не реалиста, Пугачевъ легко могъ бы обратиться въ мелодраматическаго злодѣя, не умѣющаго и шагу ступить не по-злѣдѣйски, или же въ добродѣтельнаго разбойника, какихъ мы много видимъ, въ такъ называемыхъ разбойничьихъ романахъ; у Пушкина нѣтъ ничего подобнаго, и страшный самозванецъ, не будучи окруженъ какимъ-нибудь добродѣтельнымъ сіяніемъ, остается прежде всего человѣкомъ и не лишенъ нѣкоторыхъ чертъ, могущихъ вызвать наше сочувствіе: такъ онъ умѣлъ благодарить за оказанную услугу, а на свое дѣло смотритъ даже съ поэтической стороны, для объясненія его ссылаясь на инородческую сказочку. Отличнымъ также образомъ реалистическаго отношенія къ исторіи можетъ служить характеристика императрицы Екатерины II, совершенно свободная отъ той приподнятости, которую вообще чрезвычайно часто страдаетъ историческая беллетристика при изображеніи выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: Екатерина является мелькомъ, а между тѣмъ поэтъ сумѣлъ намъ показать въ ней человѣка.

Тотъ же историческій реализмъ мы можемъ замѣтить и въ обрисовкѣ личности любимаго героя Пушкина, Петра Великаго, и въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“, и въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, и въ „Полтавѣ“: вездѣ передъ нами человекъ, а не манекенъ, говорящій о государственныхъ дѣлахъ и совершающій великія дѣянія; и замѣчательно, что въ такомъ простомъ пониманіи личности Петра Великаго, какъ вѣчнаго работника на тронѣ, Пушкинъ оказался вполне народнымъ: по крайней мѣрѣ, извѣстному изслѣдователю народнаго творчества, Е. В. Барсову, удалось въ Олонецкой губерніи услышать отъ крестьянина отзывъ о великомъ преобразователѣ почти совсѣмъ совпадающій со взглядомъ Пушкина.

Близко къ „Капитанской дочкѣ“ по общему колориту и по правдивости изображенія провинціальной жизни подходитъ повѣсть „Дубровский“, въ которой мы находимъ такой важный въ историко-литературномъ отношеніи образъ, какъ типъ Троекурова, впоследствии оказавшій нѣкоторое вліяніе и на повѣсть Мельникова „Старые годы“ и на типъ стараго князя Болконскаго въ „Войнѣ и мирѣ“, а также князя Хвалынскаго отца въ „Пугачевцахъ“. И въ „Дубровскомъ“, какъ и въ „Капитанской дочкѣ“ намъ дана прекрасная психологія массы, которая не представляется стадомъ, а есть совокупность сознательныхъ личностей и въ этомъ отношеніи обѣ указанныя повѣсти Пушкина послужили отличными образцами и для графа Л. Н. Толстого и для графа Е. А. Саліаса.

Воспроизведеніе исторической дѣйствительности не менѣе поражаетъ насъ и въ „Борисѣ Годуновѣ“, который основанъ, какъ это прекрасно указалъ профессоръ И. Н. Ждановъ, на самомъ обстоятельномъ изученіи первоисточниковъ, и не можетъ считаться порожденіемъ сильнаго „карамзинизма“, за что осуждалъ его Н. А. Полевой: здѣсь и Борисъ, и самозванецъ, и женскіе образы, и второстепенныя лица представляются высоко реальными, и, если можно указывать нѣкоторыя неточности въ изображеніи Пимена, то онѣ должны быть отнесены на счетъ тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Пушкинъ. Тутъ обнаружился общій удѣлъ исторической беллетристики, лишенной возможности руководиться собственными наблюденіями и вынужденной воспринимать факты сквозь призму чужого освѣщенія.

Возвращаясь къ реальному воспроизведенію современной жизни, приходится прежде всего остановиться на „Повѣстяхъ Бѣлкина“, которыя помимо своеобразнаго типа самого ихъ фиктивного автора, И. П. Бѣлкина, представляютъ огромный интересъ по своему вліянію на позднѣйшую нашу литературу: изъ этихъ повѣстей критика видѣла

въ „Гробовщикъ“ нѣчто такое, отъ чего можно производить художественные приемы Писемскаго, а въ „Станціонномъ смотрителѣ—предшественника тѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, которыхъ впослѣдствіи выводилъ въ своихъ сочиненіяхъ Ѳ. М. Достоевскій.

Наконецъ, для полноты характеристики пушкинскаго реализма необходимо упомянуть и объ „Исторіи села Горюхина“, въ которой находится замѣчательно яркое обличеніе недостатковъ крѣпостного права. Позволимъ себѣ привести изъ этой „Исторіи“ слѣдующую картину „политической системы“ Горюхинскаго приказчика: „Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смиреннѣе. Вслѣдствіе сего старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1. Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостью. 2. Недостаточные и празднoлюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство платили полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ этого по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ, выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мирскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни заработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горюхино совсѣмъ обнищало, Горюхино приуныло, базаръ опустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки пошли по міру—и день храмоваго праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, а годовщиною печали и поминанія горестнаго“.

Это обличеніе крѣпостного права, написанное въ 1830 году, показываетъ намъ, что и въ этотъ періодъ своей дѣятельности такъ же, какъ и до ссылки на югъ Россіи, Пушкинъ не ограничивается однимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, но продолжаетъ выражать ея надежды, отзываясь на лучшія стремленія своего времени. И здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ объ отношеніи Пушкина къ такъ называемой теоріи „искусства для искусства“. Дѣйствительно, любопытно разсмотрѣть, на чемъ основано за-

численіе Пушкина въ разрядъ сторонниковъ этой теоріи.

Въ сущности, единственнымъ мотивомъ тутъ является стихотвореніе „Чернь“, въ которомъ повидимому, поэтъ совсѣмъ отстраняется отъ жизни и съ презрѣніемъ относится къ людскимъ горестямъ и нуждамъ. Однако, такое пониманіе этого стихотворенія далеко нельзя признать правильнымъ. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, кого Пушкинъ имѣетъ здѣсь въ виду, обращаясь къ черни: не есть ли это та самая свѣтская толпа, въ которой онъ являлся настоящимъ мученикомъ въ послѣдніе годы своей жизни, и которая привела его къ трагическому концу? Намъ кажется, что иначе этого понимать нельзя, такъ какъ презрѣнія къ народу въ широкомъ смыслѣ этого слова мы у Пушкина нигдѣ не найдемъ, за то съ осужденіемъ свѣтской черни мы встрѣчаемся у него на каждомъ шагу. Затѣмъ вторымъ вопросомъ является: чего требуетъ чернь отъ поэта? Она ищетъ матеріальной пользы, а главное она желаетъ подчинить его себѣ, своимъ велѣніямъ, тогда какъ для него свобода есть первое, необходимое условіе плодотворности его труда, направленнаго къ высокимъ, идеальнымъ цѣлямъ, которыя несомнѣнно внесутъ свѣтъ правды и добра въ эту же толпу. И какъ обращается къ поэту этотъ „хладный и непосвященный“ народъ? Онъ говоритъ ему о своихъ порокахъ, проситъ „уроковъ“ и заключаетъ обѣщаніемъ: „а мы послушаемъ тебя“. Ясно, что это обѣщаніе лицемѣрно, и если толпа не слушаетъ поэта теперь, то и послѣ его слова окажутся гласомъ вопіющаго въ пустынь. Кромѣ этого, не нужно забывать, что въ этомъ стихотвореніи несомнѣнно звучитъ нотка раздраженія, такъ что нѣкоторыя выраженія именно этимъ и объясняются, а наконецъ, важнѣйшимъ аргументомъ противъ признанія Пушкина защитникомъ теоріи искусства для искусства являются всѣ другія его стихотворенія, въ которыхъ онъ говоритъ о задачахъ поэтической дѣятельности.

Изъ этихъ стихотвореній мы, прежде всего, останавливаемся на небольшой параллели „Эхо“, которая написана послѣ „Черни“:

„Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, реветъ ли громъ,
Поеть ли дѣва за холмомъ—

На всякій звукъ
Твой откликъ въ воздухъ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ
И крику сельскихъ пастуховъ—

И плешь отвѣтъ.
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Поэтъ отзывается на все, что вокругъ него происходитъ, но вѣдь этотъ поэтъ въ то же время пророкъ, возвѣщающій волю Божию (стихотвореніе „Пророкъ“), т.-е. указывающій людямъ путь, по которому они должны идти, и если онъ своимъ „глаголомъ“ жжетъ сердца людей, то право, нѣтъ никакой возможности говорить о какомъ-то квіетизмѣ этого пророка: напротивъ, это есть, прежде всего, общественный вождь, учитель, направляющій людей къ самымъ возвышеннымъ цѣлямъ. А для этого ему нужна полная свобода, онъ не зависитъ ни отъ милостивцевъ, ни отъ народа („Изъ VI Пиндемонта“), и самъ является своимъ высшимъ судьей, руководясь своей совѣстью, никому не угождая, не стараясь добиться почестей и похвалъ („Поэту“).

Поэтъ нисколько не отрѣшенъ отъ жизни, онъ рвется въ бой:

О муза пламенной сатиры, (воскликаетъ Пушкинъ)
Приди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ
И не поэтамъ милыхъ дамъ
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята—подлецы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если я кого забуду—
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать.

И понятно, что поэту приходится очень много выносить отъ той толпы, которая его не понимаетъ. Въ „Отвѣтъ анониму“ (1830 г.) Пушкинъ говоритъ осебѣ:

Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.

Смѣшенъ, участія кто требуетъ отъ свѣта.
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ,
Глубоко выразить сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагодарно киваетъ головой.

Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—

„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ;

„Тѣмъ лучше! Наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ“

И намъ ихъ передастъ“. Но счастье поэта

Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта.

Мы знаемъ, что Пушкинъ не разъ и въ эту пору своей дѣятельности, въ послѣдніе годы своей жизни, отзывался на общественные вопросы, онъ именно жилъ общественными интересами. Что какъ не подобный отзывъ стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, въ которыхъ, разсматривая ихъ безпристрастно, нѣтъ никакой злобы по отношенію къ полякамъ, а, напротивъ, выражается гуманное, незлобное чувство? Поэтъ сохранилъ прежнія свои личныя симпатіи, какъ это видно изъ стихотворенія „Арионъ“ и изъ слѣдующаго „Посланія въ Сибирь“:

Въ глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье;
Придетъ желанная пора;
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Тѣхъ же самыхъ декабристовъ, своихъ товарищей, находящихся въ „мрачныхъ пропастьяхъ земли“, Пушкинъ вспоминаетъ и позже въ стихотвореніи „19-го октября 1827 года“.

Итакъ, мы видимъ, что по существу поворота въ

дѣятельности поэта въ періодъ его зрѣлости не произошло никакого, что онъ остается тѣмъ же поэтомъ дѣйствительности, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ первыхъ своихъ произведеніяхъ; отрѣшенности отъ жизни нѣтъ, напротивъ, благодаря, прежде всего, Пушкину, литературнаго сближается съ жизнью, становится ея точнымъ и правдивымъ воспроизведеніемъ, ея истолковательницею, выразительницею ея лучшихъ стремленій, и поэтъ дѣлается пророкомъ, ведущимъ людей впередъ къ свѣту и правдѣ. Своей лирой, чуждой фальшивыхъ нотокъ нашихъ прежнихъ литературныхъ направленій, Пушкинъ дѣйствительно пробуждалъ въ людяхъ добрыя чувства; руководясь своимъ неподкупнымъ, не подчиняющимся никакимъ внѣшнимъ силамъ, вдохновеніемъ, онъ указывалъ людямъ тѣ цѣли, къ которымъ они должны стремиться; говорилъ имъ, чѣмъ они живы; онъ и теперь это дѣлаетъ, и такъ будетъ „доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ пѣтъ“; поэзія Пушкина есть „арфа серафима“, есть яркая путеводная звѣзда для всей нашей литературы, задача которой состоитъ во внесеніи въ нашу жизнь челоуѣчности; эта поэзія—великій „нерукотворный памятникъ“, и „къ нему не заростетъ народная тропа“.

И. П. Бѣлкинъ и его произведенія.

Извѣстный критикъ 50—60-хъ годовъ XIX вѣка, одинъ изъ главныхъ представителей кружка, такъ называемыхъ почвенниковъ, А. А. Григорьевъ, утверждая, что Пушкинъ боролся съ чуждыми русской народной стихіи западно-европейскими идеалами борьбы и протеста, во имя присущаго русскому духу начала „всесмиренія“, придавалъ особенно важное въ этомъ смыслѣ значеніе созданному Пушкинымъ типу И. П. Бѣлкина. „Въ дни молодого и кипучаго вдохновенія, говоритъ Григорьевъ, великая натура поэта мѣрила свои силы со всѣмъ великимъ, что она уже встрѣтила даннымъ и готовымъ, подвергаясь равномѣрно вліянію и свѣтлыхъ, и темныхъ его сторонъ. Оказалось, во-первыхъ, что на „вся добрая и злая“—у нея есть удивительная отзывчивость; во-вторыхъ, что эта отзывчивость не можетъ остановиться на среднемъ пути, а ведетъ всякое сочувствіе до крайнихъ его предѣловъ; и въ-третьихъ, наконецъ, что все-таки не можетъ она перестать любить своего типового, не можетъ не искать его и не можетъ забыть своей почвы... Эта любовь скажется то радостью „замѣтить разность“ между Онѣгинымъ и собою, то мечтою о поэмѣ „пѣсенъ въ двадцать пять“ съ мирнымъ, семейнымъ характеромъ... Мало-ли чѣмъ наконецъ?—записываніемъ сказокъ старой няньки, или анекдотовъ о старинѣ!.. Когда поэтъ въ эпоху зрѣлости самосознанія привелъ для самого себя въ очевидность всѣ эти, повидимому, совершенно противоположныя явленія, совершавшіяся въ его собственной натурѣ,—то, прежде всего, правдивый и искренній, онъ умалилъ себя, когда-то Гирея, Плѣнника, Алеко, до образа Ивана Петровича!.. Я говорю: умалилъ себя, а не поставилъ въ надлежащія границы, ибо трудно представить себѣ дѣйствительно Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ натуру, которая и прежде мѣряться, да и не переставала мѣряться съ самыми могучими типами (ибо въ то-же время гений поэта проникалъ въ мрачно-сосредоточенную душу Сальери и въ вѣчно жаждущую жизни натуру Донъ-Жуана),—стало быть

вовсе не сосредоточивалась исключительно въ существованіи Бѣлкина. Въ этомъ типѣ узаконивалась, и при томъ только на время, только отрицательно, критически, чисто типовая сторона. Въ существованіе Бѣлкина пошелъ только критическій отсадокъ борьбы, а отнюдь не вся личность поэта,—ибо Пушкинъ вовсе не думалъ отречься отъ прежнихъ своихъ сочувствій, или считать ихъ противузаконными,—какъ это готовы дѣлать иногда мы. Бѣлкинъ для Пушкина вовсе не герой его,—а просто критическая сторона души; ибо иначе, откуда взялась бы въ душѣ поэта другая сторона ея; сторона широкихъ и пламенныхъ сочувствій?“ Григорьевъ настаиваетъ, что „типъ Ивана Петровича Бѣлкина былъ почти любимымъ типомъ поэта въ послѣднюю эпоху его дѣятельности“, что „влѣзая въ кожу, принимая взглядъ Бѣлкина, Пушкинъ рассказываетъ намъ столь многія добродушныя исторіи, между прочимъ „лѣтопись села Горохина“ и семейную хронику Гриневыхъ, эту родоначальницу всѣхъ теперешнихъ „семейныхъ хроникъ“, къ числу которыхъ послѣдователи А. А. Григорьева относили между прочимъ и „Войну и миръ“ Л. Н. Толстого.

Типу Бѣлкина А. А. Григорьевъ приписывалъ необычайно важное значеніе не только въ творествѣ Пушкина, но даже вообще въ исторіи всей новѣйшей русской литературы, рѣшительно утверждая, что „всѣ простыя непреувеличенныя юмористически и не идеализированныя трагически отношенія литературы къ окружающей дѣйствительности и къ русскому быту—по прямой линіи ведутъ свое начало отъ взгляда на жизнь Ивана Петровича Бѣлкина“.

Однако, что же представляетъ собою этотъ возвеличиваемый Григорьевымъ Бѣлкинъ? Какъ бы сознавая априорность и туманность всѣхъ своихъ утверждений, Григорьевъ и самъ ставилъ этотъ вопросъ. „Что такое, говорилъ онъ, Пушкинскій Бѣлкинъ, тотъ Бѣлкинъ, который плачется въ повѣстяхъ Тургенева о томъ, что онъ вѣчный Бѣлкинъ, что онъ принадлежитъ къ числу „лишнихъ людей“, или „куцыхъ“,—которому въ Писемскомъ смерть хотѣлось бы—но совершенно тщетно—посмѣяться надъ блестящимъ и страстнымъ типомъ, котораго хочетъ не въ мѣру и насильственно поэтизировать Толстой, и предъ которымъ даже Петръ Ильичъ драмы Островскаго „Не такъ живи, какъ хочется“—смирятся... по крайней мѣрѣ до новой масляницы и до новой Груши?“

На вопросъ, поставленный въ такой формѣ, Григорьевъ даетъ отвѣтъ, который въ сущности также является малоопредѣленнымъ, расплывчатымъ „Бѣлкинъ Пушкинскій,—заявляетъ Григорьевъ,—есть простой здравый толкъ

и здравое чувство, кроткое и смиренное,— вопіющее законно противъ злоупотребленія нами нашей широкой способности понимать и чувствовать: стало быть начало только отрицательное,—правое только какъ отрицательное; ибо представьте его самому себѣ—оно перейдетъ въ застой, мертвящую лѣнь, въ хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова. Посмотрите на этотъ отрицательный типъ у Пушкина—вездѣ, гдѣ онъ у него самолично является, или гдѣ поэтъ повѣствуетъ въ его тонѣ и съ его взглядомъ на жизнь... Запуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, ошеломленный его мрачною сосредоточенностью въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли,—онъ еще не сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо можетъ существовать: только въ наше время, въ повѣстяхъ Толстого дошелъ онъ анализомъ до предположенія, что такихъ людей, какъ Сильвіо, не бываетъ. У Пушкина онъ знаетъ только, что онъ самъ вовсе не Сильвіо, и боится этого типа. „Нѣтъ ужъ“,—говоритъ онъ,—„лучше пойду я къ людямъ попроще“, и первый опускается въ простые и такъ называемые низшіе слои жизни. Въ „Гробовщикѣ“—зерно всѣхъ нашихъ теперешнихъ отношеній къ этимъ слоямъ жизни, а въ „Станціонномъ смотрителѣ“—зерно всей натуральной школы. Но съ этой жизнью попроще, куда онъ хочетъ спуститься, онъ вѣдь тоже разобщенъ кой-какимъ образованіемъ, а главное, онъ уже смотритъ на нее съ высоты этого кой-какого образованія“.

Отсюда, изъ этого „образованія“ Бѣлкина происходятъ нѣкоторыя новыя его особенности, которыя А. А. Григорьевъ признаетъ существенно важными для исторіи новой русской литературы, а прежде всего для дѣятельности Пушкина. „Комизмъ положенія человѣка, который считаетъ себя обязаннымъ по своему образованію смотрѣть какъ на нѣчто себѣ чуждое, на то, съ чѣмъ у него гораздо болѣе общаго, чѣмъ съ приобрѣтенными имъ верхушками образованности,—говоритъ Григорьевъ,—является необыкновенно ярко въ лицѣ Бѣлкина, автора „Лѣтописи села Горохина“... Эта лѣтопись—тончайшая и вмѣстѣ добродушно-поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковою полосою нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностью, изъ которой мы вынесли взглядъ, совершенно неприложимый къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности... Въ этомъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво скрыты и всѣ наши прошлые взгляды на нашъ бытъ и нашу старину, выражавшіеся то стихами вродѣ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы,

то фразами, какъ напимѣрь: „Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ трупами“, или „отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной“,—и, по удивительному поэтическому предвѣдѣнію, скрыты также всѣ теперешнія наши отношенія къ дѣйствительности. И вѣдь мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ гениальныхъ страницахъ—бездна самой безпощадной ироніи: въ нихъ есть нѣчто высшее ироніи. Откуда въ немъ, въ этомъ Бѣлкинѣ, который считаетъ обязанностью писать съ важностью древнихъ историковъ о странѣ, называемой Горюхинымъ, и живописуетъ вычурнымъ тономъ нравы ея обитателей,—откуда въ немъ такое удивительное знаніе этихъ нравовъ и такое любовное и вмѣстѣ совершенно правильное къ нимъ отношеніе?... О, сказки Ирины Родіоновны,—пробивавшіяся въ натурѣ нашего поэта сквозь искусственныя произрастанія,—вы хранили такую свѣжую, чистую струю въ душѣ молодого, воспитаннаго по-французски барича,—что отдаленное потомство помянетъ васъ добрымъ словомъ и благословеніемъ... Всѣ наши жилы бились въ натурѣ Пушкина, и, въ настоящую минуту, литература наша развиваетъ только его задачи—въ особенностяхъ же типъ и взглядъ Бѣлкина. Бѣлкинъ, который писалъ въ „Капитанской дочкѣ“ хронику семейства Гриневыхъ, написалъ и „хронику семейства Багровыхъ“; Бѣлкинъ—и у Тургенева, и у Писемскаго; Бѣлкинъ отчасти и у Толстого,—ибо Бѣлкинъ Пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грезились ей различныя міры.

Нельзя не сказать, что всѣ эти многословныя разсужденія страдаютъ крайнею туманностью и въ сущности не подкрѣпляются почти никакими доказательствами, такъ что ихъ приходится или прямо отвергать, или же принимать вполнѣ на вѣру. Доказательными эти положенія не стали и у комментаторовъ Григорьева. Такъ, его близкій другъ и вѣрный сторонникъ его взглядовъ, Н. Н. Страховъ, доказывая, что Григорьевъ былъ единственнымъ критикомъ, правильно понимавшимъ ходъ развитія нашей литературы, безусловно примыкалъ и къ его взгляду на значеніе Пушкинскаго Бѣлкина. Приводя представленныя выше разсужденія Григорьева, Страховъ толковалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Протестъ противъ высокопарныхъ мечтаній, противъ увлеченія мрачными и блестящими типами, выразился у Пушкина любовью къ простымъ типамъ, способностью къ умѣренному пониманію и чувствованію. Одной поэзіи Пушкинъ противопоставилъ другую, Байрону—Бѣлкина; будучи великимъ поэтомъ, онъ спустился со своей высоты и сѣумѣлъ такъ подойти къ бѣдной дѣйствительно-

сти, его окружавшей и невольно имъ любимой, что она открыла ему всю поэзію, какая только въ ней была... Такимъ образомъ Пушкинъ въ созданіи этого типа совершилъ величайшій поэтическій подвигъ; ибо, чтобы понимать предметъ, нужно стать къ нему въ надлежащее отношеніе, и Пушкинъ нашелъ такое отношеніе къ предмету, который былъ вовсе неизвѣстенъ и требовалъ всей силы его зоркости и правдивости. „Капитанскую дочку“ нельзя рассказывать въ иномъ тонѣ и съ инымъ взглядомъ, чѣмъ какъ она рассказана. Иначе все въ ней будетъ искажено и извращено. Наше русское типовое, нашъ душевный типъ здѣсь въ первый разъ былъ воплощенъ поэзію, но явился въ столь простыхъ и малыхъ своихъ формахъ, что потребовалъ особаго тона и языка: Пушкинъ долженъ былъ измѣнить возвышенный строй своей лиры. Для тѣхъ, кто не понималъ смысла этой перемѣны, она показалась шалостью поэта, недостойною его генія; но мы видимъ теперь, что тутъ-то и обнаружилась гениальная широта взгляда и вполнѣ самобытная сила творчества нашего Пушкина¹⁾. Въ „открытіи Бѣлкина“ Страховъ видѣлъ „главную заслугу“ Ап. А. Григорьева, который былъ, по его мнѣнію, „лучшимъ нашимъ критикомъ, дѣйствительнымъ основателемъ нашей критики“, такъ какъ „ему принадлежитъ единственный существующій у насъ полный взглядъ на русскую литературу, т. е. взглядъ, объемлющій одною мыслью всѣ ея явленія и направленія“. Если внимательно вчитаться въ разсужденія Страхова объ этомъ „полномъ“ взглядѣ, то окажется, что существомъ его, этого превозносимаго полного взгляда было именно „открытіе Бѣлкина“.

Насколько намъ извѣстно, это открытіе несмотря на всю приписывавшуюся ему важность, прошло почти совсѣмъ незамѣченнымъ, и изъ представителей науки къ „полному взгляду“ А. А. Григорьева примкнулъ, кажется, одинъ только проф. С.-Петербургскаго университета, А. И. Незеленовъ, усиленно отстаивавшій точку зрѣнія Григорьева въ своихъ лекціяхъ и въ изслѣдованіи, посвященномъ Пушкину. Работа покойнаго профессора осталась неоконченною, но, какъ онъ намъ говорилъ въ послѣдній годъ своей жизни, онъ занимался именно изученіемъ „Капитанской дочки“, какъ произведенія Бѣлкина, при чемъ даже провѣряя одно изъ указаній Галахова, нашелъ тотъ переводъ „Эдинбургской темницы“ Вальтеръ Скотта, которымъ долженъ былъ пользоваться Бѣлкинъ (именно Бѣлкинъ, а не Пушкинъ).

¹⁾ Страховъ. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ, Спб. 1887, стр. 292—293.

Какое же значеніе въ дѣйствительности имѣеть „открытие“ Ап. А. Григорьева? Насколько въ самомъ дѣлѣ важнымъ въ творествѣ Пушкина представляется типъ Бѣлкина? Какъ смотрѣлъ на него самъ нашъ великій поэтъ, противопоставившій его, по мнѣнію Григорьева и его послѣдователей, всѣмъ „хищнымъ“ (по терминологіи Григорьева) типамъ, которыми онъ увлекался въ прежнее время, въ особенности подѣ влияніемъ Байрона? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, обратимся къ сочиненіямъ и письмамъ Пушкина, такъ какъ только они могутъ быть надежнымъ первоисточникомъ, который предохранить насъ отъ различныхъ чисто-произвольныхъ теоретическихъ построеній.

Прежде всего спрашивается, когда и какъ явилась у нашего поэта мысль о Бѣлкинѣ, и для отвѣта на этотъ вопросъ мы находимъ матеріалъ въ письмахъ Пушкина П. А. Плетневу 1830—1831 гг. Въ первомъ изъ этихъ писемъ, относящемся къ 9 декабря 1830 г. поэтъ сообщаетъ своему пріятелю о своемъ пріѣздѣ изъ Болдина въ Москву и о своихъ Болдинскихъ сочиненіяхъ: „Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ апопуге; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ Жуанъ. Сверхъ того написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единого): написалъ я прозою пять повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется, и которыя печатаемъ также апопуге. Подѣ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ“. Изъ этихъ словъ видно, что пять повѣстей, написанныхъ въ Болдинѣ, Пушкинъ хотѣлъ издать анонимно, упоминанія же Бѣлкина мы пока не находимъ. Впервые это имя встрѣчается въ письмѣ отъ 3 іюля 1831 г. изъ Царскаго Села. Пушкинъ говоритъ: „Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними сдѣлать? Печатать ли намъ самимъ, или сторговаться со Смирдинымъ?“ Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Пушкинъ пишетъ: „На дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля; получилъ ли ты ихъ? Предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ цензуру земскую, не удѣльную, да и снюхаемся съ Смирдинымъ“. Такимъ образомъ, еще въ это время не совсѣмъ, должно быть, готово было предисловіе, въ которомъ имѣется біографиче-

скій матеріалъ, касающійся Бѣлкина. Изъ двухъ слѣдующихъ писемъ (отъ 22 іюля и 3 августа) оказывается, что „сказки“ Пушкина не дошли до Плетнева, и уже 25 августа поэтъ пишетъ Плетневу: „Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга, Ив. П. Бѣлкина; отдай ихъ въ простую цензуру, да и приступимъ къ изданію. Предисловіе пришлю послѣ“. Приэтомъ, кромѣ разныхъ порученій, относящихся къ внѣшности изданія, Пушкинъ проситъ Плетнева: „Смирдину шепнуть мое имя, чтобы онъ перешепнулъ покупателямъ“.

Разсмотрѣніе приведенныхъ фактическихъ данныхъ, думается намъ, позволяетъ притти къ вполне опредѣленному заключенію въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ первоначально предполагалъ издать свои повѣсти безъ подписи, чтобы избѣгнуть ругани Булгарина, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у него явилась мысль о псевдонимѣ Бѣлкина. Этотъ Бѣлкинъ, по словамъ поэта,—его „пріятель, славный малый“, но что это за человекъ, Пушкинъ пока не сообщаетъ: съ нимъ поэтъ познакомитъ своихъ читателей въ предисловіи къ повѣстямъ, также въ написанной уже въ Болдинѣ „Исторіи села Горюхина“, авторомъ которой тоже выставляется Бѣлкинъ. Именно это послѣднее обстоятельство, т.-е. приписаніе авторства „Исторіи села Горюхина“ Бѣлкину, и послужило для поэта основаніемъ къ тому, чтобы воспользоваться этимъ готовымъ псевдонимомъ для написанныхъ имъ въ то же время пяти повѣстей. Такимъ образомъ, говоря о типѣ Бѣлкина, необходимо для его характеристики пользоваться тѣми матеріалами, которые заключаются въ „Исторіи села Горюхина“ и въ предисловіи къ его повѣстямъ.

Кто же такой Бѣлкинъ? Каковы его характерныя черты, раскрываемыя поэтомъ? Каковы данныя его біографіи?

Изъ „Исторіи“ мы узнаемъ, что „село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкиныхъ“, представители котораго, однако, въ немъ не жили, повидимому, до Андрея Степановича, прадѣда автора. Андрей Бѣлкинъ оставилъ записки, которыя по словамъ его правнука, „отличаются ясностью и краткостью слога“. Оставили какія-то записки и дѣдъ автора, Иванъ Андреевичъ, а также и его бабка, Евпраксія Алексѣевна. Объ отцѣ Бѣлкина секунд-майорѣ Петрѣ Ивановичѣ, въ предисловіи къ повѣстямъ сообщается, что онъ „былъ женатъ на дѣвицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ, изъ дому Трафилиныхъ“, былъ человекъ не богатый, но „умѣренный и по части хозяйства весьма смышленный“.

Сынъ этой четы, авторъ повѣстей и „Исторіи“, Иванъ Петровичъ, родился въ 1798 г. По тѣмъ даннымъ, которыя

«сообщаются въ предисловіи къ повѣстямъ, Иванъ Петровичъ „получилъ первоначальное образованіе отъ деревенскаго дьячка“, которому „былъ онъ, кажется, обязанъ охотою къ чтенію и занятіямъ по части Русской Словесности“. Изъ автобіографическихъ показаній самого Ивана Петровича въ предисловіи къ „Исторіи“ мы имѣемъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о его образованіи. „Въ 1812 г., рассказываетъ Бѣлкинъ, повезли меня въ Москву и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера,—гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ибо насъ распустили передъ вступленіемъ непріятели... Я возвратился въ деревню, приобрѣтши въ пансіонѣ только большой навыкъ къ игрѣ, называемой лаптою, коей обучилъ вскорѣ и всѣхъ дворовыхъ мальчиковъ. По изгнаніи двенадцати языковъ, хотѣли меня снова везти въ Москву, посмотрѣть, не возвратился ли Карлъ Ивановичъ на прежнее пепелище или, въ противномъ случаѣ, отдать меня въ другое училище, но я упросилъ матушку оставить меня въ деревнѣ, ибо здоровье мое не позволяло мнѣ вставать съ постели въ 7 часовъ, какъ обыкновенно заведено во всѣхъ пансіонахъ. Такимъ образомъ, достигъ я 16-лѣтняго возраста, оставаясь при первоначальномъ моемъ образованіи и играя въ лапту, единственной наукѣ, въ коей приобрѣлъ я достаточное познаніе во время пребыванія моего въ пансіонѣ“.

Получивъ такое скудное образованіе, Иванъ Петровичъ въ 1815 г. поступилъ юнкеромъ въ пѣхотный егерскій полкъ, въ которомъ пробылъ до 1823 года, когда „смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и приѣхать его въ село Горюхино, свою отчину“. Здѣсь онъ прожилъ до 1828 г., когда „занемогъ простудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, несмотря на неусыпныя старанія уѣзднаго лѣкаря, челоуѣка весьма искуснаго, особенно въ лѣченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то: мозолей, и т. п. Онъ скончался на 30-мъ году отъ рожденія и похороненъ въ церкви села Горюхина, близъ покойныхъ его родителей“.

Наружность Бѣлкина описывается такъ: „Иванъ Петровичъ былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волосы русые, носъ прямой; лицомъ былъ бѣлъ и худощавъ“. Какъ помѣщикъ, онъ отличался крайнею слабостью и вполнѣ запустилъ свое хозяйство, довѣрившись старой ключницѣ и выбранному крестьянами старостѣ. Первая была неграмотна, но приобрѣла „его довѣренность искусствомъ рассказывать исторіи“, староста же плутовалъ, такъ что „Иванъ Петровичъ принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ; но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостью, на первый годъ выпросили себѣ нарочитую

льготу, а въ слѣдующіе, болѣе двухъ третей оброка платили орѣхами, брусникою и т. п., и тутъ были недоимки“. Сосѣдъ по имѣнію, знакомый родителей Бѣлкина, думая помочь Ивану Петровичу въ хозяйствѣ, пріѣхалъ къ нему, призвалъ старосту и сталъ провѣрять книги, но результатъ былъ весьма неважный. „Молодой хозяинъ,—разсказываетъ этотъ сосѣдъ,—сначала сталъ слѣдовать за мною со всевозможнымъ вниманіемъ и прилежностью; но какъ по счетамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крестьянъ умножилось, число же дворовыхъ, птицъ и домашняго скота нарочито уменьшилось, то Иванъ Петровичъ довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и дальше меня не слушалъ, и въ ту самую минуту, какъ я своими разысканіями и строгими допросами плута старосту въ крайнее замѣшательство привелъ и къ совершенному безмолвію принудилъ, съ великою моею досадою услышалъ я Ивана Петровича крѣпко храпящаго на своемъ стулѣ“. Относительно образа жизни Ивана Петровича тотъ же сосѣдъ сообщаетъ, что онъ „велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишествъ, никогда не случалось видѣть его навеселѣ (что въ нашемъ краю за неслыханное чудо почитаться можетъ); къ женскому же полу имѣлъ онъ великую склонность, но стыдливость была въ немъ истинно дѣвическая“.

Самую замѣчательною особенностью Ивана Петровича была страсть къ писанію, такъ что, по сообщенію того же сосѣда, онъ „оставилъ множество рукописей“, которыя частью попали къ сосѣду, „частью употреблены его ключницею на разныя домашнія потребности“, такъ что, „зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частью романа, котораго онъ не кончилъ“. Гораздо обстоятельнѣе объ этихъ своихъ стремленіяхъ къ литературной дѣятельности повѣствуетъ самъ Иванъ Петровичъ въ предисловіи къ „Исторіи села Горюхина“. Оказывается, что уже съ дѣтства когда онъ читалъ только Письмовникъ Курганова, „званіе литератора казалось ему завиднымъ“, а когда онъ юнкеромъ попалъ въ Петербургъ, то былъ пораженъ встрѣчею съ какимъ-то сочинителемъ. Однако, самъ принятыя за литературныя занятія онъ рѣшилъ только послѣ того, какъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Ему наскучили „исторіи“ старой ключницы, утратилъ также прежнюю обаятельность Письмовникъ Курганова, и „въ сей крайности, говоритъ онъ, пришло мнѣ на мысль: не попробовать ли самому что-нибудь сочинить?“.

Серьезное препятствіе представилось въ его ничтожномъ образованіи „на мѣдныя деньги“, однако, „влеченію природы“, Иванъ Петровичъ не смогъ противиться, „сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшилъ съ твердымъ намѣреніемъ,

наполнить ее чѣмъ бы то ни было“. Задумаль онъ написать поэму, героемъ которой онъ выбралъ Рюрика,—но несмотря на всякія упражненія въ версификаціи, ему удалось сочинить только три стиха. Поэму онъ рѣшилъ обратить въ трагедію, но и „трагедія не пошла“; не удалось написать и балладу о Рюрикѣ, и Иванъ Петровичъ „началъ и благополучно окончилъ надпись къ портрету Рюрика“. Сознавъ свою неспособность къ стихотворству, онъ обращается къ „смирной прозѣ“, и первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ литературы былъ афоризмъ: „Человѣкъ, не повинующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію“. Отъ этихъ афоризмовъ или „отдѣльныхъ мыслей“, по его собственному сознанию, „справедливыхъ, но уже неновыхъ“, Иванъ Петровичъ переходитъ къ сочиненію повѣстей; „но,—говоритъ онъ,—не умѣя съ непривычки расположить вымышленное происшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, нѣкогда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостью разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя сіи повѣсти, мало-по-малу образовалъ я свой слогъ и пріучился выражаться правильно, пріятно, и свободно“.

Однако, скоро приходитъ онъ къ заключенію о весьма малой цѣнности всѣхъ этихъ анекдотовъ и повѣствованій, и у него является мысль объ историческомъ сочиненіи, такъ какъ „быть судьей, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ, говоритъ онъ, казалось мнѣ высшею степенью, доступною для писателя“. Но тутъ его ждалъ рядъ новыхъ затрудненій, сводившихся къ невозможности выбрать тему, такъ какъ всеобщая исторія написана уже „безсмертнымъ аббатомъ Миломомъ“, въ исторіи отечественной трудно что-либо сказать „послѣ Татищева, Болтина и Голикова“, написаніе исторіи губернскаго города связано съ множествомъ хлопотъ у властей по добыванію матеріаловъ, писать же о своемъ уѣздномъ городѣ „не было занимательно ни для философа, ни для прагматика, и представляло мало пищи краснорѣчію“. Счастливый случай выручилъ Бѣлкина: „Баба, развѣшивая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ мою охоту къ чтенію. — Ключница моя въ то самое время, какъ я, сидя за моею тетрадью, грызъ перо и думалъ объ опытѣ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзину въ мою комнату, радостно восклицая: книги! книги!“ Оказалось, что это собраніе старыхъ календарей, и сперва Бѣлкинъ былъ этимъ разочарованъ, но потомъ онъ призналъ великую цѣнность прачкиной находки. „Синіе листки бу-

маги, обыкновенно влетаемые въ календари, были всѣ исписаны стариннымъ почеркомъ. Брося взоръ на сіи строки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что онѣ заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственные счеты, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горюхина. Немедленно занялся я разборомъ драгоценныхъ сихъ записокъ и вскорѣ нашелъ, что онѣ представляли полную исторію моей отчины, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ неистощимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюдений. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ заняло меня исключительно, ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное“. Такъ зародилась у Бѣлкина мысль о главномъ его произведеніи, объ „Исторіи села Горюхина“, мысль, которую онъ осуществилъ послѣ долговременныхъ трудовъ по разысканію и изученію новыхъ историческихъ матеріаловъ.

Мы намѣренно съ самыми мелкими подробностями остановились на всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Пушкинымъ относительно личности и литературныхъ трудовъ И. П. Бѣлкина, такъ какъ только этимъ путемъ мы можемъ разрѣшить вопросъ о томъ, какое значеніе имѣлъ для поэта созданный имъ типъ.

Совокупность данныхъ, сообщаемыхъ поэтомъ о Бѣлкинѣ, позволяетъ установить слѣдующія черты этого типа: 1) Бѣлкинъ—человѣкъ съ весьма ограниченнымъ, почти ничтожнымъ образованіемъ, нисколько не развившимъ его критическую способность; 2) именно это полное отсутствіе критическаго взгляда является основою его отношеній и къ литературѣ (его преклоненія передъ Кургановскимъ Письмовникомъ и разными другими современными ему литературными произведеніями, его собственныхъ литературныхъ упражненій) и къ жизни, которую онъ безучастно созерцаетъ; 3) по его отношенію къ жизни, по его пассивности, бездѣятельности, Бѣлкина можно отчасти сравнивать съ „копителемъ неба“ Тентетниковымъ, съ Обломовымъ, даже съ Тургеневскими „лишними людьми“, съ которыми его сопоставляетъ Ап. А. Григорьевъ; 4) однако, при этомъ сравненіи ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду чертъ, рѣзко его отличающихъ отъ всѣхъ этихъ типовъ, созданныхъ слѣдующею нашею литературою: всѣ эти герои являются средними какъ разъ типу Онѣгина и Печорина, они стоятъ выше окружающей ихъ среды и, если они погрузились въ пассивное прозябаніе, ушли отъ всякой дѣятельности, то причиною этому въ значительной мѣрѣ являются внѣшнія условія, тогда какъ Бѣлкинъ ни-

сколько не возвышается надъ общимъ уровнемъ сѣренькой дѣйствительности, и его бездѣятельность есть не что иное, какъ вялая обывательщина, духовное мѣщанство, убожество, съ которымъ ничего общаго не имѣютъ такъ называемые лишніе люди.

Поэтому видѣть въ Бѣлкинѣ какой-то „простой здравый толкъ, здоровое чувство“, какую-то „критическую сторону души“, какъ это дѣлали Ап. А. Григорьевъ и его послѣдователи, можно только въ силу ни на чемъ не основанныхъ предвзятыхъ сужденій, въ силу извѣстной аберраціи.

Столь же произвольнымъ, основаннымъ на заблужденіи, представляется и утвержденіе Григорьева, будто бы Бѣлкинъ долженъ считаться „любимымъ типомъ Пушкина въ послѣдніе годы его жизни, типомъ, который поэтъ противопоставилъ увлекавшимъ его прежде и навѣянными Байрономъ образамъ Плѣнника, Гирея, Алеко и Онѣгина“. Любовь поэта къ Бѣлкину проявилась развѣ только въ эпитетахъ „мой пріятель“ и „славный малый“, которые прилагаетъ онъ къ Бѣлкину въ своихъ письмахъ къ Плетневу; что же касается той характеристики Бѣлкина, которая вытекаетъ, какъ мы видѣли, изъ сообщенныхъ о немъ поэтомъ данныхъ, то она врядъ ли можетъ особенно ярко свидѣтельствовать въ пользу утвержденія Григорьева и его послѣдователей.

Однако, вѣдь не даромъ же поэтъ приписалъ Бѣлкину нѣкоторыя свои произведенія, вѣдь не даромъ онъ, какъ говоритъ Ап. А. Григорьевъ, „влѣзъ въ кожу“ Бѣлкина, „умалилъ“ себя до этого представителя „всесмиренія“. Въ этомъ-то, можетъ быть, и выразилась особенная любовь поэта къ созданному имъ типу. Такъ слѣдуетъ заключать изъ всѣхъ разсужденій Григорьева, но если принять такую точку зрѣнія, явится возможность и другихъ, столь же произвольныхъ, утвержденій. Отчего же въ такомъ случаѣ не признать, что любимцемъ Пушкина въ послѣдніе годы его жизни сталъ Теофилактъ Косичкинъ, что поэтъ „умалилъ“ себя до него, „влѣзъ въ его кожу“, потому что нѣкоторыя свои журнальныя статьи онъ подписалъ этимъ псевдонимомъ? Подобное утвержденіе, конечно, будетъ признано явнымъ абсурдомъ, а вѣдь оно нисколько не произвольнѣе, чѣмъ знаменитое „открытіе“ Ап. А. Григорьева, причемъ даже „Капитанская дочка“ смѣло была причислена къ произведеніямъ Бѣлкина, хотя на это нѣтъ ровно никакихъ намековъ у самого поэта.

Посмотримъ же, насколько дѣйствительно Пушкинъ „влѣзъ въ кожу“ Бѣлкина, и для этого остановимся прежде всего на „Исторіи села Горюхина“ которая уже по перво-

начальному замыслу поэта должна была явиться произведеніемъ И. П. Бѣлкина ¹⁾. Уже самый языкъ и стиль этой любопытной „Исторіи“ представляютъ такія особенности, которыхъ мы не найдемъ въ другихъ произведеніяхъ нашего великаго поэта, такъ что въ этомъ отношеніи онъ на самомъ дѣлѣ какъ бы весьма искусно замаскировался или, употребляя выраженіе Ап. А. Григорьева, „влѣзъ въ кожу“ какого-то другого человѣка. Но Бѣлкину ли принадлежить эта чужая кожа?

Остановливаясь на этихъ особенностяхъ языка и стиля „Исторіи“, мы увидимъ въ нихъ какъ разъ тѣ самыя „жеманство и напыщенность“, присутствіе которыхъ въ современной литературѣ „оскорбляло“ Пушкина. Не говоря уже объ архаизмахъ: сей, оный, токмо, единожды, возкраія одеждъ, мы встрѣчаемся съ яркими примѣрами именно „жеманства“, когда авторъ „Исторіи“ избѣгаетъ выраженій, кажущихся ему простонародными, когда онъ, напримѣръ, говоритъ: „народъ шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчїи именуемое), или-же: балалайка и волынка, услаждающая чувство и сердце, и понынь раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ елкою и изображеніемъ двуглаваго орла; когда онъ не желая сказать, что земскій Авдей былъ пьянъ, повѣствуетъ: „Его нашли неподалеку спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ и привели къ незнакомцу. Но или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма четко написаннаго, но показались ему отуманенными и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать“. Кромѣ этихъ образчиковъ жеманства, мы встрѣчаемся въ „Исторіи“ съ весьма достаточнымъ количествомъ примѣровъ „напыщенности“; „основаніе Горюхина покрыто мракомъ неизвѣстности“, или: „Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродни всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что мы принимаемъ вмѣсто прежняго начертанія „Горохино“ возстановленное совершенно правильно С. А. Венгеровымъ начертаніе „Горюхино“: его правильность подтверждается, какъ рукописью „Исторіи“, снимокъ съ заглавія который воспроизведенъ С. А. Венгеровымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина, такъ и печатными изданіями „Повѣстей Бѣлкина“, вышедшими при жизни Пушкина, лингвистическою неправильностью производства „Горохино“ отъ слова „горохъ“ и тѣмъ внутреннимъ смысломъ, который имѣетъ форма „Горюхино“, производимая отъ слова „горюха“.

настоящимъ и по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія“, или: „старшины витійствовали, народъ волновался; принялъ бразды правленія, владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты, сей сановникъ (о сельскомъ старостѣ), вообще склонны къ чувственному наслажденію пїянства и т. п.

Допустимъ, что Бѣлкинъ могъ дѣйствительно писать такимъ стилемъ; но вѣдь мы знаемъ, что за него пишетъ Пушкинъ, что подъ это искусственное, „жеманное“ изложеніе подлаживается великій поэтъ (подобно тому, какъ въ послѣдствіи созданъ былъ стиль Кузьмы Пруткова), и у насъ невольно должно зародиться сомнѣніе въ крайнемъ простодушіи Пушкина. Не кроется ли за этими формами изложенія тонкая иронія, насмѣшка надъ этими самыми формами языка и стиля? На эти особенности „Исторіи“ давно уже обратили вниманіе изслѣдователи и критики Пушкина, и уже Н. Н. Страховъ увидѣлъ въ ней пародію на первыя главы „Исторіи Государства Россійскаго“. „Вступленіе,—говоритъ онъ,—соотвѣтствуетъ предисловію. Отъ стиховъ и повѣстей Бѣлкинъ, подобно Карамзину, перешелъ къ исторіи и перешелъ съ тѣми же чувствами. „Мысль,—пишетъ Бѣлкинъ, — оставитъ мелочные и сомнительные анекдоты для повѣствованія великихъ и истинныхъ происшествій давно тревожила мое воображеніе“. Такъ смотрѣлъ и Карамзинъ. „И вымыслы правятся,—говорилъ онъ,—но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истины“, Совершенно одинаковъ у обоихъ и взглядъ на значеніе исторіи. Каждый смотритъ на себя, какъ на „судю, наблюдателя и пророка вѣковъ и народовъ“, и каждому исторія кажется „высшей степенью, доступной для писателя“. У обоихъ за вступленіемъ слѣдуетъ списокъ источниковъ, и оба всячески восхваляютъ героевъ своей исторіи. Но еще сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ чертахъ, въ общемъ тонѣ „Лѣтописи села Горюхина“ чувствуется удивительно схваченная манера Карамзина; перечитывая первый томъ „Исторіи“, нельзя не чувствовать глубокой фальши, въ которую впалъ Карамзинъ, рѣзкаго и потому смѣшного противорѣчія между предметомъ и изложеніемъ“.

Однако съ мнѣніемъ Страхова не согласился Н. И. Черняевъ и высказалъ предположеніе, что въ „Исторіи села Горюхина“ Пушкинъ хотѣлъ дать пародію на сочиненіе Полевого, „Исторія русскаго народа“, и дѣйствительно тѣ указанія, которыя дѣлаетъ г. Черняевъ, представляютъ немало цѣннаго матеріала, подтверждающаго его основное положе-

ніе. Тѣмъ не менѣе, если даже замѣнить Карамзина Полевымъ, вопросъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, и его правильное разрѣшеніе мы находимъ лишь у новѣйшаго изслѣдователя, А. С. Искоза. Признавая цѣнность указаній г. Черняева и не отвергая вполне взгляда Страхова, молодой ученый находитъ, однако, что попытки указать опредѣленное лицо или сочиненіе, какъ объектъ пародіи Пушкина, совершенно напрасны. „Думается,—говоритъ г. Искозь,—что этимъ вычурнымъ, ложнымъ, несоответствующимъ содержанию тономъ Бѣлкина Пушкинъ прежде всего высмѣиваетъ не того или другого отдѣльнаго писателя, а цѣлую полосу въ современной ему русской литературѣ, не умѣвшей еще отказаться отъ ложнаго паѳоса, унаслѣдованнаго у предшествовавшаго поколѣнія,—отъ требованія чинности... Пушкинъ имѣлъ въ виду общій характеръ и тонъ русской литературы, искусственно приподнятый и ложный,—тонъ, который, начиная съ Карамзина звучалъ въ продолженіе 20-хъ годовъ, не ослабѣлъ и къ 1830-му году, мѣшая такимъ образомъ сближенію жизни и литературы—водворенію реалистическаго направленія, творцомъ котораго является Пушкинъ. Въ этомъ смыслѣ „Исторія“—пародія на ложный, искусственный стиль всѣхъ вообще манерныхъ и чопорныхъ писателей, въ томъ числѣ и Карамзина“.

„Если,—продолжаетъ г. Искозь—Пушкинъ имѣлъ въ виду конкретную личность, то только Полевого. Мы остановимся на Полевомъ, какъ на наиболѣе вѣроятной модели для пародіи. Вполнѣ допустимо, что Пушкинъ хотѣлъ задѣть и Каченовскаго, отрицательное отношеніе къ которому онъ проявилъ еще въ началѣ 1820-хъ г.г. въ цѣломъ рядѣ эпиграммъ. Возможно также, что Пушкинъ имѣлъ въ виду еще и иныхъ историковъ: и такъ называемой норманской школы, которая выводила первыхъ князей изъ Скандинавіи, и русской школы, отстаивавшей точку зрѣнія славянскаго происхожденія Рюрика съ его братьями. Не ихъ ли имѣетъ Пушкинъ въ виду, когда Бѣлкинъ усматриваетъ въ одеждѣ Горюхинцевъ, состоявшей „изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья“, „отличительный признакъ ихъ славянскаго происхожденія“, а въ ихъ переправленіи весной черезъ рѣку Сивку на челнокахъ—сходство съ „древними скандинавами“? Но во всякомъ случаѣ не эти историки дали главный матеріалъ для пародіи и не ихъ преслѣдовать было ея главною цѣлью“¹⁾.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, изд. Брокгауза-Эфрона, т. IV, стр. 244—245. Черняевъ. Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Харьковъ, 1900, стр. 509—584.

Такимъ образомъ мы видимъ, что „кожа“ Бѣлкина оказалась для Пушкина весьма важнымъ средствомъ для пародіи на „жеманство, напыщенность и чопорные обиняки провинціальной вѣжливости“ современной ему русской литературы; но эта „кожа“ должна была сослужить ему гораздо болѣе важную службу: если мы остановимся на содержаніи „Исторіи села Горюхина, мы увидимъ, что этому своему „любимому типу“ (по мнѣнію Григорьева) Пушкинъ готовилъ совсѣмъ не особенно лестную роль „колпака юродиваго“, подъ который онъ хотѣлъ „упрятать всѣ свои уши“, еще „торчавшія, несмотря на всѣ его старанія, въ „Борисѣ Годуновѣ“. „Колпакомъ юродиваго“ великому поэту въ послѣдніе годы его жизни, послѣ возвращенія изъ Михайловскаго и послѣ приближенія къ императору Николаю Павловичу, приходилось усиленно прикрывать всѣ свои прежнія вольнолюбивыя стремленія, между прочимъ, и мечты объ освобожденіи крестьянъ, такъ какъ въ эту эпоху крѣпостное право признавалось такимъ же оплотомъ русской государственности, какъ и знаменитая Уваровская триада православія, самодержавія и народности.

Этотъ „колпакъ юродиваго“ былъ особенно необходимъ именно въ „Исторіи села Горюхина“, въ которой поэтъ, пользуясь напыщеннымъ и вмѣстѣ иногда наивнымъ тономъ Бѣлкина, раскрываетъ болѣзненные язвы „страны Горюхинымъ называемой“. Когда-то, въ „баснословныя времена“, Горюхино процвѣтало и обитатели его пользовались благосостояніемъ, нисколько не похожимъ на современное ихъ положеніе. „Темныя преданія, по словамъ Бѣлкина, гласятъ, что нѣкогда Горюхино было село богатое и обширное,— что всѣ жители онаго были зажиточны—что оброкъ собирали единожды въ годъ и отсылали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ.—Въ это время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиковъ не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припѣваючи, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ... Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣчѣ, мірскою сходкою называемомъ“. Сообщая эти „темныя преданія“, Бѣлкинъ сомнѣвается въ ихъ справедливости, признавая ихъ мечтою о золотомъ вѣкѣ, когда-то будто-бы существовавшемъ, и затѣмъ отъ этихъ „баснословныхъ временъ“ онъ переноситъ свое повѣствованіе къ „временамъ историческимъ“.

Переходнымъ моментомъ къ этимъ „временамъ историческимъ“ было событіе, о которомъ Бѣлкинъ рассказываетъ довольно подробно. Послѣ того, какъ имѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ“, привольному существованію Горюхинцевъ долженъ былъ наступить конецъ.

„Объднѣвшіе внуки богатаго дѣда не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ — и требовали прежняго полнаго дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчѣ; старшины витѣйствовали, міръ волновался—а Господа, вмѣсто двойного оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы, писанныя на засаленной бумагѣ и запечатанныя грошемъ“. Но „мрачная туча висѣла надъ Горюхинымъ“, и какъ-то, въ день храмового праздника, когда все село предавалось веселью, появился незнакомецъ „въ картузѣ и въ старомъ голубомъ кафтанѣ“, оказавшійся помѣщичьимъ повѣреннымъ, съ бумагою, въ которой было сказано: „приказаній повѣреннаго моего имѣ, мужикамъ, слушаться, какъ моихъ собственныхъ, и все, чего онъ потребуетъ, исполнять безпрекословно, въ противномъ случаѣ имѣетъ онъ поступать съ ними со всевозможною строгостью“. Послѣ прочтенія помѣщичьяго приказа, незнакомецъ, „растопыря ноги на подобіе хера и подбоченясь на подобіе ферта — произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: „Смотрите же вы у меня, не очень умничайте—вы, я знаю, народъ избалованный; да я, небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмѣля“. Послѣ этого повѣренный или прикащикъ гг. Бѣлкиныхъ вступилъ въ управленіе Горюхинымъ и ввелъ новую свою „политическую систему“, послѣдствіемъ которой было полное обнищаніе Горюхинцевъ, которые совсѣмъ пріуныли, забывъ всѣ свои прежнія вольности, все прежнее благосостояніе, приводившее ихъ къ радости и ликованію“.

„Дурь изъ головъ“ горюхинцевъ была дѣйствительно „выбита“, а какимъ способомъ это совершилось, лучше всего видно изъ замѣтокъ прадѣда Бѣлкина, приводимыхъ его правнукомъ въ образецъ ясности и краткости слога: „4 мая снѣгъ. Тришка за грубость битъ. 6—корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 8—погода ясная. 9—дождь и снѣгъ. Тришка битъ по погодѣ. 10—Тришка за пьянство битъ“. Отъ прежнихъ особенностей быта Горюхинскіе „граждане“ сохранили только пьянство по праздникамъ или послѣ похоронъ, такъ что „родственники и друзья покойника бывали пьяны по 2—3 дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію и привязанности къ его памяти“.

Такимъ-то эпически-спокойнымъ, невозмутимымъ тономъ повѣствуетъ И. П. Бѣлкинъ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произведены были въ жизни обитателей села Горюхина крѣпостническими распоряженіями помѣщиковъ, вѣроятно, такихъ же „мудрыхъ и просвѣщенныхъ“, какъ владѣльцы сосѣдняго съ Горюхинымъ села Захарьина. По-

нятно, что этотъ благодушный тонъ Бѣлкина есть не что иное, какъ „колпакъ юродиваго“, которымъ прикрывается истинное отношеніе великаго поэта къ грустной дѣйствительности, и Горюхино является обобщающимъ символомъ крѣпостническаго уклада жизни, противъ котораго Пушкинъ энергично протестовалъ въ юные годы и съ которымъ онъ не могъ примириться и въ послѣдній періодъ своей поэтической дѣятельности. „Колпакъ „юродиваго“ былъ необходимъ не въ силу какого-то открытаго А. А. Григорьевымъ „всесмиренія“ Пушкина, а въ виду той грозной силы Бенкендорфовъ, Дубельтовъ и ихъ присныхъ, которая ревниво оберегала устои крѣпостничества. Но даже и въ этомъ „колпакѣ“ Пушкинъ не могъ рискнуть докончить и опубликовать свою „Исторію“, и она была напечатана только послѣ его смерти въ незначительномъ сохранившемся отрывкѣ.

Если, такимъ образомъ, въ главномъ своемъ произведеніи, въ „Исторіи села Горюхина“, Бѣлкинъ играетъ довольно плачевную роль маски, которою Пушкинъ хотѣлъ прикрыть своей истинныя стремленія и думы, то какое же значеніе имѣетъ онъ въ повѣстяхъ, авторство которыхъ было приписано ему Пушкинымъ, какъ мы видѣли, по чисто случайнымъ соображеніямъ? Дѣйствительно ли онъ въ нихъ является выразителемъ „простого здраваго толка, здраваго чувства“? Въ чемъ проявляется въ этихъ повѣстяхъ то обстоятельство, что Пушкинъ „влѣзъ въ кожу“ Бѣлкина, какъ это представлялось не подлежащимъ никакому сомнѣнію для А. А. Григорьева и его послѣдователей?

При разрѣшеніи этихъ вопросовъ, весьма важно имѣть въ виду, что Ненарадовскій помѣщикъ, сосѣдъ Бѣлкина, сообщившій о немъ біографическія свѣдѣнія, говоря о его повѣстяхъ, дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи г. Бѣлкина, подъ каждою повѣстью рукою автора надписано: Слышано мною отъ такой-то особы (чинъ или званіе и заглавныя буквы имени и фамиліи). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: Смотри-тель былъ разказанъ ему титулярнымъ совѣтникомъ А. Г. Н., Выстрѣлъ подполковникомъ И. П. Л., Гробо-вщикъ приказчикомъ Б. В. Метель и Барышня дѣвицею К. И. Т.“. При этомъ сосѣдъ считаетъ нужнымъ сообщить, что въ повѣстяхъ „имена почти всѣ вымышлены имъ самимъ (т.е. Бѣлкинымъ), а названія селъ и деревень заимствованы изъ нашего околотка, отъ чего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сіе произошло не отъ злаго какого-либо намѣренія, но единственно отъ недостатка воображенія“.

Приведенными оговорками самъ Пушкинъ даетъ весьма

существенныя указанія относительно малаго значенія избраннаго имъ подставнаго автора его повѣстей: ему принадлежать только имена дѣйствующихъ лицъ и обозначенія мѣста дѣйствія, все же остальное въ повѣстяхъ должно быть приписано другимъ авторамъ, изъ которыхъ каждый отличается своими индивидуальными чертами. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, аналогичнымъ тому, который въ послѣдствіи наблюдается у Гоголя въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“: скрывшись за случайнымъ, уже послѣ написанія повѣстей выдуманннымъ, псевдонимомъ пасичника Рудаго Паньки, Гоголь отдѣльныя повѣсти „Вечеровъ“ приписываетъ другимъ лицамъ, очень замѣтно между собою различающимся, каковы дьячекъ Диканьской церкви, Ѳома Григорьевичъ, гороховый панычъ, Курочка, и различія ихъ отражаются на характерѣ рассказываемыхъ ими повѣстей. Однако, какъ въ „Вечерахъ“ за этими отдѣльными рассказчиками почти всегда виденъ самъ Гоголь, такъ еще въ большей степени въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“ сказывается личность Пушкина.

Н. И. Черняевъ, разбирая вопросъ объ авторствѣ Бѣлкина, даетъ обстоятельныя характеристики рассказчиковъ, упоминаемыхъ въ письмѣ Ненародовскаго помѣщика, и изъ этихъ характеристикъ совершенно ясно, какъ мало эти лица имѣютъ общаго съ Бѣлкинымъ. Приведемъ для примѣра характеристику подполковника И. П. Л., въ которомъ П. И. Бартеневъ (безъ достаточныхъ, впрочемъ, оснований) предполагалъ возможнымъ видѣть кипчевскаго знакомаго Пушкина, И. П. Линранди: „Подполковникъ И. П. Л. „имѣлъ отъ природы романтическое воображеніе“. Этимъ объясняется и его первоначальное увлеченіе Сильвіо, и его послѣдующее охлажденіе къ своему бывшему кумиру. А можно ли говорить о романтическомъ воображеніи Бѣлкина? У Бѣлкина, какъ видно изъ его некролога и автобіографіи, не было и не могло быть никакого влеченія къ „загадочнымъ“ и „демоническимъ“ натурамъ. Представитъ себѣ Бѣлкина въ качествѣ пріятеля и наперника Сильвіо нѣтъ никакой возможности. Подполковникъ И. П. Л. въ молодости не прочь былъ выпить и кутнуть, застѣнчивый же и тихій Иванъ Петровичъ избѣгалъ всякаго рода излишествъ и ужъ, конечно, не вздыхалъ, живя въ деревнѣ, о „шумной и беззаботной“ жизни кавалерійскихъ офицеровъ, ибо онъ ея не зналъ. И. П. Л. былъ полковникъ и кавалеристъ, а Иванъ Петровичъ служилъ въ пѣхотѣ, вышелъ въ отставку въ 1823 году, и еще въ 1820 году былъ юнкеромъ. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ не пошелъ дальше перваго чина. И. П. Л., описывая свое хозяйничанье и свою деревенскую жизнь, говорить: „До обѣда кое-какъ еще дотягивалъ я

время, толкуя со старостой, разъѣзжая по работамъ, или охоты новыя заведенія, но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться... Принялся я было за неподслащенную наливку, но отъ нея болѣла у меня голова; да, признаюсь, побоялся я сдѣлаться пьяницею съ горя, т.-е. самымъ горькимъ пьяницею, чему примѣровъ множество видѣлъ въ нашемъ уѣздѣ. Близкихъ сосѣдей около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ горькихъ, коихъ оесѣда состояла большею частью въ икотѣ и воздыханіяхъ. Уединеніе было сноснѣе. Наконецъ, рѣшился я ложиться спать какъ можно ранѣе, а обѣдать какъ можно позже". Все это никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ Бѣлкину. Онъ ни о чемъ не толковалъ со старостой, во всемъ оезусловно полагался на него и совершенно не вникалъ въ дѣла своего имѣнія. Упиваться наливкою, хотя бы и недолгое время, трезвому Бѣлкину было совсѣмъ не свойственно. замѣчанія подполковника И. П. Л. объ его сосѣдяхъ не могутъ быть приписаны Бѣлкину, ибо онъ имѣлъ въ пожитомъ Ненародовскомъ помѣщикѣ неизмѣнно радушнаго и постоянного собесѣдника. Мудрено также отнести къ Бѣлкину то, что говорить о себѣ подполковникъ И. П. Л., вспоминая впечатлѣніе, произведенное на него цѣвствіемъ о прибытіи молодой и прекрасной графини! Вообще, автобіографическія признанія И. П. Л. нельзя смѣшивать съ автобіографическими признаніями Бѣлкина. Это люди двухъ совершенно различныхъ типовъ¹⁾.

Не менѣе рѣзкою, какъ разъясняетъ Н. И. Черняевъ, представляется разница между Бѣлкинымъ и титулярнымъ совѣтникомъ А. Н. Г., которому принадлежитъ рассказъ „Станціонный смотритель“. И вспыльчивость А. Н. Г., и его разсужденія о чинопочитаніи, и отношеніе къ Дунѣ, у которой онъ, по привычкѣ „этимъ заниматься“, проситъ поцѣлуя, и его сообщеніе о своихъ многолѣтнихъ разъѣздахъ по Россіи („двадцать лѣтъ сряду“) нисколько не подходятъ образу Бѣлкина, и г. Черняевъ справедливо полагаетъ, что А. А. Григорьевъ отнесъ бы этого рассказчика къ категоріи тѣхъ типовъ, которые онъ называлъ хищными. Наконецъ, очень важно отмѣтить, что этому рассказчику Пушкинъ, какъ говоритъ г. Черняевъ, влагаетъ свои собственныя мысли. „Большую часть того, что говоритъ А. Г. Н. по поводу станціонныхъ смотрителей (думаетъ г. Черняевъ), поэтъ могъ сказать отъ своего имени. Описаніе иллюстрацій къ исторіи блуднаго сына введено въ рассказъ „Станціонный Смотритель“ изъ отрывка, начинающагося словами:

1) Черняевъ. Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ, стр. 316—326.

„4 мая 18... произведенъ я въ офицеры“ и написаннаго по указанію Анненкова въ 1825 году, хотя В. Я. Брюсовъ, не указывая основаній, считаетъ этотъ отрывокъ первоначальнымъ наброскомъ „Станціоннаго смотрителя“.

Столь же любопытною индивидуальностью, какъ и предыдущіе рассказчики, представляется дѣвица К. И. Т., которой приписаны Пушкинымъ „Метель“ и „Барышня крестьянка“. Она, какъ говоритъ г. Черняевъ, „особа не первой молодости“ и „смотритъ на Марью Гавриловну какъ бы сверху внизъ, какъ на совсѣмъ молоденькую, неопытную дѣвушку. Почти съ такою же, слегка насмѣшливой улыбкой, она относится и къ роману Владиміра Николаевича... Дѣвица К. И. Т. знакома съ русской и иностранными литературами, съ греческой мифологіей, она цитируетъ Грибоѣдова, итальянскіе стихи, упоминаетъ о героѣ „Новой Элоизы“, какъ о всѣмъ извѣстномъ лицѣ, и вставляетъ въ свою рѣчь французскія слова. Вѣроятно, было время, когда и она зачитывалась французскими романами такъ же, какъ и Марья Гавриловна, но это время давно прошло, и она судить о жизни и житейскихъ вопросахъ безъ той сентиментально-романтической экзальтаци, которую отличались дочь Гаврила Гавриловича и ея неудавшійся обожатель. Дѣвица К. И. Т., видимо, очень религіозна. Кромѣ того, въ ней сказывается мистическое настроеніе: она вѣритъ въ предчувствія и сны“ ¹⁾).

Таковы отдѣльныя лица, которымъ Пушкинъ приписалъ свои повѣсти. Какъ же появились эти рассказчики? Намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ такое предположеніе: желая издать свои повѣсти безъ подписи, поэтъ, для усиленія incognito, влагалъ рассказъ въ уста другихъ лицъ; когда же повѣсти были закончены, то, съ цѣлью ихъ объединенія, онъ рѣшилъ ихъ приписать И. П. Бѣлкину, оговоривъ, однако, въ примѣчаніи принадлежность ихъ другимъ рассказчикамъ. Если, такимъ образомъ, въ этихъ повѣстяхъ первоначально Бѣлкинскаго ничего не было, то для большей мистификаціи Пушкинъ, приписывая ихъ Бѣлкину, долженъ былъ бы въ ихъ изложеніе ввести тѣ какъ-разъ Бѣлкинскія особенности, которыми отличается „Исторія села Горюхина“; но именно то обстоятельство, что общій псевдонимъ явился въ силу случайности, послужило достаточнымъ основаніемъ, чтобы отказаться отъ переработки повѣстей, тѣмъ болѣе, что „Исторія села Горюхина“ въ печать не попала, и читателямъ литературный обликъ Бѣлкина не могъ быть извѣстнымъ, такъ что разность между „Исторіей и повѣстями не могла бы имъ броситься въ

¹⁾ Черняевъ. Тамъ же, стр. 286—7.

глаза. Дѣйствительно, въ языкѣ и стилѣ повѣстей мы совсѣмъ не видимъ тѣхъ „жеманства и напыщенности“, тѣхъ обиняковъ провинціальной вѣжливости, которыми, какъ мы знаемъ, изобилуетъ „Исторія“. Языкъ вездѣ ясный и простой, а кромѣ того присутствіе довольно большого числа иностранныхъ словъ и выраженій является такою чертою, которой мы совсѣмъ не могли бы ожидать у И. П. Бѣлкина, учившагося на мѣдныя деньги и не знавшаго совсѣмъ ни одного изъ иностранныхъ языковъ.

Отвергнувъ по отношенію къ повѣстямъ авторство Бѣлкина, которое съ такою категоричностью утверждается Григорьевымъ и его послѣдователями и которому они, какъ мы видѣли, приписываютъ изъ ряда вонъ выходящее значеніе, мы, конечно, не можемъ придавать сколько-нибудь серьезной цѣны и предположенію ихъ о томъ, будто и „Капитанская дочка“ тоже является произведеніемъ Бѣлкина: если еще для повѣстей авторство Бѣлкина подкрѣплялось чисто внѣшнимъ мотивомъ, тѣмъ, что великій поэтъ издалъ ихъ подъ именемъ Бѣлкина, то въ отношеніи „Капитанской дочки“ не имѣется даже и этого основанія и приписывать ее Бѣлкину возможно только при безграничномъ, доходящемъ до ослѣпленія, увлеченіи предвзятою теоріею.

Если, такимъ образомъ, Бѣлкинъ не долженъ считаться авторомъ этихъ повѣстей, въ которыхъ будто бы отразилась его смиренная личность съ ея несложнымъ міросозерцаніемъ, то и другія лица, отъ имени которыхъ ведется Пушкинымъ повѣствованіе, играютъ не болѣе выдающуюся роль, чѣмъ отдѣльные рассказчики въ Гоголевскихъ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“: эти лица въ нѣкоторой степени сообщаютъ своимъ рассказомъ каждое свой особый колоритъ, но притомъ не всегда, какъ, напримѣръ, въ повѣсти „Гробовщикъ“, приписываемой приказчику Б. В., рѣшительно ничего нѣтъ специфически-приказничьяго, и напротивъ, упоминанія о Шекспирѣ, Вальтерѣ Скоттѣ и о трехъ фран-масонскихъ ударахъ, а также нѣмецкія слова „unserer Kundleute“ представляются совсѣмъ неумѣстными въ устахъ полуграмотнаго приказчика. Однако, если и просвѣчиваютъ черты рассказчиковъ, за ними въ повѣстяхъ всегда виденъ очень ясно самъ великій поэтъ, который сообщаетъ безпритязательнымъ на первый взглядъ рассказамъ нѣчто подлинно Пушкинское, имѣющее абсолютную художественную и историческую цѣнность.

Такъ мы пришли къ вопросу о томъ, въ чемъ проявилась личность самого поэта въ повѣстяхъ, изданныхъ имъ подъ псевдонимомъ Н. П. Бѣлкина, и для разрѣшенія этого вопроса самымъ правильнымъ должно признать тотъ путь,

которые избрали въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ повѣстямъ Бѣлкина, Н. И. Черняевъ и А. С. Искозъ, т. е. сопоставленіе этихъ повѣстей съ другими произведеніями Пушкина, въ особенности съ написанными имъ во время пребыванія въ 1830 г. въ Болдинѣ.

Этотъ моментъ въ жизни Пушкина, очутившагося въ тиши полного деревенскаго уединенія, наполненъ былъ, какъ мы видѣли изъ письма его къ Плетневу, цитированнаго въ началѣ настоящей статьи, чрезвычайно интенсивною творческою работою, результатомъ которой были такія важнѣйшія въ художественномъ отношеніи произведенія, какъ послѣднія главы „Евгенія Онѣгина“, „Каменный Гость“, „Скупой Рыцарь“, „Пиръ во время чумы“. Нечего, кажется, и говорить о достоинствѣ этихъ произведеній, въ которыхъ затронуты существеннѣйшія стороны человѣческаго бытія, выдвинуты и разрѣшены сложныя психологическія проблемы. И вотъ рядомъ съ этими созданіями, не заключающими въ себѣ ни малѣйшаго намека на комическія и тривиальный элементъ въ жизни, въ то же самое время Пушкинъ пишетъ „Домикъ въ Коломнѣ“ (о которомъ, вѣроятно, упоминаетъ въ письмѣ къ Плетневу, говоря, что написалъ „поэму въ октавахъ“), а также и повѣсти Бѣлкина.

Такимъ образомъ одновременно почти создаются конецъ „Евгенія Онѣгина“, „Каменный Гость“ и „маленькія трагедіи“ съ одной стороны, и „Домикъ въ Коломнѣ“ и повѣсти Бѣлкина—съ другой. Контрастъ, такъ сильно бросающійся въ глаза, можетъ быть объясняемъ и изумительной разносторонностью душевной жизни нашего поэта, его, по выраженію А. Ѳ. Кони, „многогранностью“, но возможно для него и нѣсколько другое толкованіе, истекающее изъ анализа тѣхъ вопросовъ, которые занимали Пушкина въ этотъ моментъ его жизни. По крайней разносторонности своей поэтической натуры Пушкинъ былъ способенъ къ самымъ необыкновеннымъ переходамъ отъ темъ „возвышенныхъ“, отъ настроенія серьезнаго къ заразительно-веселой шуткѣ, и своего рода игрѣ словомъ. Нѣчто подобное мы можемъ указать въ любопытномъ фактѣ написанія повѣсти „Графъ Нулинъ“ въ селѣ Михайловскомъ, въ 1825 г., когда поэтъ былъ занятъ работою надъ „Борисомъ Годуновымъ“ и продолженіемъ „Евгенія Онѣгина“: отъ этихъ произведеній, въ которыхъ, по выраженію Страхова, проявился „возвышенный строй его поэзіи“, Пушкинъ чрезвычайно легко переходитъ къ прихотливой мысли пародировать Шекспира и древнюю исторію, и этой прихоти поэта мы обязаны „Графомъ Нулинымъ“, произведеніемъ, исполненнымъ рѣдкаго изящества.

Подобному же прихотливому настроенію отдался поэтъ, когда вздумалъ по словамъ В. Я. Брюсова, „усвоить русской поэзіи тотъ родъ шутилой романтической поэмы, который въ тѣ годы имѣлъ особенный успѣхъ въ Англии и во Франціи“. Не знаемъ, насколько правильна догадка г. Брюсова о желаніи Пушкина „усвоить“ родъ поэзіи; затрудняемся сказать, на чемъ эта догадка основывается, но полагаемъ, что поэтическая прихоть стояла для Пушкина на первомъ планѣ, когда онъ начиналъ свою шутку такимъ вступленіемъ:

Четырестошный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ писать всякій. Мальчикамъ въ забаву
Пора-бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пушусь на славу!
Вѣдь рѣшмы запросто со мной жить.
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

Прихоть привела поэта къ разсказу о забавной исторіи, случившейся въ домикѣ въ Коломнѣ, и заключается поэма тоже въ шутиломъ тонѣ, въ которомъ однако слышится вполне серьезная защита своей поэтической независимости, своей прихоти „скитаться здѣсь и тамъ“, какъ впоследствии говорилъ поэтъ въ стихотвореніи „Изъ VI Пиндемонта“. Въ формѣ шутки въ заключительныхъ строфахъ „Домика въ Коломнѣ“ Пушкина разрѣшаетъ весьма важный вопросъ о свободѣ творчества:

— „Какъ! развѣ все тутъ? Шутите!“ — „Ей-Богу“.
— Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
Къ чему-жъ такую подняли тревогу,
Скикали рать и съ похвалбою шли?
Завидную жъ вы избрали дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
Да нѣтъ-ли хоть у васъ нравоученья?“
— „Нѣтъ... или есть: минуточку терпѣнья...
Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;
Кто-жъ родился мужчиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно:
Когда-нибудь придется-же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего“.

Одною изъ формъ шутки, въ которой порою сквозить весьма серьезная мысль, является пародія. Къ ней Пушкинъ обратился, какъ мы видѣли, въ селѣ Михайловскомъ въ моментъ высокаго подъема своего творчества; ею же пользуется онъ въ Болдинѣ: элементъ пародіи несомнѣнно присутствуетъ, какъ составная часть, въ „Исторіи села Горюхина“, и тѣмъ же стремленіемъ къ шуткѣ, къ пародіи можетъ быть объясняемо, какъ это показали изслѣдованія Н. И. Черняева и А. С. Искоза, до извѣстной степени и происхожденіе нѣкоторыхъ изъ повѣстей Бѣлкина, при чемъ въ нихъ Пушкинъ даетъ пародіи на свои собственные созданія, смотря сквозь призму шутки на созданные имъ раньше образы и положенія, въ которыхъ ничего комическаго не было.

Психологическій процессъ возникновенія этихъ пародій на свои собственные созданія на нашъ взглядъ весьма правдоподобно изображенъ А. С. Искозомъ. „Если дѣйствительно,—говоритъ молодой изслѣдователь,—отъ трагическаго до комическаго одинъ шагъ, то это блестяще было доказано Пушкинымъ. Тѣ же сюжеты, которые вдохновили его на созданіе великихъ трагическихъ сценъ и дивныхъ главъ „Евгенія Онѣгина“, при извѣстной вариации, перевоплотились въ граціозныя шутки-пародіи, полныя настоящаго юмора и дѣтскаго веселья. А въ сущности вовсе ужъ не такъ трагично на свѣтѣ—шепнуло ему на ухо его „лукавство“. Дай посмѣяться надъ самимъ собою, надъ самыми дорогими образами, но не кощунственно—такихъ надрывовъ душевныхъ Пушкинъ не зналъ—а легко, беззаботно, весело, тѣмъ здоровымъ, заражающимъ смѣхомъ, который такъ характеренъ для всякой молодой души. Но смѣяться можно, хоть и весело, надъ тѣмъ, что уже изжито, что осталось позади. Вотъ почему намъ представляется, что Пушкинъ уже удаляется отъ тѣхъ образовъ, которые онъ пародируетъ въ повѣстяхъ Бѣлкина; удаляется отъ нихъ навсегда, прощаясь съ ними издалека, незамѣтной для нихъ, веселой усмѣшкой. И именно эта-то дальность разстоянія отъ этихъ образовъ, можетъ быть, и мѣшаетъ вскрыть ихъ связь съ шутливыми героями повѣстей Бѣлкина,—ту связь, которая, повторяемъ, существуетъ между водевилемъ и трагедіей, написанными на одинъ и тотъ же сюжетъ однимъ и тѣмъ же художникомъ“.

Первою по времени написанія (9 сентября 1830 г.) и первую въ сборникѣ Бѣлкина является повѣсть „Гробовщикъ“, находящаяся въ связи съ тѣми думами о смерти, которыя въ это время останавливали на себѣ вниманіе Пушкина. За годъ передъ тѣмъ въ своихъ стансахъ „Врожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ великій поэтъ выразилъ, какъ

тогда говорилось, состояніе резиньяціи, смиренія, преклонился передъ роковымъ фактомъ неизбѣжности смерти. Но ему представлялась возможность иного отношенія къ смерти и загробному міру, и такое отношеніе нашло себѣ мѣсто въ „Пирѣ во время чумы“ и въ „Каменномъ Гостѣ“. Въ первомъ изъ этихъ произведеній, въ „маленькой трагедіи“, ярко рисуется личность предсѣдателя, который, въ виду зловѣщаго призрака смерти, не хочетъ сдаваться, видя въ борьбѣ извѣстное наслажденіе. Онъ призываетъ собравшихся на пирь къ веселью, къ безстрашію, говоря:

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья,
Ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ.
И такъ—хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы тьма
Насъ не смутитъ твое призванье!

То самое „упоеніе... бездны мрачной на краю“, о которомъ говоритъ предсѣдатель, вѣчное дерзостное отношеніе къ смерти въ высшей степени свойственно герою „Каменнаго Гостя“. Донъ-Жуанъ смѣется надъ всякой опасностью, пренебрежительно говоря: „Что смерть? За сладкій мигъ свиданья безропотно отдамъ я жизнь“. Смерть какъ будто не властна надъ нимъ, всѣ, кто оказывается ему помѣхой въ ненасытимой жаждѣ наслажденія, падаютъ отъ его руки, и онъ, наконецъ, насмѣшливо бросаетъ кощунственный вызовъ загробному міру:

Я, командоръ, прошу тебя притти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать на стражѣ въ дверяхъ.

Когда въ отвѣтъ на это приглашеніе статуя киваетъ головой, Донъ-Жуанъ впервые испытываетъ смущеніе, а на другой день, когда появляется убитый имъ командоръ, его охватываетъ ужасъ и онъ гибнетъ.

Донъ-Жуанъ кончаетъ трагически, его отношеніе къ

смерти столь-же вызывающе-дерзкое, какъ и отношеніе предсѣдателя въ „Пирѣ во время чумы“, и вотъ какое-то „веселое лукавство ума“ подсказало Пушкину, что есть возможность пародировать тотъ трагическій элементъ, который заложенъ въ основу „Пира во время чумы“ и „Каменнаго Гостя“. Вѣдь дѣйствительность позволяетъ предположить и еще одну форму отношенія къ смерти и загробному міру, форму, чуждую дерзости и кощунства Донъ-Жуана, но родственную съ индифферентизмомъ, при которомъ стирается все ужасное, и мертвецы становятся какъ бы своими людьми, съ которыми можно обращаться за панибрата. Такъ возникаетъ въ фантазіи поэта образъ московскаго мѣщанина, гробовщика Адриана Прохорова, который съ попойки у сапожника Шульца „пришелъ домой пьянъ и сердитъ“. „Что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, рассуждалъ онъ вслухъ, чѣмъ ремесло мое нечестнѣе прочихъ? Развѣ гробовщикъ братъ палачу? чему смѣются басурмане? развѣ гробовщикъ газръ святочный? Хотѣлось было мнѣ ихъ на новоселье ^с адать имъ пиръ горой; инъ не бывать же тому! А созовъ я тѣхъ, на которыхъ работаю: мертвецовъ православныхъ.. У Бй-Богу, созову, и на завтрашній же день. Милости проси: ь, мои благодѣтели, завтра вечеромъ у меня попить; Угощу, чѣмъ Богъ послалъ“.

Въ приглашеніи Адриана Прохорова видны почтительность и добродушіе, которыхъ, конечно, и въ поминѣ нѣтъ у Донъ-Жуана, и тѣмъ не менѣе, несмотря на комичность, параллель, какъ говоритъ г. Искозь, „напрашивается“ и параллель не устраняется тѣмъ, что мертвецы являются къ пьяному гробовщику во снѣ. „Въ чемъ, собственно,—спрашиваетъ г. Искозь,—различіе мотивовъ и настроеній обонихъ нарушителей покоя подземныхъ обитателей. Донъ-Жуанъ вспоминаетъ о мертвецѣ лишь въ минуты наивысшаго экстаза, когда сгирается грань между двумя мірами. У него образъ смерти появляется въ силу контраста, при наивысшемъ напряженіи жизни, когда онъ „въ величайшемъ восторгѣ пѣть готовъ, радъ весь міръ обнять и счастливъ, какъ ребенокъ“. Опьяненный жизнью, онъ дерзко вызываетъ грозный призракъ смерти. Гробовщикъ же зоветъ мертвецовъ, какъ равныхъ себѣ, какъ старыхъ знакомцевъ, съ которыми провелъ всю жизнь. У него—не кощунство и не дерзкій вызовъ упоеннаго жизнью, а смиренное, почти радужное обращеніе къ обычной средѣ. Понятно, что оно немыслимо въ обычномъ трезвомъ состояніи въ силу всего его душевнаго уклада; но зато оно совершенно естественно въ угарѣ похмелья, когда контроль со стороны разума ослабѣваетъ, и когда фантазія, питаемая образами обычной обстановки, виртуозно скачетъ. Мертвецы радушно принимаютъ

любезное приглашеніе Прохорова и являються къ нему на новоселье такъ же, какъ и статуя командора къ доннѣ Аннѣ. И на него наступаетъ скелетъ, но не съ угрозой, а съ распростертыми объятіями. И лишь случайное недоразумѣніе возбудило гнѣвъ мертвецовъ, которые навѣрное ушли бы съ миромъ домой. Такъ исключительность и внезапность обстановки чумнаго пира, поражающія воображеніе и настраивающія на трагическій ладъ, претворились въ обычное состояніе въ будни гробовщика. Такъ на фонѣ этихъ будней дерзкій вызовъ Донъ-Жуана превращается въ пьяную выходку человѣка, совершенно неспособнаго къ тѣмъ восторженнымъ порывамъ, когда стираются грани между двумя мірами, когда невозможное становится возможнымъ... Такъ появленіе статуи командора, символизирующей собою пробужденіе совѣсти или суда высшей правды, претворяется въ кошмарный сонъ пьянаго гробовщика, постоянно думающаго о мертвецахъ, въ силу своей профессіи¹⁾.

Тотъ характеръ пародіи, что и въ „Гробовщикѣ“ можно отмѣтить въ „Метели“ и, пожалуй, съ нѣкоторыми оговорками въ „Выстрѣлѣ“, двухъ разказахъ, которые, по извѣстію, сообщаемому со словъ лицеистовъ Анненковымъ, Пушкинъ будто бы импровизировалъ „въ грубыхъ чертахъ“ еще на школьной скамьѣ, въ товарищескомъ кружкѣ²⁾.

Относительно „Метели“, написанной 20 октября 1830 г., уже послѣ всѣхъ другихъ повѣстей Бѣлкина, можно утверждать съ весьма большимъ вѣроятіемъ, что въ ней мы имѣемъ шутку, возникшую подъ вліяніемъ развязки „Евгенія Онѣгина“, который былъ законченъ почти мѣсяцемъ ранѣе, 25-го сентября. Марья Гавриловна, героиня „Метели“, принадлежитъ къ числу тѣхъ провинціальныхъ барышень, которыхъ Пушкинъ съ такою мѣткою ироніей характеризуетъ въ „Барышнѣ-Крестьянкѣ“. „Тѣ изъ моихъ читателей,—говоритъ онъ, которые не жили въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни евоихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсти, неизвѣстныхъ разсѣяннѣмъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе, поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гостя оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно, всякому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шутки поверхностнаго наблюдателя не могутъ

¹⁾ Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Эфрона, т. IV, стр. 183.

²⁾ Анненковъ. Матеріалы для біограф. Пушкина, стр. 18.

уничтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: особенность характера, самобытность (individualité), безъ чего, по мнѣнію Жанъ Поля, не существуетъ и человѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навѣкъ свѣта скоро сглаживаетъ характеръ и дѣлаетъ души столь же однообразными, какъ и головные уборы“. Изъ „Метели“ мы узнаемъ, что Марья Гавриловна не далеко ушла отъ этого типа уѣздной барышни, но въ ней есть нѣкоторыя черты, которыя позволяютъ ее сближать съ излюбленною героиней Пушкина, съ Татьяною: такъ же, какъ и Татьяна, Марья Гавриловна „была воспитана на французскихъ романахъ“, изъ которыхъ вынесла сентиментально-романтическую настроенность, что и отразилось въ ея письмахъ къ родителямъ и подругѣ передъ бѣгствомъ изъ дому; Татьянѣ видится вѣщій сонъ, и подобныя „ужасныя мечтанія“ не даютъ спать Марьѣ Гавриловнѣ: „То казалось ей, что въ самую минуту, когда она садилась въ сани, чтобы ѣхать вѣнчаться, отецъ ея останавливалъ ее, съ мучительной быстротой тащилъ по снѣгу и бросалъ въ темное, бездонное подземелье, и она летѣла стремглавъ съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; то видѣла она Владиміра, лежащаго на травѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обвѣнчаться...“

Можно и еще указать черточки сходства между этими двумя Пушкинскими героинями, но это излишне, такъ какъ, по справедливому опредѣленію г. Черняева, „Марья Гавриловна похожа на Татьяну, какъ плохенькая пародія на чудный оригиналь“. Но для чего же понадобилась поэту подобная пародія? Смыслъ ея заключается въ романтической исторіи Марьи Гавриловны и Бурмина. Случайно обвѣнчанная съ Бурминымъ, Марья Гавриловна считаетъ для себя потеряннымъ Владиміра Николаевича, въ силу того принципа, который выраженъ въ знаменитыхъ словахъ Татьяны:

Я васъ люблю (къ чему лукавить),
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Для Татьяны въ ея словахъ заключенъ глубокой смыслъ-религіозной покорности высшей волѣ, — совсѣмъ иначе представляетъ Пушкинъ „печальную вѣрность дѣвственной Артемизы“: онъ, видимо, подсмѣивается надъ сентиментальнымъ отношеніемъ Марьи Гавриловны къ памяти Владиміра, рассказывая, какъ она берегла „книги“, имъ нѣкогда

прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанные для нея“. Поэтъ готовится читать читателя къ появленію героя, который долженъ „восторжествовать надъ ея печальной вѣрностью“. Снова выводится на сцену Бурминъ, и Марья Гавриловна, видя его чувство и будучи сама очень къ нему равнодушной, ждетъ рѣшительнаго объясненія, готова *соур de théâtre*, т.-е. собираясь повторить слова Татьяны, но поза не удается, и мы присутствуемъ при водевильномъ окончаніи всей, складывавшейся трагической исторіи.

Такъ, вмѣсто Татьяны, въ лицѣ Марьи Гавриловны оказалось нѣчто среднее между Татьяной и Ольгой, типичная „уѣздная барышня“.

Столь же комическимъ лицомъ оказывается и Владимиръ, представляющійся пародіей даже на Ленскаго, къ которому отношеніе поэта далеко не можетъ считаться вполне серьезнымъ: вѣдь Пушкинъ не вѣритъ въ романтизмъ Ленскаго и признаетъ для него возможной самую прозаическую будущность, если бы жизнь его не была преждевременно оборвана пулей Онѣгина.

Незадолго до „Метели“, 12 октября написана повѣсть „Выстрѣлъ“, въ которой А. С. Искозъ тоже видитъ пародію, предполагая, что въ „Выстрѣлѣ“ поэтъ хотѣлъ въ комическомъ видѣ представить то отношеніе психологическое, которое лежитъ въ основѣ „маленькой трагедіи“ „Моцартъ и Сальери“. Дѣйствительно Сельвю такъ же завидуетъ повѣсь графу, какъ Сальери завидуетъ Моцарту; однако, дальше сходство не распространяется, и Сильвю оказывается способнымъ въ отношеніи къ графу на истинно-благородныя дѣйствія, дважды уступая ему на дуэли право перваго выстрѣла. Съ другой стороны и въ графѣ нѣтъ тѣхъ симпатичныхъ чертъ, которыми въ „маленькой трагедіи“ надѣленъ Моцартъ. Такимъ образомъ, мы повторяемъ, что параллель, выдвинутая г. Искозомъ, можетъ быть принята лишь съ весьма существенными оговорками.

Таковъ характеръ трехъ рассмотрѣнныхъ повѣстей: въ нихъ сквозитъ юмористическое отношеніе поэта къ созданіямъ собственной его фантазіи, которыя онъ несомнѣнно любилъ, придавая имъ немалую цѣнность, и, конечно, въ этой шуткѣ, въ этомъ искусномъ пародированіи совершенно невозможно заподозрить такого, невысоко стоящаго, въ умственномъ отношеніи человѣка, какъ И. П. Бѣлкинъ. Столь же трудно приписать пародіи и тѣмъ лицамъ, со словъ которыхъ будто бы рассказывалъ свои повѣсти Бѣлкинъ. Слѣдовательно, признавая въ этихъ повѣстяхъ проявленіе „лукавства ума“ великаго поэта, опять-таки приходится на новомъ основаніи категорически отвергнуть Бѣл-

кинскую легенду, созданную Ап. А. Григорьевымъ и его сторонниками.

Изъ двухъ остающихся повѣстей „Барышня крестьянка“ представляется столь же милою, совершенно безпретенциозною, но высоко-художественною шалостью воображенія, поэтической прихотью, какъ и „Домикъ въ Коломнѣ“, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, это эта повѣсть изобилуетъ любопытными бытовыми и психологическими подробностями въ изображеніи, какъ отцовъ, Муромскаго и Берестова, такъ и дѣтей, Лизы и Алексѣя. Разумѣется, и здѣсь объ авторствѣ какого-либо другого лица, кромѣ Пушкина, не приходится говорить, хотя повѣсть и приписывается дѣвщѣ К. И. Т., рассказавшей „Метель“.

Неизмѣримо важнѣе повѣсть „Станціонный Смотритель“ и, оставляя въ сторонѣ Бѣлкинскую легенду, слѣдуетъ признать, что Ап. А. Григорьевъ былъ глубоко правъ, когда приписывалъ этому произведенію Пушкина выдающееся значеніе для дальнѣйшаго развитія русской литературы. Однако, и тутъ намъ придется не во всемъ согласиться съ взглядомъ критика-почвенника. Говоря о прозаическихъ произведеніяхъ, написанныхъ Пушкинымъ въ послѣдніе годы его дѣятельности (въ томъ числѣ и о „Станціонномъ Смотрителѣ“), Григорьевъ склоненъ былъ въ нихъ видѣть поворотъ въ творчествѣ поэта на новый путь, къ сближенію съ русской жизнью, къ допущенію „фламандской школы пестраго сора“ и „прозаическихъ бредней“. Критикъ въ Пушкинской прозѣ видѣлъ осуществленіе того, что предсказывалъ поэтъ въ третьей главѣ „Евгенія Онѣгина“:

Быть можетъ, волею Небесъ,

Унижусь до смиренной прозы.
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно, въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Люби плѣнительные сны
И нравы нашей старины.
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условенныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья,
Поссорю вновь и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...

Конечно, многое из этих предсказаний выполнил Пушкин и в „Капитанской дочке“ и в повѣстях послѣднихъ лѣтъ, но признать вѣ этомъ какой-то новый элементъ вѣ его творчествѣ мы не можемъ, такъ какъ Пушкинъ съ самаго начала былъ поэтомъ-реалистомъ, поэтомъ дѣйствительности, и „возвышенный строй“ его поэзи нисколько не мѣшалъ ему и прежнимъ его произведеніямъ давать вѣ изобиліи „фламандской школы пестрый соръ“ и поражать своихъ поклонниковъ необыкновенной художественной простотой изображенія и выраженія.

Такимъ образомъ, если великое достоинство повѣсти „Станціонный Смотритель“ для насъ заключается не вѣ ея реализмѣ, которымъ она блещетъ наравнѣ съ другими произведеніями великаго поэта, то какова же ея главная особенность, опредѣляющая ея исключительное значеніе вѣ исторіи русской литературы? Эта особенность—проникающее повѣсть гуманное настроеніе, признаніе человѣческаго достоинства за „маленькими, сѣренькими людьми“, проникновение вѣ душевную жизнь этихъ людей, къ которымъ вѣ это относятся съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ. Вѣ этой повѣсти уже слышится тѣ слова, которыми Гоголь истолковалъ жалобу Акакія Акакіевича: „я братъ вашъ!“ Вѣ „Станціонномъ Смотрителѣ“ уже есть зерно той любви къ человѣку, которая такимъ яркимъ свѣтомъ озаряетъ творчество Тургенева, Достоевскаго, Л. Н. Толстого: забитый человѣкъ, ничтожный по своему общественному положенію, смотритель станціи не даетъ своему оскорбителю, похитителю Дуни, блестящему гусару, глумиться надъ собою, съ презрѣніемъ бросаетъ и топчетъ на землѣ его подачку, хотя матеріально она для него казалась бы и великимъ благодѣяніемъ, и этимъ лучше всего подчеркивается его человѣческое достоинство, которое деньгами не должно и не можетъ измѣряться. Единственнымъ его утѣшеніемъ, его отрадою вѣ горемычной жизни была его жизнерадостная Дуня, такъ напоминавшая его покойную жену; отняли у него эту отраду—и жизнь потеряла для него всякій смыслъ. Погибъ маленькій человѣкъ, и эта гибель оставляетъ вѣ читателѣ то же чувство, которое испытывается, когда знакомишься съ судьбой Башмачкина, Дѣвушкина и др. героевъ новѣйшаго періода нашей литературы. Великій поэтъ сознавалъ значеніе своей повѣсти и, обыкновенно избѣгавшій всякихъ поученій, онъ усиленно подчеркивалъ свое отношеніе къ бѣдняку смотрителю, направляя этимъ мысль и чувство читателя къ тѣмъ взглядамъ и настроеніямъ, которые положены имъ были вѣ основу этой повѣсти, полной глубокаго жизненнаго трагизма.

Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина ¹⁾.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ вся Россія готовится къ торжественному чествованію памяти Пушкина: каждый день со всѣхъ сторонъ мы получаемъ извѣстія о томъ или другомъ начинаніи, которое связывается съ предстоящимъ національнымъ празднествомъ и въ которомъ такъ или иначе должна выразиться благодарность русскаго общества своему великому учителю-поэту. Въ этомъ движеніи почти не замѣчается показная, оффиціальная сторона, а, напротивъ, выдвигается на первый планъ чисто сердечный его характеръ, и это, конечно, является отраднѣйшимъ признакомъ нашей умственной зрѣлости. Мы не только далеко оставили за собою ту этнографическую ступень развитія, на которой народъ живетъ почти исключительно настоящимъ и не умѣетъ цѣнить заслуги своихъ былыхъ вождей, мы не только, по выраженію нашего историка, С. М. Соловьева, перестали быть народомъ безпамятнымъ, но даже научились должнымъ образомъ понимать значеніе такихъ людей, дѣятельность которыхъ не представляетъ чего-либо эффектнаго по внѣшности; насъ привлекаетъ уже не одна слава, купленная кровью, намъ дороги и безкровныя побѣды въ чистой и не знающей ограниченія области духа, такъ что мы можемъ сознать себя въ извѣстной мѣрѣ достойными нашихъ великихъ дѣятелей науки и искусства, тѣхъ представителей творчества научнаго и поэтическаго, которые ведутъ насъ къ мирнымъ и при томъ неотъемлемымъ завоеваніямъ.

Велики пріобрѣтенія науки, сильно расширяютъ они нашъ умственный кругозоръ, во многомъ облегчаютъ они нашу жизнь, содѣйствуютъ улучшенію окружающей насъ обстановки какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но одни далеко не въ состояніи удовлетворять ту духовную жажду, въ которой, быть можетъ, заключается

¹⁾ Рѣчь, произнесенная 21 марта 1899 г. въ засѣданіи Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній.

мая важная сторона, если не весь смысл нашего существования. Нѣтъ человѣка, въ которомъ не было бы стремленія въ какой-то лучшей мѣрѣ, стоящей выше нашей земной юдоли, такъ что это стремленіе къ совершенству должно быть признано чѣмъ-то неразрывно связаннымъ съ самою природою человѣка, и вотъ здѣсь-то мы замѣчаемъ бѣдность нашей науки, такъ какъ, врядь-ли когда-нибудь она дойдетъ до основательнаго разрѣшенія всѣхъ проблемъ, которыя выдвигаются передъ нами въ одной лишь познавательной области, врядь-ли настанетъ такое время, когда мы силою нашего разума постигнемъ истину во всей ея полнотѣ. Но кромѣ истины духъ нашъ стремится къ добру и красотѣ, и осуществленіе этихъ двухъ сторонъ идеальнаго совершенства требуетъ другихъ путей; на смѣну бессильной науки съ одной стороны выступаетъ мораль, на религиозномъ или иномъ какомъ-либо основаніи, а съ другой—художественное творчество въ своихъ многообразныхъ проявленіяхъ.

Такимъ образомъ поэтъ ведетъ насъ къ разрѣшенію высшихъ нравственныхъ задачъ, къ воплощенію нашего идеала и исполняетъ какъ то, что дается ученымъ, такъ и то, на что указываетъ намъ моралистъ. Поэта можно назвать учителемъ жизни; онъ объясняетъ намъ дѣйствительность, въ вѣчномъ круговоротѣ явленій помогаетъ намъ отдѣлать случайное отъ общаго, раскрываетъ намъ внутренній, таинственный смыслъ жизни, намѣчаетъ передъ нами путь нравственнаго совершенства и приближаетъ насъ къ идеалу вѣчной красоты. Все это трузимы, избытки истины, но ихъ приходится всегда припоминать, когда рѣчь заходитъ объ историческомъ и особенно воспитательномъ значеніи поэта, потому что очень много есть такихъ людей, которые готовы ограничить роль поэзіи какой-либо одною областью, забывая, что главная ея сила заключается именно въ объединеніи отдѣльныхъ сторонъ идеала.

Нельзя сказать, чтобы задача разныхъ искусствъ, и въ томъ числѣ поэзіи, состояла исключительно въ воспроизведеніи дѣйствительности, какъ это думаютъ крайніе представители натуральной школы; но въ то же время невозможно сводить поэзію на степень нравственно-публицистической проповѣди, какъ это дѣлается критиками-публицистами, или же заставлятъ ее служить одной красотѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было общественно-нравственныхъ задачъ, о чемъ толкуютъ сторонники такъ называемой теоріи чистаго искусства. Ни въ одной изъ этихъ крайностей, конечно, нельзя найти истиннаго опредѣленія задачъ поэтической дѣятельности, и правда, какъ намъ кажется должна быть въ сліяніи указанныхъ трехъ направленій, причемъ получается слѣдующая формулировка: поэтъ одно-

временно служить истинѣ, добру и красотѣ, стремясь, при точномъ воспроизведеніи дѣйствительности, къ торжеству нравственнаго начала и къ осуществленію его въ прекрасныхъ образахъ.

Если мы примемъ такое опредѣленіе, то окажется рѣшительно невозможнымъ, невысказаннымъ форму отрывать отъ содержанія, какъ это сплошь и рядомъ практикуется разными цѣнителями, изъ которыхъ одни окончательно пренебрегаютъ внѣшней стороной воспроизведенія, а другіе, наоборотъ, чуть-ли не въ ней одной готовы видѣть все достоинство поэтическаго созданія. И дѣйствительно, рассматривая произведенія великихъ поэтовъ мы въ нихъ постоянно встрѣчаемся съ указаннымъ гармоническимъ объединеніемъ разныхъ сторонъ идеала, и невольно рождается вопросъ, не въ этомъ ли самомъ фактѣ и слѣдуетъ прежде всего искать воспитательнаго значенія ихъ поэзіи? Думается намъ, что именно такая цѣльность идеальнаго созерцанія должна придавать наибольшую силу твореніямъ поэта, что въ ней-то и заключается секретъ его вліянія на людей, его могучаго эстетически-нравственнаго на нихъ воздѣйствія, и, обращаясь къ произведеніямъ Пушкина, мы невольно увидимъ въ нихъ какъ разъ эту самую основную особенность, это тѣснѣйшее сочетаніе формы съ идеей, прекраснаго образа съ возвышеннымъ нравственнымъ урокомъ.

Давно уже стало общимъ мѣстомъ, что поэзія Пушкина, какъ по содержанію, такъ и по своимъ формамъ, отличается крайнею разносторонностью и лучше всего можетъ быть охарактеризована при помощи того образа, который онъ самъ далъ намъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поеть ли дѣва за холмомъ—

На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.—
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ!

И плешь отвѣтъ:
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва...—Таковъ
И ты, поэтъ!

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ представляетъ отзывчивость къ впечатлѣніямъ окружающаго міра вообще свойствомъ поэта, не примѣняя, быть можетъ, этого наблюденія исключительно къ самому себѣ; но, изучая его произведе-

своей знаменитой рѣчи при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ, указаль, что подобная отзывчивость есть наиболѣе выдающаяся особенность именно самого Пушкина.

„Нашъ поэтъ,—говорилъ Достоевскій,—представляетъ собою нѣчто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигдѣ и ни у кого. Въ самомъ дѣлѣ, въ европейскихъ литературахъ были громадной величины художественные гени—Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ гениевъ, который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ. И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ главнѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такой силой гений чужого, сосѣдняго, можетъ быть, съ нимъ народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему. Даже у Шекспира его итальянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность... Положительно скажу, не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью, какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти совершенномъ, и потому и чудесномъ, потому что нигдѣ, ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. Это только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, а, по нашему, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и выразилась наиболѣе его специальная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и всечеловѣчности?“

Въ доказательство этой своей мысли Достоевскій ссылается на нѣсколько фактовъ такого поразительнаго перевоплощенія въ духъ другой эпохи и другого народа въ произведеніяхъ Пушкина; не повторяя этихъ любопытныхъ указаній, приведу два примѣра замѣчательнаго отраженія Пушкинымъ древняго классическаго міра въ его стихотвореніяхъ. Таковъ слѣдующій отрывокъ „Изъ Ксенофана Колофонскаго“:

„Чистый лоснится полъ, стеклянныя чащи блистають;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладона сладостный дымъ; другой отрываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой, все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поють. Но въ началѣ трапезы, о
други,

Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чи-
стой душой

Правду блюсти; вѣдь оно же и легче. Теперь мы при-
ступимъ:

Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда невелика
Въ ночь возвращаясь домой, на раба опираться, но
слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо“.

Переводъ этихъ стиховъ, какъ показываетъ сравненіе съ подлинникомъ, не вполне точенъ, но тѣмъ не менѣе трудно не замѣтить, что при всѣхъ отступленіяхъ, несмотря даже на анахронизмъ эпитета „стеклянныя“, вполне вѣрно переданъ духъ античнаго міросозерцанія, его спокойствіе, ясность, эпикурейская уравновѣшенность и жизнерадостность, даже складъ рѣчи въ нѣсколько тавтологическомъ, тяжеломъ выраженіи „вѣщать благовѣщія рѣчи“, такъ что въ этихъ немногихъ строкахъ чувствуется гораздо болѣе сильное перевоплощеніе современнаго поэта въ древній міръ, чѣмъ въ очень точныхъ переводахъ Гнѣдича и нѣкоторыхъ преемниковъ Пушкина, затрагивавшихъ область классической поэзіи. Такая вѣрность передачи тѣмъ болѣе поразительна, что переводъ явился не прямо съ подлинника, а при посредствѣ французскаго перевода.

То же самое приходится сказать и относительно слѣдующей оды Анакреона:

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай же, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скиѣы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ, за чашей я пою
Иль бесѣдную невинно.

Подобная же вѣрность оригиналу замѣчается и въ другой одѣ того же древняго поэта:

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ ихъ строго.
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода;
Входъ въ него для всѣхъ открытъ;
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ навѣки тамъ забыть.

Приведенныя стихотворенія представляютъ собою переводы, но перевоплощеніе еще ярче обнаруживается въ оригинальныхъ, классическихъ произведеніяхъ нашего поэта, какъ, на примѣръ, въ слѣдующемъ антологическомъ образцѣ:

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ;
Чаша первая харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая—
Краснощекому здоровью;
Третья—дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

Читая такія строки, положительно можно забыть, что онѣ принадлежатъ поэту XIX столѣтія—ихъ можно принять за переводъ: до того близко выражаемое ими настроеніе къ тому, что мы находимъ въ цитированныхъ переводахъ: подражатель, какъ бы онъ ни былъ свѣдуецъ, не можетъ такъ писать; для этого нужно быть гениемъ, постигающимъ глубочайшую сущность чуждаго духовнаго строя.

Таковы факты возсозданія античнаго духа въ поэзіи Пушкина, но вѣдь возможно и у другихъ поэтовъ нѣчто подобное, мы имѣемъ право предположить и у другихъ такое же проникновеніе древнимъ міросозерцаніемъ; но если бы даже наше предположеніе вполнѣ подтвердилось, за Пушкинымъ остается все-таки преимущество въ томъ отношеніи, что для него существуетъ не одна эта античная сфера, и что такое же

*

перевоплощеніе можно наблюдать и тамъ, гдѣ онъ касается поэзіи восточной, міра средневѣкового, Англии, Германіи, Италіи, Испаніи, гдѣ онъ переносится въ древнюю Русь, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ пѣснями славянскихъ племенъ (причемъ опять-таки посредникомъ ему служить текстъ французскій), гдѣ онъ даетъ намъ образцы русскаго народнаго стиля, какъ это дѣлается имъ въ сказкахъ и даже въ „Русланъ и Людмилъ“, несмотря на не совсѣмъ доброкачественный источникъ этой поэмы въ передѣлкахъ народныхъ сказаній литератора екатерининской эпохи, Чулкова.

Эта же самая способность Пушкина была замѣчена еще Бѣлинскимъ, который, приведя подражаніе Пушкина Горацию, указалъ, что „въ этомъ стихотвореніи видна художническая способность Пушкина переноситься во всѣ сферы жизни, во всѣ вѣка и страны,—виденъ тотъ Пушкинъ, который при концѣ своего поприща нѣсколькими терцинами въ духъ Дантовой „Божественной комедіи“ познакомилъ русскихъ съ Дантомъ больше, чѣмъ могли бы это сдѣлать всевозможные переводчики,—какъ можно познакомиться съ Дантомъ, только читая его въ подлинникѣ“.

Такая разносторонность поэзіи Пушкина, его отзывчивость къ самымъ разнохарактернымъ міросозерцаніямъ придаютъ особенную силу его творчеству, и въ этомъ прежде всего можно видѣть великое воспитательное его значеніе: онъ даетъ намъ какъ бы энциклопедію міровой поэзіи, но это не хрестоматія переводовъ вродѣ извѣстныхъ „Голосовъ народовъ“ (Stimmen der Völker) нѣмецкаго поэта Гердера или прекрасныхъ переводовъ Жуковскаго—это скорѣе синтезъ міровой поэзіи; благодаря Пушкину, мы входимъ въ общеніе съ духомъ разныхъ временъ и народовъ; его поэзія есть великая сокровищница, въ которой для насъ собрано достояніе, накопленное вѣками творчества, и наше національное міросозерцаніе расширяется привнесеніемъ элементовъ общечеловѣческихъ. Поэзія Пушкина есть въ извѣстной степени та арфа человѣчества, состоящая изъ многихъ струнъ, представляемыхъ отдѣльными народами, о которой когда-то говорилъ Гердеръ.

Разносторонность творчества ведетъ къ крайнему богатству языка, и мы знаемъ, что подъ перомъ Пушкина нашъ литературный языкъ впервые обнаружилъ все свое разнообразіе, свою силу. Для Пушкина въ этомъ отношеніи исчезли всѣ тѣ стѣснительныя правила стиля, которыми руководилась наша литература въ Петровскомъ періодѣ. Для него нѣтъ условнаго дѣленія стилей, онъ не знаетъ ни высокихъ, ни низкихъ словъ, ни требованій такъ называемаго хорошаго вкуса, ни намѣренной архаичности языка, ни столь же искусственнаго его подновленія или опрощенія, онъ видитъ передъ

собой все необъятное богатство живой русской рѣчи и пользуется ею, не обращая вниманія на притязанія мнимыхъ охранителей ея чистоты. Заслуга Пушкина въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе велика, что для его реформы литературнаго языка нужно было обладать крайнею смѣлостью въ ту эпоху, когда началось его творчество, и мы знаемъ, какимъ рѣзкимъ нападкамъ онъ подвергался со стороны современной ему критики за нарушеніе якобы непререкаемыхъ правилъ. И тѣмъ болѣе надо удивляться его смѣлости, что она обнаруживается уже въ лицейскихъ его стихотвореніяхъ, въ ученическихъ опытахъ. Въ одномъ посланіи онъ говоритъ:

„Устрой гостямъ пирушку,
На столѣкъ вощаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой“.

По этому поводу Бѣлинскій совершенно справедливо замѣчаетъ: „За исключеніемъ Державина, поэтической натурѣ котораго никакой предметъ не казался низкимъ, изъ поэтовъ прежняго времени никто не рѣшился бы говорить въ стихахъ о пивной кружкѣ, и самый пуншевой кубокъ каждому изъ нихъ показался бы прозаическимъ, въ стихахъ тогда говорилось не о кружкахъ, а о фіалахъ, не о пивѣ, а объ амброзіи и другихъ благородныхъ, но не существующихъ на бѣломъ свѣтѣ напиткахъ“. Пушкинъ гораздо лучше учитъ насъ русскому языку и русскому стилю, чѣмъ всякіе многоученые авторы грамматикъ и риторикъ. Говорить объ этой сторонѣ его дѣятельности въ краткой бесѣдѣ нѣтъ возможности сколько-нибудь обстоятельно, а потому, чтобы не повторять общеизвѣстныхъ истинъ, мы ограничимся настоящимъ замѣчаніемъ и перейдемъ къ внутренней сторонѣ творчества нашего поэта.

Но прежде позволимъ себѣ привести принадлежащую Бѣлинскому вдохновенную характеристику стиха Пушкина: „Античная пластика и строгая простота сочетались въ немъ съ обаятельною игрою романтической риемы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явилась въ немъ въ удивительной полнотѣ, онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ волны, тягучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча богатыря. Въ немъ и обольстительная, невыразимая прелесть и грація, въ немъ ослѣпительный блескъ и кроткая влажность, въ немъ все богатство мелодіи и гармоніи языка и риема, въ немъ вся нѣга, все упоеніе творческой мечты, поэтическаго выраженія. Если-бъ мы хотѣли охарактеризовать

стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по преимуществу поэтической, художественный, артистическій стихъ,— и этимъ разгадали бы тайну паэоса всей поэзіи Пушкина“...

Касаясь содержания поэзіи Пушкина, мы на первый планъ должны поставить воспроизведеніе имъ дѣйствительности, такъ какъ основное стремленіе его творчества есть правдивость. Онъ представляетъ жизнь во всей ея широтѣ, для него нѣтъ такихъ предметовъ, которые онъ призналъ бы недостойными своей поэзіи, и въ этомъ смыслѣ мы находимъ прекрасное объясненіе въ стихотвореніи „Капризь“. Вотъ это стихотвореніе.

„Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что-жъ ты нахмурился? нельзя ли блажь оставить
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скать отлогіи,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ, за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй! ждать некогда, давно бѣ ужъ схоронилъ!

Какъ проста картина, представленная въ этомъ стихотвореніи! Какое полное отсутствіе какой бы то ни было эффектности, чего-либо яркаго, бросающагося въ глаза! Какъ мало матеріала въ этой картинѣ для тѣхъ людей, которые видятъ поэзію только въ извѣстной условной красотѣ! Нѣтъ ровно ничего, что можетъ очаровывать: нѣтъ ни свѣтлыхъ нивъ, ни темныхъ лѣсовъ, столь необходимыхъ при идиллическомъ изображеніи, какъ оно понималось до Пушкина. Рисуетъ бѣдный осенній пейзажъ русскаго селенія, будничная обстановка похоронъ крестьянскаго ребенка, причемъ не забыта даже та подробность, что гробъ

несется подъ мышкой! Дѣйствительность представлена безъ всякихъ украшеній, какъ это требовалось бы эстетическимъ вкусомъ той эпохи, въ которую выступилъ Пушкинъ, и какъ это признается иногда необходимымъ и въ наше время, а между тѣмъ, развѣ можно сказать, что эта картинка не производитъ эстетическаго впечатлѣнія? Красота здѣсь несомнѣнно присутствуетъ, и она чувствуется гораздо болѣе, чѣмъ во всѣхъ намѣренно украшенныхъ изображеніяхъ: красота заключается прежде всего въ правдивости, которая для русскаго поэта соединяется съ простотой. Поэтому Пушкинъ и не знаетъ „никакой природы“, и онъ открыто высказываетъ, къ чему склоняется его вкусъ:

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ сѣнью липъ густыхъ—
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеаль теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да шей горшокъ, да самъ большой...

Нѣтъ красоты тамъ, гдѣ нѣтъ правды,—вотъ та великая истина, которую раскрываетъ намъ поэзія Пушкина; но пріятно есть еще одинъ элементъ, который придаетъ цѣну поэтическому воспроизведенію дѣйствительности: этотъ элементъ есть отношеніе художника къ своему изображенію. Мы видимъ, что поэтъ любитъ ту дѣйствительность, которую онъ намъ представляетъ, и въ этомъ любовномъ чувствѣ поэта заключается для насъ новый источникъ очарованія: какъ бы ни была неприглядна дѣйствительность, но если она озарена высшимъ свѣтомъ любви, она возводится, какъ выразился Гоголь, въ перлъ созданія.

Какое бы ни взяли произведеніе Пушкина, мы въ немъ замѣтимъ именно такое отношеніе къ дѣйствительности: въ этомъ-то и состоитъ сущность того идеальнаго реализма, который введенъ въ нашу литературу Пушкинымъ и который является наиболѣе цѣнною ея особенностью. Подобный взглядъ на жизнь помогаетъ въ ней открыть красоту, такъ какъ во всемъ разлито божественное начало, само по себѣ прекрасное. Гораздо важнѣе найти красоту въ томъ, мимо

чего мы постоянно проходимъ почти съ полнымъ равнодушіемъ, чѣмъ замѣтить ее въ грандіозныхъ, героическихъ образахъ. Благодаря такому отношенію, вполне понятнымъ становится созданіе Пушкинымъ такихъ идеальныхъ типовъ, какъ Татьяна или Марья Ивановна Миронова. Въ этихъ на первый взглядъ заурядныхъ личностяхъ Пушкинъ сумѣлъ разглядѣть такія свойства, которыя ставятъ ихъ на недосыгаемую нравственную высоту.

Указанное отношеніе къ дѣйствительности истекаетъ изъ широко развитого въ нашемъ поэтѣ чувства человѣчности, которое является особенно для насъ поучительнымъ и въ которомъ вмѣстѣ съ правдивостью можно видѣть завѣтъ его послѣдующей русской литературѣ. Враждебное озлобленіе совершенно не свойственно мягкой, чистой натурѣ Пушкина. На это могутъ намъ, пожалуй, возразить указаніемъ на стихотвореніе „Бородинская годовщина“ и оду „Клеветникамъ Россіи“, но такое возраженіе далеко не будетъ справедливымъ. Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что эти произведенія явились, какъ отвѣтъ на ожесточенныя нападки западныхъ политиковъ на Россію, и раздраженіе поэта объясняется полемическимъ характеромъ его рѣчи; а во-вторыхъ, и тутъ Пушкинъ по отношенію къ полякамъ оказывается настроеннымъ вполне гуманно, указывая на домашній, семейный характеръ славянскаго спора и прямо отрекаясь отъ мстительныхъ чувствъ къ побѣжденнымъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

Они народной Немезиды
Не узрять гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Съ этими словами вполне гармонируетъ то примирительное настроеніе, которое выражается въ задушевныхъ строкахъ, посвященныхъ Мицкевичу:

. Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ: мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновленъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперъ
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и пынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни бурной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!.. О Боже!.. возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

Въ этомъ чудномъ стихотвореніи лучше всего выразилась незлобивость русской души великаго поэта; онъ такъ же „незлобенъ памятью“, какъ и любимый его герой, Петръ Великій: онъ помнитъ задушевныя, мирныя бесѣды съ гениальнымъ представителемъ польской поэзіи, и на его гнѣвныя рѣчи отвѣчаетъ мольбой ко Всевышнему о ниспосланіи мира его озлобленной душѣ.

Совершенно такое же проявленіе незлобivosti мы видимъ и въ воспоминаніи о Наполеонѣ; поэтъ прощаетъ Наполеону тѣ оскорбленія, которыя онъ нанесъ русскому патриотическому чувству, и восклицаетъ:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль!

Обращаясь отъ этихъ политическихъ мотивовъ къ чувствамъ личнымъ, мы замѣтимъ въ нашемъ поэтѣ то же самое гуманное настроеніе, и въ этомъ случаѣ особенно характерными представляются тѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ прощается съ любимымъ существомъ. Еще Бѣлинскій назвалъ высокочеловѣческими знаменитые стихи:

„Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ“.

Эти нѣжныѣйшіе стихи напомнили нашему критику слѣдующее стихотвореніе Пушкина, написанное нѣсколько позже:

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумной предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.

Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!.. Ужель не можно мнѣ

.....
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселье, миръ души, безопасные досуги,
Все... даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги“?

Какъ прекрасны, какъ возвышенны чувства, выраженные въ этомъ дивномъ стихотвореніи! Полное забвеніе своей личности, рѣшительное отреченіе отъ столь обычнаго любовнаго эгоизма заставляютъ признать это стихотвореніе драгоцѣннѣйшимъ перломъ въ области любовной лирики, въ которой даже у величайшихъ поэтовъ мы много находимъ произведеній, внушенныхъ совсѣмъ инымъ настроеніемъ и провозглашающихъ весьма несимпатичныя стремленія.

Глубокая человѣчность придаетъ своеобразную окраску другому чувству, выражаемому въ поэзіи Пушкина. Я говорю о его грусти, давшей источникъ нѣсколькимъ несравненнымъ элегіямъ. Эта грусть никогда почти не захватываетъ поэта въ такой степени, чтобы онъ забывалъ о мірѣ, о другихъ людяхъ. Тягостная, постоянно преслѣдующая поэта, мысль о смерти смягчается сознаніемъ вѣчности мірового порядка, въ которомъ все прекрасно, и Пушкинъ заканчиваетъ свою элегію „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ знаменитымъ пожеланіемъ:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Поэтъ любитъ людей и поэтому, изобразивъ свое посѣщеніе родного уголка и тѣ переменны, которыя онъ тамъ нашель, такъ сочувственно привѣтствуетъ грядущее поколѣніе:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго.

Однако, грусть должна уступать мѣсто и не однимъ такимъ размышленіямъ, и въ поэзии Пушкина мы встрѣчаемся съ ободряющимъ призывомъ къ жизни и дѣятельности: „Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“, восклицаетъ онъ, и въ этомъ энергичномъ заявленіи выражается весьма возвышенное представленіе о задачѣ человѣческаго существованія: того поэта, который такъ смотритъ на жизнь, совсѣмъ несправедливо обвинять въ какомъ-то легкомысленномъ эпикуризмѣ. Подобные стихи указываютъ намъ путь самой серьезной духовной работы. Бодрости духа не слѣдуетъ терять, нельзя поддаваться апатическому разочарованію въ жизни.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись;
Въ день унынія смирись!
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ:
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Бодрость духа поддерживается надеждой на конечное торжество свѣта, какъ выражено въ „Вакхической пѣснѣ“:

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ.
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Подобные стихи пробуждаютъ горячее стремленіе къ свѣту, къ правдѣ, то стремленіе, въ которомъ выражается истинная человѣчность. Въ этой-то человѣчности и въ высокой правдивости и надо искать воспитательнаго значенія поэзии Пушкина: это пророкъ, возвѣщающій намъ Божью волю и ведущій насъ къ высшему совершенству.

Источникомъ этихъ чувствъ въ поэтѣ приходится такимъ образомъ признать совѣсть, просвѣтленную высшимъ религіознымъ сознаниемъ, какъ это ясно выражено въ стихотвореніи „Пророкъ“: не даромъ Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ многократно упоминаетъ о совѣсти, какъ руководительницѣ всей нашей жизни, и не случайно религіозные мотивы занимаютъ такое мѣсто въ его творчествѣ. Припомнимъ хотя бы превосходное переложеніе великопостной

молитвы Ефрема Сирина, и для насъ несомнѣнно, что это возвышенное чувство не только не можетъ исключать правдивости и человѣчности, но неперемѣнно ихъ предполагаетъ, вызываетъ ихъ къ жизни лучше, чѣмъ это могла бы сдѣлать самая утонченная философская мораль. „Есть, говоритъ Бѣлинскій, всегда что-то особенно благородное, нѣжное, кроткое, благоуханное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоого пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлизы и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзиі Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе,—ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью, при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и бесплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоинства формы, такое артистическое изящество человѣческаго чувства. Почти каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ этой мысли“. Проникновеніе идеалами Пушкина предохранитъ юношество отъ увлеченія односторонними стремленіями современныхъ проповѣдниковъ такъ называемаго чистаго искусства и подготовитъ намъ истинныхъ гражданъ, руководящихся завѣтомъ правды и человѣчности, завѣтомъ того поэта, который съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ нашъ жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Пушкинъ и Бѣлинскій.

Имя Бѣлинскаго въ нашемъ представленіи тѣсно связывается съ именемъ Пушкина, такъ какъ при жизни еще нашего великаго поэта врядь ли кто другой сумѣлъ въ такой полнотѣ и такъ правильно понять и оцѣнить его произведенія, какъ это сдѣлалъ „неистовый Виссаріонъ“: его сужденія о поэзіи Пушкина такъ тонки и вѣрны, что за немногими исключеніями могутъ считаться навсегда упрочившимися по своей авторитетности; кое-что мы, при историческомъ изученіи, принуждены изъ мнѣній Бѣлинскаго о Пушкинѣ признать несостоятельнымъ, но въ главномъ и существенномъ критика и въ наше время повторяетъ то, что было имъ высказано.

Въ виду этого представляетъ немалый интересъ прослѣдить самое развитіе взглядовъ критика на Пушкина, разсмотрѣть, какимъ измѣненіямъ подвергались его сужденія о великомъ поэтѣ въ разные моменты его жизни, при тѣхъ переломахъ въ міросозерцаніи, которые ему приходилось испытывать.

Учитель Поповъ, преподававшій словесность въ Пензенской гимназій въ то время, какъ тамъ учился Бѣлинскій, сообщаетъ, что гимназистомъ будущій критикъ „по лѣтамъ своимъ, еще не могъ вполне отрѣшиться отъ обаянія первыхъ Пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: „Келья въ Чудовомъ монастырѣ“. Онъ и въ то время не скоро сдавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: „Дайте, подумаю; еще прочту“. Въ 1831 году Поповъ встрѣтилъ Бѣлинскаго (уже послѣ исторіи съ „Дмитріемъ Калининымъ“) и замѣтилъ, что его взгляды измѣнились. „Я увидѣлъ, говоритъ онъ,—большую перемену въ Бѣлинскомъ. Умъ его возмужалъ; въ замѣчаніяхъ его проявлялось много истины. Тамъ прочли мы только что вышедшаго тогда (въ полномъ составѣ) „Бориса Годунова“. Сцена „Келья въ Чудовомъ монастырѣ“ на своемъ мѣстѣ, при чтеніи всей

драмы, показалась мнѣ еще лучше. Бѣлинскій съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображеній времени, жизни и людей; чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безриемныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаичными, чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена „Кормча на Литовской границѣ“. Прочитавъ разговоръ хозяйки кормчи съ собравшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: „Да это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ бросился онъ въ окно!“ Въ немъ уже проявился тотъ критическій взглядъ, который впоследствии руководилъ имъ при оцѣнкѣ сочиненій Гоголя“.

Къ тому же 1831 г. относится небольшая статья; въ которой Бѣлинскій впервые печатно высказывается о поэзіи Пушкина; это—библіографическая замѣтка о сочиненіи какого-то неизвѣстнаго автора „Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ“. Плохонькая брошюрка, исполненная „школярной болтовни“, даетъ поводъ Бѣлинскому высказать свое мнѣніе вообще о трагедіи Пушкина и ея критикахъ: „Странная участь Бориса Годунова! Еще въ то время, когда онъ неизвѣстенъ былъ публикѣ вполнѣ, когда изъ этого сочиненія былъ напечатанъ одинъ только отрывокъ, онъ произвелъ величайшее волненіе въ нашемъ литературномъ мірѣ. Люди, выдающіе себя за романтиковъ, кричали, что эта трагедія затмитъ славу Шекспира и Шиллера; такъ называемые классики въ грозномъ, таинственномъ молчаніи улыбались и пожимали плечами; люди умѣренные, не принадлежащіе ни къ которой изъ вышеупомянутыхъ партій, надѣялись отъ этого сочиненія многого для нашей литературы. Наконецъ, Годуновъ вышелъ; всѣ ожидали шума, толковъ, споровъ—и что же? Одинъ изъ петербургскихъ журналовъ о новомъ произведеніи знаменитаго поэта отозвался съ непристойною бранью; Московскій Телеграфъ, который (какъ самъ о себѣ неоднократно объявлялъ) не оставляетъ безъ вниманія никакого замѣчательнаго явленія въ литературѣ, на этотъ разъ изложилъ свое сужденіе въ нѣсколькихъ строкахъ общими мѣстами и упрекнулъ Пушкина въ томъ, какъ ему не стыдно было посвятить своего Годунова памяти Карамзина, у котораго издатель Телеграфа силится похитить заслуженную славу. Въ одномъ только „Телескопѣ“ Борисъ Годуновъ былъ оцѣненъ по достоинству. Извѣстный г. Надоумко, который, вѣроятно, издателью этого журнала не чужой и который нѣкогда совѣтовалъ Пушкину съечь Годунова, теперь сіе же самое твореніе взялъ подъ свое покровительство. Но это сдѣлано имъ, кажется, только для того,

что онъ, г. Надоумко, какъ самъ признается, любить плавать противъ воды, идти наперекоръ общему голосу и вызывать на бой общее мнѣніе“.

Эта коротенькая библиографическая замѣтка показываетъ, что уже въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности Бѣлинскій проявилъ свое тонкое эстетическое чутье, давшее ему возможность правильно судить о знаменитой трагедіи и объ отношеніи къ ней тогдашнихъ критиковъ. Проходить около трехъ лѣтъ, и Бѣлинскій выступаетъ съ первой своей критической статьёй, съ приснопамятной „элегіей въ прозѣ“: „Литературными Мечтаніями“. Въ этой вдохновенной, заражающей своимъ лиризмомъ, характеристикѣ развитія новой русской литературы, Бѣлинскій уже съ самаго начала какъ бы предупреждаетъ читателя относительно своего мнѣнія о Пушкинѣ, говоря, что ко многимъ изъ нашихъ геніевъ подходятъ слова поэта „не расцвѣлъ и отцвѣлъ“. Отрицательно высказываясь о послѣднихъ произведеніяхъ Пушкина, критикъ восклицаетъ: „Да—прежде—и нынѣ, тогда и теперь! Великій Боже!.. Пушкинъ, поэтъ русский по преимуществу, Пушкинъ, въ сильныхъ и мощныхъ пѣсняхъ котораго впервые пахнуло вѣяніе жизни русской, игривый и разнообразный талантъ котораго такъ любила и лелѣяла Русь, и гармоническимъ звукамъ котораго она такъ жадно прислушивалась и на кои отзывалась съ такой любовью, Пушкинъ,—авторъ Полтавы и Годунова,—Пушкинъ, авторъ Анжело и другихъ мертвыхъ безжизненныхъ сказокъ!.. Какая разница!“

Сказавъ такимъ образомъ только нѣсколько словъ о Пушкинѣ въ началѣ статьи, Бѣлинскій въ дальнѣйшемъ изложеніи возвращается къ великому поэту и опредѣляетъ его значеніе въ ходѣ развитія русской литературы. „За Карамзинскимъ періодомъ нашей словесности, говоритъ онъ, послѣдовалъ періодъ Пушкинскій, ибо кто не согласится, что Пушкинъ былъ главою этого десятилѣтія, что все тогда шло отъ него и къ нему? Впрочемъ, я не то здѣсь думаю, чтобы Пушкинъ былъ для своего времени совершенно то же, что Карамзинъ для своего. Одно ужъ то, что его дѣятельность была бессознательною дѣятельностью художника, а не практическою и преднамѣренною дѣятельностью писателя, полагаетъ большую разницу между нимъ и Карамзинимъ. Пушкинъ владычествовалъ единственно силою своего таланта и тѣмъ, что онъ былъ сыномъ своего вѣка; владычество же Карамзина въ послѣднее время основывалось на слѣдствіи уваженіи къ его авторитету. Пушкинъ не говорилъ, что поэзія есть то или то, а наука есть это или это; нѣтъ: онъ своими созданіями далъ мѣрило для первой и до нѣкоторой степени показалъ современное

значеніе другой. Въ то время, то-есть въ двадцатыхъ годахъ (1817—1824), у насъ глухо отдалось эхо умственного переворота, совершившагося въ Европѣ; тогда, хотя еще робко и неопредѣленно, начали поговаривать, что будто бы пьяный дикарь Шекспиръ неизмѣримо выше накрахмаленнаго Расина, что Шлегель будто бы знаетъ объ искусствѣ побольше Лагарпа, что нѣмецкая литература не только не ниже французской, но даже несравненно выше; что почтенныя г.г. Буало, Батте, Лагарпъ и Мармонтель безбожно оклеветали искусство, ибо сами мало смыслили въ немъ толку. Конечно, теперь въ этомъ никто не сомнѣвается, и доказывать подобныя истины значило бы навлечь на себя всеобщее посмѣяніе; но тогда, право, было не до смѣху; ибо тогда даже и въ Европѣ за подобныя безбожныя мысли угрожало инквизиторское аутодафе; на что же рѣшались въ Россіи люди, которые дерзали утверждать, что Сумарковъ не поэтъ, что Херасковъ тяжеловатъ и пр.? Изъ сего ясно, что чрезмѣрное вліяніе Пушкина происходило оттого, что, въ отношеніи къ Россіи, онъ былъ сыномъ своего времени въ полномъ смыслѣ сего слова, что онъ шелъ наравнѣ со своимъ отечествомъ, былъ представителемъ развитія его умственной жизни; слѣд. его владычество было законное... Появленіе Пушкина было зрѣлищемъ умилительнымъ; поэтъ-юноша, благословенный помазаннымъ старцемъ Державинымъ, стоявшимъ на краю гроба и готовившимся склонить въ него свою лавровѣнчаную главу; мужъ поэтъ, подающій къ нему руку чрезъ неизмѣримую пропасть цѣлаго столѣтія, раздѣлявшаго, въ нравственномъ смыслѣ, два поколѣнія, наконецъ, ставшій подлѣ него и вмѣстѣ съ нимъ образующій двойственное, лучезарное созвѣздіе на пустынномъ небосклонѣ нашей литературы“!..

Сказавъ затѣмъ о борьбѣ романтиковъ противъ старыхъ классическихъ правилъ, борьбѣ,—въ которой Пушкину выпала на долю такая видная роль, Бѣлинскій снова обращается къ доказательству своего положенія, что „Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени“, и это проявилось именно въ утвержденіи имъ новыхъ началъ поэзіи. „Одаренный (говоритъ Бѣлинскій) высокимъ поэтическимъ чувствомъ и удивительною способностью принимать и отражать всѣ возможныя ощущенія, онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка; онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать тогда Россія, переставшая вѣрить въ несомнѣнность вѣковыхъ правилъ, самою мудростію и звлеченныхъ изъ писаній великихъ геніевъ, и съ удивленіемъ узнавшая о другихъ мѣрахъ мыслей и понятій и новыхъ,

неизвѣстныхъ ей дотолѣ, взглядахъ на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорятъ, будто онъ подражалъ Шенье, Байрону и другимъ: Байронъ владѣлъ имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ вѣка, а я сказала, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому великому явленію. Да—Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества, но міра русскаго, но человѣчества русскаго. Что дѣлать? Мы всѣ гении-самоучки; мы все знаемъ, ничему не учившись, все приобрѣли, не проливши ни капли крови, а веселясь и играя, словомъ:

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

„Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности переходилъ къ суровому труду, „чтобы въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“; отъ труда опять къ младымъ пирамъ, сладкому бездѣлью и легкокрылому похмелью. Баловень природы, онъ шая и играя похищалъ у ней плѣнительные образы и формы, и, снисходительная къ своему любимцу, она роскошно одѣляла его тѣми цвѣтами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями юности, которые покупаютъ у ней цѣною отреченія отъ жизни... Какъ чародѣй, онъ въ одно и то же время исторгалъ у насъ и смѣхъ и слезы, игралъ по волѣ нашими чувствами... Онъ пѣлъ, и какъ изумлена была Русь звуками его пѣсенъ: и не диво, она еще никогда не слыхала подобныхъ; какъ жадно прислушивалась она къ нимъ: и не диво, въ нихъ трепетали всѣ нервы ея жизни. Я помню это время, счастливое время, когда въ глуши провинціи, въ глуши уѣзднаго городка, въ лѣтніе дни, изъ растворенныхъ оконъ, носились эти звуки, подобныя шуму волнъ или журчанію ручья...

„Невозможно обозрѣть всѣхъ его созданій и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечестъ и описать всѣ деревья и цвѣты Армидина сада. У Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній; у него по большей части все поэмы: его поэтическія тризны надъ урнами великихъ, то-есть его Андрей Шенье, его могучая бесѣда съ моремъ, его вѣщая дума о Наполеонѣ — поэмы. Но самые драгоцѣнные алмазы его поэческаго вѣнка, безъ сомнѣнія, суть Евгенийъ Онѣгинъ и Борисъ Годуновъ. Я никогда бы не кончилъ, если бы началъ говорить о сихъ произведеніяхъ“.

Послѣ этихъ восторженныхъ похвалъ мы видимъ у Бѣлинскаго поворотъ къ иному настроенію, которое должно быть оправданіемъ оговоркамъ отрицательнаго характера,

приведеннымъ выше. „Пушкинъ царствовалъ, говорить критикъ, — десять лѣтъ: Борисъ Годуновъ былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полнаго собранія его стихотвореній замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не знаемъ Пушкина; онъ умеръ, или, можетъ быть, только обмеръ на время. Можетъ быть, его уже нѣтъ, а можетъ быть, онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, это Гамлетовское быть или не быть скрывается во мглѣ будущаго. По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, поэмѣ Анжело и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ Новосельѣ и Библиотекѣ для Чтенія, мы должны оплакивать горькую невозвратимую потерю. Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слышалось бывало то удалое разгулье, то сердечная тоска, гдѣ эти вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, сжимавшаго и волновавшаго грудь, эти вспышки остроумія тонкаго и язвительнаго, этой прони въстѣ злой и тоскливой, которыя поражали умъ своею игрою; гдѣ теперь эти картины жизни и природы, передъ которыми была блѣдна жизнь и природа?.. Увы! вмѣсто ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатями и полубогатями приемами, съ піитическими вольностями“...

Однако Бѣлинскій какъ бы замѣчаетъ, что въ своихъ пессимистическихъ заключеніяхъ о Пушкинѣ онъ зашелъ слишкомъ далеко, и спѣшитъ устранить крайности, „опротечивость въ заключеніяхъ“, говоря, что „о Пушкинѣ судить нелегко“. И снова въ немъ пробуждается былой восторгъ и онъ очень тонко судить о новомъ лирическомъ произведеніи великаго поэта. „Вы вѣрно, — спрашиваетъ онъ, — читали его Элегію ¹⁾ въ октябрьской книжкѣ Библиотеки для Чтенія? Вы вѣрно были потрясены глубокимъ чувствомъ, которымъ дышитъ это созданіе? Упомянутая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею о Пушкинѣ, еще замѣчательна и въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ самую вѣрную характеристику Пушкина, какъ художника:

Порой опять гармоніей упьюсь,

Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

„Да, я свято вѣрю, что онъ вполне раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой черкешенки, или своей плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазіи; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреємъ, томился этою тоскою души, пресыщенной

¹⁾ Бѣлинскій говоритъ объ элегій: „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“.

наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденія; что онъ горѣлъ неистовымъ огнемъ ревности вмѣстѣ съ Зарею и Алеко и упивался дикою любовью Земфиры; что онъ скорѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчаніе его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и смѣхомъ... Пусть скажутъ, что это пристрастіе, идолопоклонство, дѣтство, глупость, но я лучше хочу вѣрить тому, что Пушкинъ мистифируетъ Библиотеку для Чтенія, чѣмъ тому, что его талантъ погасъ. Я вѣрю, думаю, и мнѣ отраднѣе вѣрить и думать, что Пушкинъ подаритъ насъ новыми созданіями, которыя будутъ выше прежнихъ“...

Несмотря, однако, на эту оговорку, на эти надежды на будущія созданія поэта, Бѣлинскій остается неудовлетвореннымъ послѣдними произведеніями Пушкина, не видитъ ихъ художественной цѣнности и въ сущности не мѣняетъ своего взгляда на усталость таланта Пушкина. Этотъ же взглядъ снова имъ высказывается въ 1835 г. въ двухъ его рецензіяхъ о повѣстяхъ и о собраніи стихотвореній Пушкина. Бѣлинскій отказывается даже вѣрить тому, что повѣсти написаны, а не только изданы Пушкинымъ. „Правда, — говоритъ критикъ,—эти повѣсти занимательны, ихъ нельзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелестнаго слога, отъ искусства рассказывать; но онѣ не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки; ихъ съ удовольствіемъ и даже съ наслажденіемъ прочтетъ семья, собравшаяся въ скучный и длинный зимній вечеръ у камина; но отъ нихъ не закипитъ кровь пылкаго юноши, не засверкаютъ глаза его огнемъ восторга; но онѣ не будутъ тревожить его сна—нѣтъ—послѣ нихъ можно задать лихую высыпку. Будь эти повѣсти первое произведеніе какого-нибудь юноши—этотъ юноша обратилъ бы на себя вниманіе и ашеи публики; но, какъ произведенія Пушкина... осень, холодная, дождливая осень, послѣ прекрасной, роскошной, благоуханной весны“...

Тѣ же отрицательныя сужденія повторяются Бѣлинскимъ и по поводу собранія стихотвореній Пушкина. Критикъ находитъ, что объ этой части стихотвореній поэта (четвертой) „можно сказать вообще очень мало утѣшительнаго. Конечно, въ ней виденъ закатъ таланта, но таланта Пушкина; въ этомъ закатѣ есть еще какой-то блескъ, хотя слабый и блѣдный... Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что Пушкинъ перевелъ шестнадцать сербскихъ пѣсенъ съ французскаго, а самыя эти пѣсни подложныя, выдуманныя двумя французскими шарлатанами — и что жь?.. Пушкинъ умѣлъ придать этимъ пѣснямъ колоритъ славянскій, такъ что если бы его ошибка не открылась, никто и не подумалъ бы, что это пѣсни подложныя. Кто что ни говори — а это могъ

сдѣлать только одинъ Пушкинъ!—Самыя его сказки — онѣ, конечно, рѣшительно дурны, конечно поэзія и не касалась ихъ, но все-таки онѣ цѣлою головою выше всѣхъ попытокъ въ этомъ родѣ другихъ нашихъ поэтовъ. Мы не можемъ понять, что за странная мысль овладѣла имъ и заставила тратить свой талантъ на эти поддѣльные цвѣты. Русская сказка имѣетъ свой смыслъ, но только въ такомъ видѣ, какъ создала ее народная фантазія, передѣланная же и прикрашенная, она не имѣетъ рѣшительно никакого смысла“.

Черезъ три года послѣ этихъ замѣтокъ Бѣлинскій вновь заговорилъ о великомъ поэтѣ уже послѣ его кончины: въ „Литературной хроникѣ“ мартовской книжки „Московского Наблюдателя“ 1838 г. Бѣлинскій разбираетъ тѣ произведенія Пушкина, которыя были опубликованы въ предшествовавшемъ году въ „Современникѣ“. Тутъ отношеніе критика къ поэту вступило, быть можетъ, подъ влияніемъ гегельянства, въ новый моментъ развитія, и мы слышимъ отъ Бѣлинскаго рѣчи, прямо противоположныя тому, что онъ говорилъ еще недавно. „Предметъ отраднѣйшій и грустнѣйшій въ то же время!—воскликаетъ Бѣлинскій — „Съ одной стороны—мысль, что эти посмертныя произведенія свидѣлствуютъ о новомъ, просвѣтленномъ періодѣ художественной дѣятельности великаго поэта Россіи, объ эпохѣ высшаго и мужественнѣйшаго развитія его геніальнаго дарованія, а съ другой стороны—мысль о томъ жалкомъ возрѣніи, съ какимъ смотрѣло на этотъ предметъ дѣтское прекраснодушіе, которое, выглядывая изъ узкаго окошечка своей ограниченной субъективности, мѣрять дѣйствительность своимъ фальшивымъ аршиномъ, и осудивши поэта на жизнь подъ соломенною кровлею, на берегу свѣтлаго ручейка, не хочетъ признавать его поэтомъ на всякомъ другомъ мѣстѣ: какое противорѣчіе, и сколько отраднато и горькаго въ этомъ противорѣчьи!.. Мнимый періодъ паденія таланта Пушкина начался для близорукаго прекраснодушія съ того времени, какъ онъ началъ писать свои сказки. Въ самомъ дѣлѣ, эти сказки были неудачными попытками поддѣлаться подъ русскую народность; но несмотря на то, и въ нихъ былъ виденъ Пушкинъ, а въ „Сказкѣ о Рыбакѣ и Рыбкѣ“ онъ даже возвысился до совершенной объективности и сумѣлъ взглянуть на народную фантазію орлинымъ взоромъ Гете. Но если бы эти сказки и всѣ были дурны, одной Элегіи, напечатанной въ Библиотекѣ для Чтенія за 1834 годъ, достаточно было, чтобы показать, какъ смѣшны и жалки были безпокойства добрыхъ людей о паденіи поэта, но... да и кто не былъ, въ свою очередь, добрымъ человекомъ?.. Стихотворенія, явившіяся въ „Современникѣ“ за 1836 годъ не были оцѣнены по достоинству: на нихъ лежала тѣнь мни-

мага паденія. Такъ, напр., сцены изъ комедіи „Скупой Рыцарь“ едва были замѣчены, а между тѣмъ, если правда, что, какъ говорятъ, это оригинальное произведеніе Пушкина, онѣ принадлежали къ лучшимъ его созданіямъ. А его „Капитанская Дочка?“ О, такихъ повѣстей еще никто не писалъ у насъ, и только одинъ Гоголь умѣетъ писать повѣсти, еще болѣе дѣйствительныя, болѣе конкретныя, болѣе творческія— похвала, выше которой у насъ нѣтъ похвалъ!“

Указавъ составъ литературнаго наслѣдія Пушкина (а среди опубликованныхъ въ „Современникѣ“ произведеній поэта были „Мѣдный Всадникъ“, „Русалка“, „Галубъ“, „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, „Арапъ Петра Великаго“, „Египетскія ночи“), Бѣлинскій говоритъ: „По ихъ количеству и величинѣ, эти произведенія составятъ собою цѣлый томъ, а этотъ томъ будетъ представителемъ совершенно новаго періода высшей, просвѣтленной художнической дѣятельности Пушкина. По этому самому они не для всѣхъ доступны, и въ этомъ самомъ и заключается причина поспѣшнаго приговора толпы о паденіи поэта. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы постигнуть всю глубину этихъ гениальныхъ картинъ, разгадать вполнѣ ихъ таинственный смыслъ и войти во всю полноту и свѣтозарность ихъ могучей жизни, должно пройти чрезъ мучительный опытъ внутренней жизни и выйти изъ борьбы прекраснодушія въ гармонію просвѣтленнаго и примиреннаго съ дѣйствительностью духа. Повторяемъ: примиреніе путемъ объективнаго созерцанія жизни— вотъ характеръ этихъ послѣднихъ произведеній Пушкина. Не почитаемъ за нужное прибавлять, что народность въ высшемъ значеніи этого слова, какъ выраженіе субстанціи народа, а не тривіальной простонародности, составляетъ также характеръ этихъ послѣднихъ звуковъ этого замогильнаго голоса: Пушкинъ всегда былъ самобытенъ, всегда былъ русскимъ поэтомъ, даже и тогда, когда находился подъ чуждымъ вліяніемъ“.

Разобравши затѣмъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, Бѣлинскій останавливается на критическихъ замѣткахъ поэта и признаетъ ихъ огромную цѣнность, такъ какъ и въ нихъ обнаруживается вѣрность взгляда „гениальнаго чело-вѣка, которому его вѣрное и глубокое чувство, или, лучше сказать, богатая субстанція открываетъ истину вездѣ, на что онъ ни взглянетъ“. Опредѣляя значеніе Пушкина, какъ поэта, Бѣлинскій говоритъ: „Пушкинъ принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія къ мировымъ, хотя и не первостепеннымъ, гениямъ. Да и много ли этихъ первостепенныхъ гениевъ искусства?—Омръ (миѣческое имя), Шекспиръ, Гете, Бетховенъ и не знаемъ, право, кто въ живописи. И несмотря на то, читая, а особенно слушая сужденія многихъ о Пуш-

кинѣ, какъ о человѣкѣ и какъ о поэтѣ, невольно вспоминаешь его же стихи, которыми оканчивается его превосходное стихотвореніе „Полководецъ“:

О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Въ томъ же 1838 г. по поводу драмы Полевого „Угольно“ Бѣлинскій разсуждаетъ о сущности поэзіи и художественности, указываетъ, что есть „полу-поэты“, къ числу которыхъ онъ относитъ Шиллера, потому что въ немъ „философскій элементъ безпрестанно боролся съ художественнымъ элементомъ и часто побѣждалъ его“, и есть „чисто поэтическія натуры“, а такими были Гёте и Пушкинъ, такъ какъ „одному довольно сорваннаго цвѣтка, а другому завядшаго цвѣтка, нечаянно найденнаго имъ въ книгѣ, чтобы ринуть душу читателя въ міръ безконечнаго“... Обосновываетъ Бѣлинскій эту свою мысль сопоставленіемъ двухъ стихотвореній: „Идеаловъ“ Шиллера и „Нереиды“ Пушкина. „Если бы,—говоритъ критикъ,—васъ спросили, какую идею выражаютъ собою „Идеалы“ Шиллера, вы, безъ сомнѣнія, не запинаясь отвѣтили бы: идею человѣка съ душою поэтической, колоссальною, человѣка, который отзывался на всѣ явленія жизни, порывался выразить и въ звукѣ, и въ словѣ, и въ краскѣ внутренній міръ своихъ глубокихъ и могучихъ ощущеній; и который, наконецъ, увидѣлъ съ грустью; что для него міръ уже не то, чѣмъ онъ ему казался въ золотые дни его юности, что въ замѣну всѣхъ блестящихъ благъ своихъ жизнь дала ему только дружбу и трудъ.. Не правда ли?—Теперь, что бы вы отвѣтили, если бы васъ спросили, какую идею выражаетъ собою „Нереида“ Пушкина?—Трудный вопросъ—не правда ли? Можетъ быть, вы и отвѣтили бы на него, только подумавши, и не такъ скоро. И таково всегда истинно-художественное произведеніе, что въ немъ идея, такъ сказать поглощается формою, и вы больше видите ее, нежели понимаете. Въ этомъ то и состоитъ непосредственность искусства. Въ „Нереидѣ“ Пушкина есть идея, но она такъ конкретно слита съ формою, что вамъ, чтобы выговорить ее, надо оторвать ее отъ формы, а форма такъ прекрасна, что у васъ не поднимается рука на такую операцію. Спросите всѣхъ, что лучше „Идеалы“ или „Нереида“—большинство станетъ за „Идеалы“, но чьи глаза одарены ясновидѣніемъ вѣчной красоты, тѣ даже не станутъ и сравнивать этихъ двухъ произведеній“...

Въ приведенныхъ словахъ, несмотря на весь гегельянскій характеръ разсужденій Бѣлинскаго, заключается основа той оцѣнки Пушкина, какъ исключительно художника, которую Бѣлинскій далъ въ своихъ знаменитыхъ статьяхъ, посвященныхъ произведеніямъ поэта, въ статьяхъ, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1843—1846 гг. Приступая къ этому детальному эстетико-историческому разбору произведеній Пушкина, критикъ уже въ самомъ началѣ опредѣляетъ ту точку зрѣнія, съ которой онъ считаетъ правильнымъ смотрѣть на значеніе дѣятельности великаго поэта. „По мѣрѣ того,—говоритъ онъ,—какъ рождались въ обществѣ новыя потребности, какъ измѣнялся его характеръ, и овладѣвали умомъ его новыя думы, а сердце волновали новыя печали и новыя надежды, порожденные совокупностью всѣхъ фактовъ его движущейся жизни,—всѣ стали чувствовать, что Пушкинъ, не утрачивая въ настоящемъ и будущемъ своего значенія, какъ поэтъ великій, тѣмъ не менѣе былъ и поэтомъ своего времени, своей эпохи, и что это время уже прошло, эта эпоха смѣнилась другой, у которой уже другія стремленія, думы и потребности. Вслѣдствіе этого Пушкинъ является передъ глазами наступающаго для него потомства уже въ двойственномъ видѣ: это уже не поэтъ, безусловно великій и для настоящаго и для будущаго, какимъ онъ былъ для прошедшаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, который имѣетъ значеніе артистическое и значеніе историческое,—поэтъ, только одной стороною принадлежащій настоящему и будущему, которыя болѣе или менѣе удовлетворяются и будутъ удовлетворяться имъ, а другой, большей и значительнѣйшей стороною вполнѣ удовлетворившій своему настоящему, которое онъ вполнѣ выразилъ и которое для насъ—уже прошедшее. Правда, Пушкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ творческихъ геніевъ, тѣхъ великихъ историческихъ натуръ, которыя, работая для настоящаго, приготавливаютъ будущее, и по тому самому уже не могутъ принадлежать только одному прошедшему; но въ томъ-то и состоитъ задача здравой критики, что она должна опредѣлить значеніе поэта для его настоящаго и для будущаго, его историческое и его безусловное художественное значеніе. Задача эта не можетъ быть рѣшена однажды навсегда на основаніи чистаго разума: нѣтъ, рѣшеніе ея должно быть результатомъ историческаго движенія общества. Чѣмъ выше явленіе, тѣмъ оно жизненнѣе, а чѣмъ жизненнѣе явленіе, тѣмъ болѣе зависитъ его сознаніе отъ движенія и развитія самой жизни. Лучшее, что можно сказать въ похвалу Пушкину и въ доказательство его величія,—то, что при самомъ появленіи

его на поэтическую арену онъ былъ встрѣченъ и безусловными похвалами необдуманнаго энтузіазма и ожесточенною бранью людей, которые въ рожденіи его поэтической славы увидѣли смерть старыхъ литературныхъ понятій, а вмѣстѣ съ ними и свою нравственную смерть,—что запальчивые крики похвалъ и порицаній не умолкали ни на одну минуту ни въ продолженіе всей его жизни, ни послѣ самой его жизни, и что каждое новое произведеніе его было яблокомъ раздора и для публики и для привилегированныхъ судей литературныхъ. Теперь утихають эти крики: знакъ, что для Пушкина настало потомство, ибо запальчивость при мнѣніи существуетъ только для предметовъ столь близкихъ глазамъ современниковъ, что они не въ состояніи видѣть ихъ ясно и вполне по причинѣ самой этой близости. Судь современниковъ бываетъ пристрастенъ; однако жъ, въ его пристрастіи всегда бываетъ своя законная и основательная причинность, объясненіе которой есть тоже задача истинной критики“.

Чтобы выяснитъ историческое значеніе поэзіи Пушкина, показать то новое, что было внесено Пушкинымъ въ русскую поэзію, Бѣлинскій подробно разсматриваетъ развитіе всей предшествовавшей (отъ Ломоносова) русской литературы и устанавливаетъ связь съ нею творчества Пушкина. „Великія рѣки,—говоритъ Бѣлинскій,—составляются изъ множества другихъ, которыя какъ обычную дань, несутъ имъ обиліе водъ своихъ. И кто можетъ разложить химически воду, напримѣръ, Волги, чтобъ узнать въ ней воды Оки и Камы? Принявъ въ себя столько рѣкъ, и большихъ, и малыхъ, Волга пышно катитъ свои собственныя волны, и всѣ, зная о ея безчисленныхъ похищеніяхъ, не могутъ указать ни на одно изъ нихъ, плывя по ея широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана твореніями предшествовавшихъ поэтовъ. Скажемъ болѣе: она приняла ихъ въ себя, какъ свое законное достояніе, и возвратила ихъ міру въ новомъ, преображенномъ видѣ. Можно сказать и доказать, что безъ Державина, Жуковскаго и Батюшкова не было бы и Пушкина, что онъ — ихъ ученикъ; но нельзя сказать, и еще менѣе доказать, чтобъ онъ что-нибудь заимствовалъ отъ своихъ учителей и образцовъ, или чтобъ гдѣ-нибудь и въ чемъ-нибудь онъ не былъ неизмѣримо выше ихъ... Безъ сравненія съ Пушкинымъ, каждый изъ нихъ поэтъ; но если сравнивать ихъ съ нимъ, нельзя не согласиться, что между ними и Пушкинымъ такое же отношеніе, какъ между большими рѣками и еще несравненно большей, которая составляется изъ ихъ соединенныхъ водъ, поглощаемыхъ ею“.

Останавливается затѣмъ Бѣлинскій на историческомъ

моментъ, съ которымъ совпало начало творчества Пушкина, моментъ огромной важности. „Пушкинъ явился именно въ то время, когда только что сдѣлалось возможнымъ явленіе на Руси поэзіи, какъ искусства. Двѣнадцатый годъ былъ великой эпохой въ жизни Россіи. По своимъ слѣдствіямъ, онъ былъ величайшимъ событіемъ въ исторіи Россіи послѣ царствованія Петра Великаго. Напряженная борьба на смерть съ Наполеономъ разбудила дремавшія силы Россіи и заставила ее увидѣть въ себѣ силы и средства, которыхъ она дотолѣ сама въ себѣ не подозрѣвала. Чувство общей опасности сблизило между собою сословія, пробудило духъ общности и положило начало гласности и публичности, столь чуждыхъ прежней патріархальности, впервые столь жестоко поколебленной. Чтобъ видѣть, какое огромное вліяніе имѣли на Россію великія событія 1812—1814 гг., достаточно прислушаться къ толкамъ старожиловъ, которые съ горестью говорятъ, что съ двѣнадцатаго года и климатъ въ Россіи измѣнился къ худшему, и все стало дороже: добряки не понимаютъ, что дороговизна была необходимымъ слѣдствіемъ увеличивавшихся нуждъ образованной жизни, слѣдовательно, признакомъ сильно двинувшейся впередъ цивилизации. Въ это время, вслѣдствіе ея же вызванныхъ событій, Франція, столько времени борющаяся со всей Европой и ознакомившаяся въ этой борьбѣ со своими сосѣдями, уже начала отречься отъ своихъ литературныхъ предразсудковъ. Она увидѣла, что у сосѣдей ея есть не только умъ и талантъ, но и богатая литература; она поняла, что Корнель и Расинъ еще не исключительные представители творческаго изящества, а Шекспиръ, Гёте и Шиллеръ—совсѣмъ не представители замѣчательныхъ дарованій, искаженныхъ дурнымъ вкусомъ и незнаніемъ истинныхъ правилъ искусства; она догадалась даже, что ни классическая „Ars Poëtica“ Горація, ни подражательная ей „L'Art poétique“ Буало, ни критика Лагарпа—уже не могутъ быть эстетическимъ Кораномъ, и что въ туманныхъ умозрѣніяхъ нѣмцевъ вообще и романтическихъ созерцаніяхъ Шлегелей въ частности есть много истиннаго и вѣрнаго касательно искусства. Словомъ, романтизмъ вторгся и во Францію, тѣсня и изгоняя ея псевдоклассическій китанизмъ, основанный на гордой мысли, что только однимъ французамъ Богъ далъ и умъ и вкусъ, отказавъ въ этихъ дарахъ всѣмъ другимъ націямъ. Франція жадно прислушивалась къ мрачнымъ и громовымъ звукамъ лиры Байрона, предчувствуя въ нихъ свое собственное возрожденіе къ новой жизни, и поэтическіе рассказы Вальтеръ Скотта появлялись уже на французскомъ языкѣ почти въ то же время, какъ появлялись въ Лондонѣ на англійскомъ. Паденіе военнаго терроризма Наполеона

развязало Франціи руки не только въ политическомъ отношеніи, но и въ отношеніи къ наукѣ и литературѣ: ненавидимые и гонимые имъ „идеологи“ свободно и ревностно принялись за свое дѣло; литература и поэзія ожили. Это имѣло прямое и сильное вліяніе на нашу литературу. Когда увѣнчанная славой Россія начала отдыхать отъ своихъ побѣдъ и торжествъ, и процвѣтаетъ миромъ въ „гордомъ и полномъ довѣрія покоѣ“, наши обветшалые и заплѣсневѣлые журналы того времени и патриархъ ихъ, „Вѣстникъ Европы“, начали терять свое вліяніе и перестали со своими запоздалыми идеями быть оракулами читающей публики. Явилась новая публика съ новыми потребностями,—публика, которая изъ самыхъ источниковъ начала черпать понятія и сужденія о литературѣ и искусствахъ и которая начала слѣдить за успѣхами ума человѣческаго, наблюдая ихъ собственными глазами, а не черезъ тусклые очки устарѣвшихъ педантовъ. Около двадцатыхъ годовъ въ „Сынѣ Отечества“ начались споры за романтизмъ; вскорѣ послѣ того, появились альманахи, какъ прибѣжище новыхъ литературныхъ потребностей и новаго литературнаго вкуса, которые въ 1825 года нашли своего представителя и выразителя въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Впрочемъ, да не подумаютъ читатели, чтобъ въ этомъ поверхностномъ quasi-романтизмѣ мы видѣли какую-то великую истину, дѣйствительность которой и теперь не подвержена сомнѣнію. Нѣтъ, такъ называемый романтизмъ двадцатыхъ годовъ, этотъ недоучившійся юноша съ немного растрепанными волосами и чувствами, теперь смѣшонъ со своими старыми претензіями; его „вышіе взгляды“ теперь сдѣлались косыми, близорукими, а сбивчивыя и неопредѣленныя теоріи превратились въ пустыя фразы и обветшалыя слова. Но всякому свое! Справедливость требуетъ согласиться, что въ свое время этотъ псевдоромантизмъ принесъ великую пользу литературѣ, освободивъ ее отъ болотной стоячести и заплѣсневѣлости и указавъ ей столько широкихъ и свободныхъ путей. Доказательствомъ этого можетъ служить, что лучшіе поэтическіе труды Жуковскаго совершены имъ или около или послѣ двадцатыхъ годовъ... Батюшковъ умеръ для русской литературы въ самое время этого періода, и поэтому новое литературное направленіе не имѣло на него вліянія. Тѣмъ не менѣе можно предполагать съ достовѣрностью, что безъ этого несчастнаго случая въ жизни Батюшкова его ожидала бы эпоха обильнѣйшей и высшей дѣятельности, нежели та, какую онъ успѣлъ обнаружить, и что только тогда узнали бы русскіе, какой великій талантъ имѣли они въ немъ. При всей художественности, при всей пластичности стиха Батюшкова, ему все еще чего-то не достаетъ: видно, что этотъ

шагъ суждено было сдѣлать человѣку новому и свѣжому, не затвердѣвшему въ литературныхъ преданіяхъ. Этимъ человекомъ былъ Пушкинъ“...

Новымъ элементомъ, внесеннымъ Пушкинымъ въ русскую поэзію, была чистая художественность его стиховъ, удивительная простота и свободное пользование богатствами языка, что обнаружилось уже въ раннихъ „лицейскихъ“ его произведеніяхъ. Разбирая эти произведенія и останавливаясь, между прочимъ на стихотвореніи „Къ моеи чернильницѣ“, Бѣлинскій говоритъ: „Вотъ уже какъ рано проснулся въ Пушкинѣ артистическій элементъ: еще отрокомъ безъ всякаго труда находя въ чернильницѣ концы своихъ стиховъ, думалъ онъ о вѣрности выраженія и задумывался надъ неожиданнымъ стеченіемъ звуковъ или словъ и странностью дотолѣ неслыханной новой рѣчмы! Къ такимъ чертамъ принадлежатъ вольность и смѣлость въ понятіяхъ и словахъ. Въ одномъ посланіи онъ говоритъ:

Устрой гостямъ пирушку;
На столикъ воцаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.

„За исключеніемъ Державина, поэтической натурѣ котораго никакой предметъ не казался низкимъ, изъ поэтовъ прошлаго времени никто не рѣшился бы говорить въ стихахъ о пивной кружкѣ, и самый пуншевый кубокъ каждому изъ нихъ показался бы прозаическимъ: въ стихахъ тогда говорилось не о кружкахъ, а о фялахъ, не о пивѣ, а объ амброзіи и другихъ благородныхъ, но не существующихъ на бѣломъ свѣтѣ напиткахъ. Затѣявъ писать какую-то новгородскую повѣсть: „Вадимъ“, Пушкинъ въ отрывкѣ изъ нея употребилъ стихъ: „Но тынъ обросъ крапивою дикою“. Слово тынъ, взятое прямо изъ міра славянской и новгородской жизни, поражаетъ сколько своей смѣлостью, столько и поэтическимъ инстинктомъ поэта. Изъ прежнихъ поэтовъ едва ли бы кто не испугался пошлости и прозаичности этого слова. Мы нарочно приводимъ эти, повидимому, мелкія черты изъ „лицейскихъ“ стихотвореній Пушкина, чтобы ими указать на будущаго преобразователя русской поэзіи и будущаго національнаго поэта. Теперь странно видѣть какую-то смѣлость въ употребленіи слова тынъ; но мы говоримъ не о теперешнемъ, а о прошломъ времени: что теперь легко, то было трудно прежде. Теперь всякій рѣчмачъ смѣло употребляетъ въ стихахъ всякое русское слово, но тогда слова, какъ и слогъ, раздѣлялись на высокія и низкія, и фальшивый вкусъ строго запрещалъ употребленіе послѣд-

нихъ. Нуженъ былъ талантъ могучій и смѣлый, чтобы уничтожить эти австралійскіе табу въ русской литературѣ. Теперь смѣшно читать нападки тогдашнихъ аристарховъ на Пушкина, — такъ онѣ мелки, ничтожны и жалки; но аристархи упрямо считали себя хранителями чистоты русскаго языка и здраваго вкуса, а Пушкина—исказителемъ русскаго языка и вводителемъ всяческаго литературнаго и поэтическаго безвкусія..“

Не касаясь подробностей разбора Бѣлинскимъ отдѣльныхъ произведеній Пушкина, приведемъ его общія сужденія о характерѣ и значеніи творчества великаго поэта. Для того чтобы опредѣлить сущность творчества какого-либо поэта, Бѣлинскій обращался къ вопросу, въ чемъ состоитъ паѳосъ его поэзіи. Но что же такое самый паѳосъ? На этотъ вопросъ Бѣлинскій отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Творчество—не забава, и художественное произведеніе—не плодъ досуга или прихоти; оно стоитъ художнику труда: онъ самъ не знаетъ, какъ западаетъ въ его душу зародышъ новаго произведенія; онъ носитъ и вынашиваетъ въ себѣ зерно поэтической мысли, какъ носитъ и вынашиваетъ мать младенца въ утробѣ своей; процессъ творчества имѣетъ аналогію съ процессомъ дѣторожденія и не чуждъ мукъ, разумѣется, духовныхъ, этого физическаго акта. И потому, если поэтъ рѣшится на трудъ и подвигъ творчества, значить, что его къ этому движетъ, стремитъ какая-то могучая сила, какая-то непобѣдимая страсть. Эта сила, эта страсть — паѳосъ. Въ паѳосѣ поэтъ является влюбленнымъ гъ идею, какъ въ прекрасное, живое существо, страстно проникнутымъ ею, — и онъ созерцаетъ ее не разумомъ, не разсудкомъ, не чувствомъ и не какой-либо одной способностью своей души, но всею полнотою и цѣлостью своего нравственнаго бытія, — потому идея является въ его произведеніи не отвлеченной мыслью, не мертвой формой, а живымъ созданіемъ, въ которомъ живая красота формы свидѣтельствуетъ о пребываніи въ ней божественной идеи, и въ которой нѣтъ черты, свидѣтельствующей о сшивкѣ или спайкѣ,—нѣтъ границы между идеей и формой, но та и другая является цѣлымъ и единымъ органическимъ созданіемъ. Идеи истекаютъ изъ разума; но живое творитъ и рождаетъ не разумъ, а любовь. Отсюда ясно видна разница между идеей отвлеченной и поэтической: первая плодъ ума, вторая—плодъ любви, какъ страсти.

Но отчего же, скажутъ, называть это паѳосомъ, а не страстью?—Оттого, что слово „страсть“ заключаетъ въ себѣ понятіе болѣе чувственное, тогда какъ слово „паѳосъ“ заключаетъ въ себѣ понятіе болѣе нравственное. Въ „страсти“ много индивидуальнаго, личнаго, своекорыстнаго, темнаго;

въ ней можетъ быть даже низкое и подлое, потому то можно питать страсть не только къ женщинѣ, но и къ женщинамъ, не только къ славѣ, но и къ почестямъ, можно питать страсть къ деньгамъ, къ вину, къ гастрономіи. Въ страсти много чисто чувственнаго, кровнаго, нервическаго, тѣлеснаго, земнаго. Подъ „паѳосомъ“ разумѣется тоже страсть, и притомъ соединенная съ волненіемъ крови, съ потрясеніемъ всей нервной системы, какъ и всякая другая страсть; но паѳосъ всегда есть страсть, возжигаемая идеей и всегда стремящаяся къ идеѣ, слѣдовательно, страсть чисто духовная, нравственная, небесная. Паѳосъ простое умственное постиженіе идеи превращаетъ въ любовь къ идеѣ, полную энергіи и страстнаго стремленія. Въ философіи идея является безплотной; черезъ паѳосъ она превращается въ тѣло, въ дѣйствительный фактъ, въ живое созданіе“.

Но въ чемъ же состоитъ паѳосъ поэзіи Пушкина? Чѣмъ отличается Пушкинъ отъ другихъ великихъ поэтовъ? Что составляетъ его чисто индивидуальную особенность, какъ поэта? Вопросы эти разрѣшаются Бѣлинскимъ отчасти на основаніи уже даннаго имъ обзорѣнія развитія русской поэзіи.

„Пушкинъ, говоритъ критикъ, былъ призванъ быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство, какъ художество, а не только какъ прекрасный языкъ чувства... Читая стихотворенія Пушкина, отзывающіяся вліяніемъ прежней школы, чувствуешь и видишь, что была на Руси поэзія прежде Пушкина, но, читая по выбору только самобытныя его стихотворенія, не то, что не вѣришь, а совершенно забываешь, что была на Руси поэзія и до Пушкина: такъ оригиналенъ, новъ и свѣжъ міръ его поэзіи! Тутъ нельзя даже сказать: то же, да не то! напротивъ, тутъ невольно воскликнешь: не то, совершенно не то! Стихъ Державина, часто столь неуклюжій и прозаическій, нерѣдко бываетъ въ поэтическомъ отношеніи могучъ, ярокъ, но въ отношеніи къ просодіи, грамматикѣ, синтаксису и особенно къ акустическимъ требованіямъ языка онъ ниже стиха не только Дмитріева, но и Карамзина; стихъ Дмитріева и даже Озерова во всѣхъ этихъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже стиха Жуковскаго и Батюшкова, и было время, когда нельзя было не вѣрить, что подъ перомъ этихъ двухъ поэтовъ стихъ русскій дошелъ до крайней и послѣдней степени совершенства,—а между тѣмъ этотъ стихъ относится къ стиху Пушкина такъ же точно, какъ стихъ Дмитріева и Озерова относится къ стиху Жуковскаго и Батюшкова... Обращаясь къ общей характеристикѣ стиха Жуковскаго и Пушкина, мы снова повторяемъ, что только при отсутствіи эстетическаго чутья и такта можно не видѣть между ними огромной раз-

ницы... Мы не безъ умысла такъ много распространяемъ о стихѣ: ибо подѣ стихомъ разумѣемъ первоначальную, непосредственную форму поэтической мысли, — форму, которая одна прежде и больше всего другого свидѣтельствуеетъ о дѣйствительности и силѣ таланта поэта.

„Этотъ стихъ, который дается талантомъ и вдохновеніемъ, а трудомъ только совершенствуется; — стихъ, который, какъ тѣло человѣка, есть откровеніе, осуществленіе души—идеи; — стихъ, которому нельзя выучиться, нельзя подражать, подѣ который всякая поддѣлка, какъ бы она ни была ловка и искусна, всегда будетъ мертва, относясь къ нему, какъ искусно-сдѣланная восковая статуя или автоматъ относится къ живому человѣку. И потому стихъ Пушкина, въ само-бытныхъ его пьесахъ вдругъ какъ бы сдѣлавшій крутой поворотъ или рѣзкій разрывъ въ исторіи русской поэзіи, нарушившій преданіе, явившій собою что то небывавшее, не похожее ни на что прежнее, — этотъ стихъ былъ представителемъ новой, дотоѣ небывалой поэзіи. И что же это за стихъ! Античная пластика и строгая простота сочетались въ немъ съ обаятельною игрой романтической рѣмы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явилась въ немъ въ удивительной полнотѣ; онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ волны, тягучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря. Въ немъ и обольстительная, невыразимая прелесть и грація, въ немъ ослѣпительный блескъ и кроткая влажность, въ немъ все богатство мелодіи и гармоніи языка и рѣмы; въ немъ вся нѣга, все упоеніе творческой мечты, поэтическаго выраженія. Если-бъ мы хотѣли охарактеризовать стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по превосходству поэтической художественный, артистическій стихъ, — и этимъ разгадали-бы тайну паюса всей поэзіи Пушкина...“

Изъ такого опредѣленія значенія стиха Пушкина вытекаетъ и то противопоставленіе Пушкина другимъ представителямъ міровой поэзіи, — которое мы находимъ далѣе у Бѣлинскаго. „Читая Гомера, вы видите—говоритъ критикъ—возможную полноту художественнаго совершенства; но она не поглощаетъ всего вашего вниманія; не ей исключительно удивляетесь вы: васъ болѣе всего поражаетъ и занимаетъ разлитое въ поэзіи Гомера древне-эллинское міросозерцаніе и самый этотъ древне-эллинскій міръ. Вы на Олимпѣ среди боговъ, вы въ битвахъ среди героевъ; вы очарованы этой благородной простотою, этой изящной патріархальностью героическаго вѣка народа, нѣкогда представлявшаго въ лицѣ своемъ цѣлое человѣчество; но поэтъ остается у васъ какъ бы

въ сторонѣ, и его художество вамъ кажется чѣмъ-то уже необходимо принадлежащимъ къ поэмѣ, и потому вамъ какъ будто не приходится въ голову остановиться на немъ и подивиться ему. Въ Шекспирѣ васъ тоже останавливаетъ прежде всего не художникъ, а глубокой сердцеѣдецъ, миро-объемлющій созерцатель; художество же въ немъ какъ будто признается вами безъ всякихъ словъ и объясненій. Такъ, разсуждая о великомъ математикѣ, указываютъ на его способности соображать и комбинировать до безконечности предметы. Въ поэзіи Байрона прежде всего обойметъ вашу душу ужасомъ удивленія колоссальная личность поэта, титаническая смѣлость и гордость его чувства и мыслей. Въ поэзіи Гете предъ вами выступаетъ поэтически-созерцательный мыслитель, могучій царь и властелинъ внутренняго міра души человѣка. Въ поэзіи Шиллера вы преклоняетесь съ любовью и благоговѣніемъ предъ трибуномъ человѣчества, правовѣстникомъ гуманности, страстнымъ поклонникомъ всего высокаго и нравственно-прекраснаго. Въ Пушкинѣ, напротивъ, прежде всего увидите художника, вооруженнаго всѣми чарами поэзіи, призваннаго для искусства, какъ для искусства исполненнаго любви, интереса ко всему эстетически прекрасному, любящаго все, и потому терпимаго ко всему. Отсюда всѣ достоинства, всѣ недостатки его поэзіи,— и если вы будете разсматривать его съ этой точки, то съ удвоенной полнотою насладитесь его достоинствами и оправдаете его недостатки, какъ необходимое слѣдствіе, какъ оборотную сторону его же достоинствъ...

Нельзя не остановиться на этой сравнительной характеристикѣ мировыхъ геніевъ и Пушкина и не замѣтить, что въ ней на долю Пушкина оставлено въ сущности очень мало. Въдѣ каждому изъ упоминаемыхъ здѣсь Бѣлинскимъ великихъ поэтовъ свойственно то художество, которое принадлежитъ Пушкину, и Бѣлинскій указываетъ, что сверхъ этого художества каждый изъ нихъ, изъ этихъ геніевъ, представляетъ въ своемъ творчествѣ нѣкоторыя цѣннѣйшія особенности, являющіяся основаніемъ его славы, его огромнаго значенія для человѣчества: одинъ—„глубокой сердцеѣдецъ“, другой—„властелинъ внутренняго міра души человѣка“, третій—„трибунъ человѣчества“ и т. д. Приэтомъ у критика проскальзываетъ даже мысль, что „художество“ для этихъ поэтовъ является чѣмъ-то по природѣ неизбѣжно-предполагаемымъ, какъ для математика „способность соображать и комбинировать предметы“. Такимъ образомъ Пушкинъ въ этомъ обществѣ мировыхъ геніевъ оказался совершенно обдѣленнымъ: у каждаго изъ нихъ кромѣ „художества“ имѣется еще нѣчто, и на этомъ приаткѣ зиждется

его значеніе, у Пушкина же единственнымъ отличіемъ является „художество“, сверхъ котораго онъ въ сущности ничего не имѣетъ, и вся пышная фразеологія о „стихѣ“ Пушкина приводитъ къ весьма печальному заключенію о значеніи нашего поэта.

Вполнѣ понятно, что подобною аргументаціей давалось очень сильное оружіе тѣмъ, кто поставили бы себѣ задачею развѣнчаніе поэта, и мы знаемъ, что именно этимъ оружіемъ сумѣлъ воспользоваться въ своихъ нападкахъ на Пушкина Писаревъ. Мы можемъ признавать вполнѣ несостоятельными запальчивыя и насмѣшливыя разсужденія Писарева о нашемъ великомъ поэтѣ, мы знаемъ, что теперь съ ними даже и считаются совсѣмъ не приходится, такъ какъ внимательное изученіе Пушкина до очевидности раскрыло всю ихъ несправедливость; однако, мы должны также теперь согласиться съ тѣмъ, что въ своихъ нападкахъ на великаго поэта Писаревъ находилъ почву именно въ слабыхъ сторонахъ хвалебной аргументаціи Бѣлинскаго: признавая, напримѣръ, Пушкина только хорошимъ „стилистомъ“, онъ повторялъ лишь утвержденіе Бѣлинскаго о „художествѣ“, выѣ котораго Бѣлинскій не могъ указать никакихъ важныхъ достоинствъ Пушкина. Если Пушкинъ только создатель формы или стиха, что для Писарева равносильно понятію „стилистъ“, то нечего толковать о какихъ-либо идеяхъ въ его поэзіи, и остается признать его полнымъ идейнымъ ничтожествомъ или „пародіей на поэта“, къ чему послѣдовательно и пришелъ Писаревъ. И противъ такого вывода весьма мало значенія могло имѣть то соображеніе, которое высказалъ Бѣлинскій по поводу Пушкинскаго стихотворенія „Нереида“, т.-е. что идея въ немъ неотдѣлима отъ формы и потому ее опредѣленно указать не представляется возможнымъ. Критики, согласные съ Писаревымъ, всегда могли бы отвергнуть проведенное соображеніе, указавши, что если оно можетъ быть примѣнимо къ отдѣльному стихотворенію, то по отношенію ко всему творчеству какого-либо поэта оно можетъ свидѣтельствовать или о малой сообразительности критика, не могущаго уяснить себѣ идею, которую проникнуто творчество поэта или же о полной бессодержательности произведеній даннаго поэта, т.-е. можетъ только подкрѣплять тезисъ, выставленный Писаревымъ. Подобныя отрицательныя заключенія не устраняются и дальнѣйшими разсужденіями Бѣлинскаго, который въ сущности повторяетъ свою мысль въ нѣсколько измѣненной формѣ. Такъ, останавливаясь на первыхъ поэмахъ Пушкина критикъ говоритъ: „Всѣ, не только образованные, даже многіе просто грамотные люди, увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой

они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всей грамотной Россіей; онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, охотницами до стихковъ, учениками на школьныхъ скамейкахъ, украдкой отъ учителя, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. И это дѣлалось не только въ столицахъ, но даже и въ уѣздныхъ захолустьяхъ. Тогда-то поняли, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ римѣ и размѣрѣ только, но что и стихи въ свою очередь могутъ быть и поэтическіе и прозаическіе. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее, но въ ея внутренней сущности. Явись теперь на Руси поэтъ, который былъ бы неизмѣримо выше Пушкина,—его появленіе уже не могло бы надѣлать столько шума, возбудить такой общій, такой страшный энтузіазмъ, потому что послѣ Пушкина поэзія—уже не невиданная, не неслышанная вещь. И по тому же самому теперь уже слишкомъ слабый успѣхъ могъ бы получить поэтъ, который не уступая Пушкину въ талантѣ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, былъ бы, подобно ему, преимущественно художникомъ“.

Послѣднія слова Бѣлинскаго, еще разъ подчеркивая значеніе Пушкина, какъ художника, могутъ быть истолкованы отчасти и въ томъ смыслѣ, что роль Пушкина, чисто историческая, что онъ былъ необходимъ для извѣстнаго момента въ развитіи нашей поэзіи, и для будущаго его поэзія не представляетъ уже абсолютной цѣнности, такъ что даже равный ему по таланту поэтъ могъ бы имѣть „слишкомъ слабый успѣхъ“. Не устраняетъ столь отрицательнаго вывода и слѣдующее заявленіе Бѣлинскаго: „Пушкинъ первый изъ русскихъ поэтовъ овладѣлъ поясомъ Клириды. Не только стихъ, но каждое ощущеніе, каждое чувство, каждая мысль, каждая картина исполнены у него невыразимой поэзіи. Онъ созерцалъ природу и дѣйствительность подъ особеннымъ угломъ зрѣнія, и этотъ уголъ былъ исключительно поэтический. Муза Пушкина это—дѣвушка-аристократка, въ которой обольстительная красота и граціозность непосредственности сочетались съ изяществомъ тона и благородной простотой, и въ которой прекрасныя внутреннія качества развиты и еще болѣе возвышены виртуозностью формы, до того усвоенной ею, что эта форма сдѣлалась ей второй природой!“ Значеніе отрицательнаго вывода не ослабляется и тѣмъ соображеніемъ, что „особенная принадлежность поэзіи Пушкина и одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ его передъ поэтами прежнихъ школъ—полнота, оконченность, выдержанность и стройность созданий“; что у Пушкина никогда не бываетъ ничего лишняго, ничего не достающаго,

но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, конецъ гармонируетъ съ началомъ,—и, прочитавъ его пьесу, чувствуешь, что отъ нея нечего убавить и къ ней нечего прибавить“. Въдѣ все это исключительно достоинства художественныя, и Бѣлинскій повторяетъ, что Пушкинъ является по „преимуществу художникомъ“. Не ослабляется, наконецъ, отрицательное впечатлѣніе и указаніями на реализмъ и народность въ поэзіи Пушкина, хотя эти указанія даются и въ весьма красивой формѣ.

Напротивъ, въ концѣ своихъ статей Бѣлинскій высказываетъ такія мысли, которыя вполне приемлемы для лицъ, утверждающихъ, что поэзія Пушкина не современна, что она отжила. „Такъ какъ поэзія Пушкина,—говоритъ Бѣлинскій,—вся заключается преимущественно въ поэтическомъ созерцаніи міра, и такъ какъ она безусловно признаетъ его настоящее положеніе, если не всегда утѣшительнымъ, то всегда необходимо-разумнымъ—потому она отличается характеромъ болѣе созерцательнымъ, нежели рефлектирующимъ, выказывается болѣе, какъ чувство или какъ созерцаніе, нежели какъ мысль. Вся насквозь проникнутая гуманностью, муза Пушкина умѣетъ глубоко страдать отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни; но она смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаніемъ (*resignatio*), какъ бы признавая ихъ роковую неизбѣжность и не нося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія. Такой взглядъ на міръ вытекаетъ уже изъ самой натуры Пушкина; этому взгляду обязанъ Пушкинъ изящной елейностью, кротостью, глубиной и возвышенностью своей поэзіи, и въ этомъ же взглядѣ заключаются недостатки его поэзіи. Какъ бы то ни было, но по своему возрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви, мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные, болѣзненные вопросы настоящаго... Въ стихотвореніи „Чернь“ заключается художественное *profession de foi* Пушкина. Онъ презираетъ чернь и на ея приглашеніе справляетъ ее звуками лиры отвѣчаетъ словами, полными благородной гордости и энергическаго негодованія... Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ риемами разныя нравоучительныя мысли, и тре-

буютъ отъ поэта непремѣнно, чтобы онъ воспѣвалъ имъ все любовь да дружбу и пр., и которые не способны увидѣть поэзіи въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобъ соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ чтобъ противорѣчить имъ, — а тѣмъ, чтобъ, забывая о ихъ существованіи, смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты съ ихъ „вдохновеніями, сладкими звуками и молитвами“, но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, если бы набожная толпа не соприсутствовала алтарямъ и жертвоприношеніямъ. Толпа, въ смыслѣ массы народной, есть прямая хранительница народнаго духа, непосредственный источникъ жизни народной. Народъ (взятый какъ масса), духовная субстанція жизни котораго не въ состояніи породить изъ себя великихъ поэтовъ, не стоитъ названія народа или націи — съ него довольно чести называться просто племенемъ. Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціональной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ или духовно-малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирой порокъ; но каждый умный человекъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя или для себя, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній. И дѣйствительно, Пушкинъ, какъ поэтъ, великъ тамъ, гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя прекрасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ, гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и рѣшителемъ вопросовъ. Превосходно его стихотвореніе „Поэтъ“, въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что поэтъ, пока не потребуетъ его Аполлонъ къ священной жертвѣ, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый сонъ жизни, какъ пробуждающійся орелъ; но мысль эта теперь совершенно ложна. Наша современность кишитъ поэтами, которые пошлы, когда не пишутъ, и становятся благородны и чисты, когда вдохновляется; но тѣмъ не менѣе всѣ видятъ въ нихъ теперь не болѣе, какъ великихъ людей на малыя дѣла; всѣ знаютъ, что эти господа скоро выписываются и изъ-за денегъ громкими фразами увѣряютъ другихъ въ томъ, чему нѣкогда сами вѣрили, но чему теперь уже сами первые не вѣрятъ. Наше время преклонитъ колѣни только передъ художникомъ, котораго жизнь есть лучший коммента-

*

рій на его творенія, а творенія—лучшее оправданіе его жизни. Гете не принадлежалъ къ числу пошлыхъ торгашей идеями, чувствами и поэзіей: но практическій и историческій индифферентизмъ не далъ бы ему сдѣлаться властителемъ думъ нашего времени, несмотря на всю широту его мірообъемлющаго генія. Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія тѣмъ не менѣе были причиной постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя въ художественномъ отношеніи пьесы, но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественныя совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина). Между тѣмъ избранный Пушкинымъ путь оправдывается его натурой и призваніемъ: онъ не палъ, а только остался самимъ собою, но, по несчастію, въ такое время, которое было очень неблагоприятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство и мало приобрѣтало общество“.

Несмотря, однако, на подобныя неблагоприятныя для поэзіи Пушкина обстоятельства, Бѣлинскій, заключая свои о немъ статьи, считаетъ необходимымъ отмѣтить, что великій нашъ поэтъ имѣетъ значеніе не только эстетическое, но и нравственно-воспитательное. „Пушкинъ, — говоритъ критикъ, — былъ по преимуществу поэтъ-художникъ и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство. И потому онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Несмотря на генеалогическіе свои предрасудки, Пушкинъ по самой натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, симпатичнымъ, готовымъ отъ полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему „человѣкомъ“. Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски-кроткаго, мягкаго и нѣжнаго. И все это отразилось въ его изящныхъ

созданіяхъ. Придетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовываться и развиваться не только эстетическое, но и нравственное чувство“...

Указывая на „гуманность“, которою проникнута поэзія Пушкина, Бѣлинскій вполне справедливо видѣлъ въ ней начало, особенно важное для воспитанія нравственнаго чувства грядущихъ поколѣній; но тѣ многочисленныя оговорки, которыми сопровождается его утвержденіе относительно значенія Пушкина преимущественно, какъ поэта-художника, могли только укрѣпить отрицательное отношеніе къ произведеніямъ великаго поэта, и когда наступила эпоха разрушенія всяческихъ авторитетовъ, съ этой точки зрѣнія особенно сильно долженъ былъ поколебаться и авторитетъ Пушкина. Если одно „художество“ было признано пустою и даже вредною тратою времени, то и представитель этого исключительнаго художества долженъ былъ подвергнуться беспощаднымъ нападкамъ, беспощадному осмѣянію, какъ поэтъ безыдейный, какъ пародія на поэта. Исторія раскрыла несомнѣтельность всѣхъ этихъ нападокъ на Пушкина, высоко подняла авторитетъ великаго поэта, уяснивъ, что помимо художества его поэзія полна глубокаго внутренняго содержанія, которое никогда не утратитъ своей цѣнности идейной и моральной.

Но то же самое историческое изученіе раскрываетъ намъ, что и вина Бѣлинскаго была не такъ велика, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Великій критикъ не былъ достаточно ознакомленъ съ многими фактами жизни Пушкина, которые стали извѣстны уже въ наше время и помогли намъ правильнѣе понять и оцѣнить политическіе и общественные взгляды родоначальника нашего идеальнаго реализма. Кромѣ того Бѣлинскому не были извѣстны во всей полнотѣ и сочиненія Пушкина. Однако, при нѣкоторыхъ дефектахъ, критика Бѣлинскаго для насъ остается и до сихъ поръ лучшею оцѣнкою многихъ произведеній нашего поэта: его ошибки никогда не могли вести къ такимъ абсурднымъ увлеченіямъ, какъ мнимыя „открытія“ Ап. А. Григорьева, о которыхъ мы говорили подробнѣе выше; его ошибки происходили отъ недостатка фактическаго матеріала, ошибки же Григорьева съ послѣдователями истекали изъ чисто произвольныхъ, полуфантастическихъ построеній.

Дельви́гъ, Языко́въ и Бараты́нскій.

Имена этихъ трехъ поэтовъ мы привыкли связывать съ именемъ Пушкина, благодаря прежде всего ихъ личнымъ отношеніямъ къ гениальному начинателю новаго періода нашей литературы. Это самые близкіе люди Пушкину изъ числа его сверстниковъ. Дружба Пушкина съ барономъ Дельвигомъ возникла уже на лицейской скамьѣ и продолжалась до самой смерти послѣдняго (1831 г.). Сблизились юноши на почвѣ общихъ литературныхъ интересовъ, какъ это прекрасно выразилъ Пушкинъ въ стихотвореніи „19-е октября 1825 года“, обращаясь къ Дельвигу:

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья.
Ты—гердый—пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты гений свой воспитывалъ въ тиши.

Эта общность литературныхъ интересовъ остается основаніемъ дружбы обоихъ поэтовъ и впоследствии: когда Дельви́гъ основалъ „Литературную Газету“, Пушкинъ оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ ея сотрудниковъ, такъ какъ самая мысль о подобномъ органѣ, всецѣло посвященномъ литературнымъ задачамъ, была всегда завѣтною мечтою Пушкина.

Съ Языковымъ познакомился Пушкинъ въ 1826 г., когда Языковъ пріѣхалъ въ Тригорское въ гости къ своему дерптскому товарищу, Вульффу. Дружба между поэтами установилась, повидимому, очень скоро, и ея основой было эпикурейское времяпровожденіе, при которомъ веселье въ честь Вакха и Киприды смѣнялось бесѣдою объ искусствѣ, увлекавшемъ обоихъ друзей. Яркую характеристику этой поры своей жизни даетъ Языковъ въ стихотвореніи „Тригорское“.

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говорить поэтъ?
Жрецы высокаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полноцѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и въ будущихъ вѣкахъ!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ,
И грудь трепещетъ молодая,
И гордый вспыхиваетъ взглядъ;
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ;
Или въ тиши благословенной
Жилища Грацій, гдѣ цвѣтутъ
Каменами хранимый трудъ
И умъ изящно просвѣщенный:
Въ часы какъ сладостные тамъ
Дары Эвтерпы насъ плѣняли,
Какъ персты легкіе мелькали
По очарованнымъ ладамъ:
Съ нихъ звуки стройно поднимались,
И въ треляхъ чистыхъ и густыхъ
Они свивались, развивались—
И сердце чувствовало ихъ!
Куда съ запиской своеручной
Пошлете другу толстый томъ“.

Знакомство Пушкина съ Баратынскимъ относится къ 1819 г. и, какъ видно изъ разныхъ писемъ Пушкина, это знакомство скоро перешло въ дружбу: Пушкинъ всегда интересуется новыми произведениями Баратынскаго, ставя его рядомъ съ Жуковскимъ и выше Батюшкова, принимаетъ участіе и въ личныхъ дѣлахъ своего друга, ведя переговоры объ изданіи его сочиненій.

Таковы личныя отношенія трехъ поэтовъ къ Пушкину,

но можно ли на основаніи подобной дружбы дѣлать заключеніе объ особенной духовной близости поэтовъ? Можно ли этотъ поэтический триумвиратъ считать наиболѣе родственнымъ Пушкину по самому характеру творчества *). Это вопросъ очень важный, такъ какъ, признавая названныхъ поэтовъ главными представителями теоріи чистаго искусства и видя личную близость къ нимъ Пушкина, многіе склонны приписать указанную теорію и самому Пушкину. Мы уже говорили въ статьѣ „Пушкинъ и поэзія дѣйствительности“, насколько несправедливо по отношенію къ Пушкину подобное обвиненіе въ поэтической односторонности, насколько, напротивъ, гармонично объединяются въ его творествѣ самые разнообразныя мотивы и какъ близко его творчество къ жизни, теперь же попробуемъ охарактеризовать трехъ друзей Пушкина, какъ поэтовъ, чтобы уяснить себѣ, въ какой степени имъ можетъ принадлежать право ближайшихъ выразителей Пушкинскаго направленія въ нашей поэзіи.

I.

Начнемъ съ барона Дельвига.

Наиболѣе выдающимся свойствомъ его характера была, какъ выражается его біографъ, покойный Вал. Вл. Майковъ, „склонность къ лѣни“. Эту склонность замѣтили въ немъ еще его лицейскіе товарищи, охарактеризовавъ его въ одной шуточной пѣсенкѣ слѣдующими стихами:

Дельвигъ мыслить на досугѣ:
Можно спать и въ Кременчугѣ.

О той же склонности вспоминаютъ позже и Пушкинъ, называя своего друга „сыномъ лѣни вдохновеннымъ“, и Коншинъ, убѣждая Дельвига „сложить всегдашней лѣни грузъ“. Это отличительное свойство Дельвига, какъ человѣка, выразилось въ немъ, какъ въ поэтѣ, развитіемъ эпикурейскаго міросозерцанія, которое проявляется уже на школьной скамьѣ. Въ такомъ возрастѣ, когда всѣ обыкновенно мечтаютъ о славѣ, о блестящей будущности, Дельвигъ воспѣваетъ тихую жизнь; онъ говоритъ:

Блаженъ кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесетъ;

*) Такъ поступалъ, напр., кн. П. А. Вяземскій, говоря, что „Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій и Языковъ не только современностью, но и поэтическимъ соотношеніемъ, какимъ-то семейнымъ общимъ выраженіемъ образуютъ у насъ нераздѣльное явленіе“.

Кто не клянетъ судьбу, и съ милою своей
Какъ весело заснетъ, такъ весело проснется:
Кто молоко отъ стадъ, хлѣбъ съ нивы золотой
И мягкую волну съ своихъ овецъ собираетъ;
Кому домашній дубъ въ огнѣ трещитъ зимой,
И сонъ прохладою въ день лѣтній навѣваетъ.
Спокойно цѣлый вѣкъ проводитъ онъ въ трудахъ,
Полета быстрого часовъ не примѣчая;
Устанетъ, наконецъ,—и съ думой о друзьяхъ
Предастся смерти онъ, пріятно засыпая.
Такъ жизнь и Дельвигу тихонько проведи!
Умру—и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ!..
Что нужды? Я блаженъ; я, живши, могъ найти,
Покой въ безвѣстности и счастье въ Лилетѣ!

Это стремленіе къ „покою въ безвѣстности“ отражается и во взглядѣ Дельвига на значеніе своей поэтической дѣятельности, какъ это видно изъ его посланія въ Сибирь къ лицейскому товарищу, Илличевскому:

Я благодатности труда
Еще, мой другъ, не постигаю!
Лѣниться, говорятъ, бѣда.
А я въ бѣдѣ сей утопаю
И, пробудившись, забываю,
О чемъ заботился вчера,
Мнѣ иногда твердятъ „Пора—
Сдавить стихи твои станками;
Они раскупятся друзьями,
Друзья имъ прокричатъ: ура!
Веселые за полной чашей
Тогда, сударь, отъ славы вашей,
Или отъ вашего вина
Заговоритъ вся сторона
Отъ Бельта до Сибири скучной,
Все хорошо, но я не въ томъ
Свое блаженство полагаю:
За стихъ не ссорюся съ умомъ,
А къ риѣмѣ риѣму приплетаю,
Лѣнливо глядя за перомъ.
Напишетъ мнѣ—я прочитаю;
Я прочитаю и друзьямъ:
Люблю внимать ихъ похваламъ,
Когда ихъ похвалы достоинъ.

Поэтъ отрекается отъ стремленія къ славѣ, на свое творчество не смотритъ какъ на серьезное дѣло, и оно есть

для него лишь одно изъ наслажденій, представляемыхъ излюбленною имъ тихою жизнью, какъ это ясно выражается въ стихотвореніи „Къ Евгению“:

Вѣрнѣе въ храмъ Цитѣреи
Гдѣ сынъ ея намъ всѣмъ грозитъ,
Благоуханной головою
Поникнувъ, Лидіи молодой
Пріятно нѣжитъ слухъ игрою,
Воспѣтъ безпечность и покой,
И сладострастія томленья,
И пламенный восторгъ любви.
Покинуть гордыя желанья,
Въ вѣнокъ свой лавровъ не вплетать
И въ часъ веселаго мечтанья
Тихонько Флакку подражать
Въ наукъ дивной наслажденья
И съ нимъ забавы пѣть свои.

Поэзія для Дельвига есть одинъ изъ видовъ наслажденія, она—„свободно-сладкое искусство“ и служить къ болѣе полному осуществленію идеала пріятной и тихой жизни въ дружескомъ кружкѣ. Обращаясь къ Баратынскому, онъ говоритъ:

Опять веселья, жизни полный,
Я счастливъ радостью друзей.
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнью довольный,
Съ безпечной музою моею
Друзьямъ пою любовь, похмѣлье
И хлопотливое бездѣлье
Удалыхъ рыцарей стола,
За коимъ шалость и веселье,
Подъ звонъ блестящаго стекла,
Поютъ, бокалы осушаютъ
И громкимъ смѣхомъ заглушаютъ
Часовъ однообразный бой.

Однако, рядомъ съ такимъ эпикурейскимъ взглядомъ на жизнь и поэзію у Дельвига иногда мелькаетъ иное воззрѣніе, являющееся рѣзкимъ диссонансомъ къ общему его настроенію: онъ начинаетъ говорить о безсмертіи и славѣ въ грядущихъ вѣкахъ, для него исчезаетъ идеалъ безбурной жизни, онъ вступаетъ въ разладъ со своими современниками, которые его гоняютъ, презираютъ. Подобное положеніе поэта рисуется Дельвигомъ въ сонетѣ „Вдохновеніе“:

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ питомецъ музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ—съ землею разлученье.
Въ друзьяхъ обманъ, въ любви—разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожить,
Забыты имъ: восторженный пѣитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье.

И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками,
Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертїемъ съ богами!

Если мы рассмотримъ небольшое поэтическое наслѣдіе оставленное намъ Дельвигомъ, то мы увидимъ, что оно почти сплошь состоитъ изъ такихъ произведеній, которыя соотвѣтствуютъ его основному эпикурейскому воззрѣнію на поэзію, и лучшими изъ его стихотвореній надо считать его идилліи: въ нихъ поэтъ нашель свою сферу, рисуя неприязнательныя картинки тихой жизни, и изъ новѣйшихъ идиллій онѣ ближе всего подходятъ къ образцамъ, завѣщаннымъ классическимъ міромъ. Здѣсь нѣтъ разукрашенныхъ пастушковъ и пастушекъ, созданныхъ идилліей XVIII вѣка, здѣсь дѣйствительно представляется простая, будничная жизнь, идеализированная, но не искаженная. Видно, что такая жизнь болѣе всего подходитъ къ симпатіямъ самого поэта, и воплощая ее въ своемъ творествѣ, онъ далъ нѣчто цѣнное „грядущимъ вѣкамъ“.

Этого нельзя сказать о другихъ произведеніяхъ Дельвига. Правда, и въ нихъ поэтъ восхваляетъ дружбу, любовь, веселье, вино, но оригинальнаго въ нихъ нѣтъ ни въ формѣ, ни въ содержаніи. Онъ писалъ ихъ какъ-то между дѣломъ, дѣйствительно приплетая лѣниво рѣмому къ рѣмѣ, отчего весьма часто получались разныя „поэтическія вольности“, которыя скорѣе можно назвать крупными недочетами формы. Такъ напримѣръ, мы находимъ не особенно удачныя рѣмы: „бомбасть“ и „часть“, „запылалъ“ и „обнялъ“, „Зевесъ“ и „слезъ“, „вертятся“ и „глазъ“, „поднебесна“ и „желѣзна“, или архаическія формы „взмущаетъ“, „мещетъ“, неправильныя ударенія: „дышѣтъ“, „клонится“, „цѣнитъ“, „прѣспалъ“, странную попытку ввести въ стихъ древній пріемъ сліянія: „другъ на другѣ остановите“, причѣмъ два слога (другѣ остановите) сливаются въ одинъ.

Уже одна эта необработанность формы не позволяетъ слишкомъ сближать Дельвига съ Пушкинымъ; что же ка-

сается содержания, то слѣдуетъ сказать, что изъ богатѣйшаго разнообразія Пушкинскихъ поэтическихъ мотивовъ Дельвигъ почерпнулъ очень немного. Онъ отмежевалъ себѣ самый незначительный уголокъ, но остался чуждъ многому изъ того, что волновало его гениальнаго друга. Ему совершенно чужды интересы общественные, и поэтическая свобода для него совсѣмъ не имѣетъ того значенія, какъ для Пушкина.

II.

Другой другъ Пушкина, Н. М. Языковъ, по содержанию своей поэзіи отличается большею широтою, чѣмъ Дельвигъ, но, пожалуй, въ такой же степени, какъ и Дельвигъ, имѣетъ мало правъ на титулъ хранителя Пушкинской традиціи.

Первое впечатлѣніе, произведенное стихотвореніями Языкова было очень для нихъ благопріятнымъ. „Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его,—говоритъ Гоголь, *)—всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удалъ всякаго выраженія, свѣтъ молодого восторга и языка, который въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину еще не являлся дотолѣ ни въ комъ. Имя Языковъ пришлось ему недаромъ: владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключить и замкнетъ такъ, что остановишься пораженный. Все, что выражаетъ силу молодости не разслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть отъ всего, къ чему онъ ни прикоснется... Все, что вызываетъ въ юношѣ отвагу— море, волны, буря, пары и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣло, твердая, какъ камень, вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну—выражается у него съ силою неестественною“.

Почти въ то же время, когда написанъ былъ Гоголемъ этотъ отзывъ о поэзіи Языкова, мы встрѣчаемся съ диаметрально-противоположнымъ сужденіемъ, принадлежащимъ Бѣлинскому. Напомнивъ, что въ эпоху Пушкина произошла сильная реакція прежнему риторическому направленію поэзіи, причѣмъ „всѣ захотѣли быть народными, каждый по-своему“, и Языковъ началъ брать слова и предметы изъ житейскаго русскаго міра, запѣлъ русскимъ удалцомъ“, Бѣлинскій указываетъ, что „тутъ прогрессъ былъ только

*) Сочиненія, т. IV, стр. 188.

въ намѣреніи, а въ исполненіе забралась та же риторика, которая водянила и прежнюю поэзію“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго „риторизмъ есть главная основа всей поэзіи Языкова. Всѣ его ухарскія и мило-забубенныя выходки, его молодое буйство и чудное пьянство явились въ печати не какъ выраженіе дѣйствительности (чѣмъ должна быть всякая истинная поэзія), а такъ, только для красоты слога, какъ говоритъ Маниловъ. Кстати о риторикѣ: перечтите его пьесы: Олегъ, Евгений, Пѣсня короля Регнера, Ливонія, Кудесникъ, Новгородская пѣсня, Усладь, Меченосецъ Аранъ, Пѣснь Баяна: что такое все это, если не риторика, хотя и не лишенная своего рода изящества? Тутъ славяне полубаснословныхъ временъ Святослава и русскіе XIII вѣка говорятъ и чувствуютъ, какъ ливонскіе рыцари, которые, въ свою очередь, очень похожи на нѣмецкихъ буршей; тутъ ни въ чемъ нѣтъ истины—ни въ содержаніи, ни въ краскахъ, ни въ тонѣ. А тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя, нѣтъ никакой истины въ чувствѣ, мысль придумана, произвольно кончена, стихъ блестящъ, бросается въ глаза, поражаетъ слухъ своею необыкновенностью, и читатель только до тѣхъ поръ признаетъ его прекраснымъ, пока не дасть себѣ труда присмотрѣться и прислушаться къ нему“. Приведа затѣмъ рядъ примѣровъ неточныхъ и вычурныхъ выраженій, встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ Языкова, Бѣлинскій главнымъ недостаткомъ поэта признаетъ дѣланность и неискренность, особенно проявляющуюся въ стремленіи по народному колориту. „Какъ ему (т.-е. Языкову),—говоритъ Бѣлинскій,—во что бы то ни стало, надо быть народнымъ и какъ поэзія для него есть только маскарадъ, то, являясь въ печати, онъ старается закрыть свой фракъ зипуномъ, поглаживаетъ свою накладную бороду, и, чтобы ни въ чемъ не отставать отъ народа, такъ и щеголяетъ въ своихъ стихахъ грубостью чувствъ и выраженій. По его мнѣнію, это значитъ быть народнымъ! Хороша народность! Кому не надо быть народнымъ и кто хочетъ сдѣлаться имъ насильно, тотъ непременно будетъ простонароднымъ, или вульгарнымъ. У г. Языкова нѣтъ ни одного стихотворенія, въ которомъ не было бы хотя одного слова, некстати поставленнаго, или изысканнаго и фигурнаго.—Правда, встрѣчаются у него иногда и весьма счастливые и ловкіе стихи, но они всегда перемежаются съ несчастными и неловкими... Въ эстетическомъ отношеніи общій характеръ поэзіи Языкова чисто-риторической, основаніе зыбко, паосъ бѣденъ, краски ложны, а содержаніе и форма лишены истины. Главный ея недостатокъ составляетъ та холодность, которую такъ справедливо находилъ Пушкинъ въ своемъ произведеніи Русланъ и Людмила. Муза г. Языкова не пони-

маеть простой красоты, исполненной спокойной внутренней силы: она любитъ во всѣмъ одну яркую и шумную, одну эффектную сторону... Повидимому поэзія г. Языкова исполнена бурнаго, огненнаго вдохновенія; но это не болѣе, какъ разноцвѣтный огонь отразившагося на льдинѣ солнца“ *)...

Противопоставляя этотъ рѣзкій отзывъ Бѣлинскаго приведеннымъ выше словамъ Гоголя, мы должны, однако, оговориться, такъ какъ Гоголь въ той же самой главѣ изъ „Переписки съ друзьями“ высказываетъ дальше и нѣсколько иное сужденіе о Языковѣ. „Всѣхъ глаза,—замѣчаетъ онъ,— устремились на Языкова. Всѣ ждали чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, отъ стиховъ котораго пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дѣло. Но дѣла не дождались. Вышло еще нѣсколько стихотвореній, повторившихъ слабѣе то же самое; потомъ тяжелая болѣзнь постигла поэта и отразилась на его духѣ. Въ послѣднихъ стихахъ его уже не было ничего, шевелившаго русскую душу. Въ нихъ раздались скучанія среди нѣмецкихъ городовъ, безучастныя записки разъѣздовъ, перечень однообразно-страдальческаго дня. Все это было мертво русскому духу. Не примѣтили даже необыкновенной отработки позднѣйшихъ стиховъ его. Его языкъ, еще болѣе окрѣпнувшій, ему же послужилъ въ улику: онъ былъ на тощихъ мысляхъ и бѣдномъ содержаніи, что панцырь богатыря на хиломъ тѣлѣ карлика. Стали говорить даже, что у Языкова нѣтъ вовсе мыслей, а одни пустозвонкіе стихи, и что онъ даже не поэтъ. Все пришло противу него въ ропотъ. Отголоски этого ропота раздались нелѣпо въ журналахъ, но въ основаніи ихъ была правда“.

Въ приведенныхъ отзывахъ съ разныхъ точекъ зрѣнія въ сущности указывается въ поэзіи Языкова одно основное свойство: какая-то широкая удаль, выражающаяся въ весьма яркихъ формахъ. Гоголь вѣритъ въ искренность вдохновенія Языкова, когда вспоминаетъ стихотворенія, относящіяся къ первой порѣ его творчества; Бѣлинскій же этой искренности почти совсѣмъ не находитъ, видя въ произведеніяхъ Языкова одинъ лишь риторизмъ.

Но какъ же судить о своемъ творествѣ самъ поэтъ? Каковы тѣ общія требованія, которыя имъ предъявляются къ поэзіи? Въ какой степени подходятъ его собственныя произведенія подъ указываемую имъ мѣрку?

Если мы начнемъ доискиваться отвѣта на эти вопросы, мы увидимъ, что онъ далеко не можетъ быть вполнѣ опредѣленнымъ, такъ какъ у Языкова проглядываетъ какаят-о двойственность въ его воззрѣніяхъ на поэзію. Съ одной

*) Бѣлинскій. Сочиненія, т. IX, стр. 254—272.

стороны, поэзія представляется ему, какъ важное дѣло, какъ исполненіе нѣкоторыхъ высшихъ велѣній, а съ другой— она оказывается простою забавою, одной изъ принадлежностей эпикурейски-вакхическаго времяпровожденія.

При возвышенномъ взглядѣ на поэзію, первымъ условіемъ ея развитія представляется ея свобода: поэтъ не ищетъ славы у толпы, онъ выше людской суеты и идетъ къ возвышенной, идеальной цѣли совершенно самостоятельно. Эта мысль выражена Языковымъ въ стихотвореніи „Поэтъ“, относящемся къ 1824 году:

Искать ли славнаго вѣнца
 На полѣ рабскихъ состязаній,
 Тревожа слабыя сердца,
 Сбирая нищенскія дани?
 Сія народная хвала,
 Сей говоръ близкаго забвенья,
 Вознаградить ли музѣ пѣнья
 Ея священныя дѣла?
 Кто ихъ постигнетъ? Геній вспыхнетъ—
 Толпа любитъся на свѣтъ,
 Шумить, шумить, шумить—затихнетъ:
 И это слава нашихъ лѣтъ!

Такъ мыслить юноша-поэтъ.

Пока въ душѣ его желанья
 Мелькаютъ темныя, какъ сонъ,
 И твердый гласъ самосознанья
 Не возвѣстилъ ему, кто онъ.
 И вдругъ надеждой величавой
 Свои предвидя торжества,
 Безпечный—право или не право
 Его привѣтствуетъ молва—
 За независимую славою
 Пойдетъ любимецъ божества;
 Въ немъ гордость смѣлая проснется:
 Свободенъ, весель, полонъ силъ
 Орелъ великій встрепетъся,
 Расширитъ крылья и взовется
 Къ безсмертной области свѣтилъ!

Слава представляется поэту „независимой“, а высшая его цѣль—стремленіе „къ безсмертной области свѣтилъ“. Поэтъ желаетъ „свершить возвышенное дѣло“, какъ онъ выражается въ стихотвореніи „Къ Вульффу“ и смотритъ на себя, какъ на избранника небесъ, который священнодѣйствуетъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ стихотворенія „Катенькѣ Моіеръ“, относящагося къ 1827 году:

Благословенны тѣ мгновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ оиміамомъ вдохновенья
Священнодѣйствуетъ поэтъ.
Какъ мысль о небѣ, величавы,
Торжественны его слова;
Ихъ принимаютъ крылья славы,
Имъ изумляется молва!
Но и тогда, какъ онъ играетъ
Своимъ возвышеннымъ умомъ,
Онъ преисполненъ, онъ сіяетъ
Его хранящимъ божествомъ,
И часто даромъ прорицанья,
Творящей прихоти сыны;
Его небрежныя созданья,
Его мечты озарены.

Наиболѣе яркое выраженіе этого возвышеннаго взгляда на поэзію мы находимъ у Языкова въ прекрасномъ стихотвореніи „Поэту“, написанномъ въ 1831 г. Вдохновеніе для поэта есть небесный даръ, и его творчество есть высокій подвигъ, подобный пророческому служенію. Параллель между пророкомъ и поэтомъ прямо напоминаетъ извѣстное произведеніе Пушкина, а въ такомъ воззрѣніи на задачи поэзіи Языковъ дѣйствительно близокъ къ своему гениальному другу. Вотъ какъ обращается онъ къ поэту:

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда въ тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явень даръ:
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово:
Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка,
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери награды.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволь;
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Сауль заслушается ихъ;

И жизнь торжественно-высокой
Ты процветешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!

Таковъ высокій удѣлъ поэта, если онъ вѣренъ своему божественному призванію, если онъ хранитъ свою духовную независимость; въ противномъ случаѣ, когда онъ начинаетъ угождать земнымъ силамъ, его ожидаетъ тяжкая судьбина:

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ;
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ.
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Подобное же возвышенное представленіе о задачахъ поэзіи, какъ пророческаго дара возвѣщать божественную волю, выражать велѣнія идеальныя, мы видимъ у Языкова въ извѣстномъ стихотвореніи „Землетрясеніе“, въ слѣдующихъ заключительныхъ его словахъ:

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли
Носишь душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Однако, всѣ приведенныя мнѣнія о высокомъ призваніи поэта, о необходимости для него духовной независимости, мнѣнія, совпадающія съ тѣмъ, что мы находимъ у Пушкина, высказываются Языковымъ часто рядомъ съ совершенно иными воззрѣніями; обнаруживается, какъ мы уже выше сказали, какая-то странная двойственность въ воззрѣніяхъ поэта, при чемъ иногда эта двойственность замѣчается въ одномъ и томъ же произведеніи. Мы видимъ, что та свобода, которой поэтъ требуетъ для осуществленія высокихъ идеаловъ, оказывается нужной ему вовсе не для особенно важныхъ цѣлей, что она переходитъ въ какую-то совсѣмъ не идеальную разнузданность. Такъ, въ 1839 году

Языковъ обращается къ начинавшему свое литературное поприще, графу В. А. Соллогубу, съ слѣдующимъ привѣтомъ:

Привѣтствую тебя подъ знаменемъ Камены,
На много, много славныхъ дѣлъ!
Люби ее всегда, не жди отъ ней измѣны,
Ея любовью твердь и смѣль!
Обманчивой волной молвы не увлекайся,
Не вѣрь ни бранямъ, ни хваламъ
Продажныхъ голосовъ, въ ихъ споры не мѣшайся,
Въ ихъ непристойный крикъ и гамъ.
Но чувствуя себя, судьбы своей высокой
Не забывая никогда,
Но тихъ и величавъ, проникнутый глубоко
Святыней чистаго труда,
Будь самъ себѣ судьей, суди себя сурово...
И паче всякаго грѣха
Бѣги ты лѣни: въ ней слабѣютъ умъ и слово,
Полетъ мечты и звонъ стиха:
Ты будь неутомимъ!..

Казалось бы, послѣ такого привѣтствія, въ которомъ развивается извѣстная Пушкинская мысль о томъ, что поэтъ „самъ свой высшій судъ“, послѣ этого призыва къ плодотворной работѣ, совсѣмъ неумѣстно толковать о поэзии, какъ объ одномъ изъ видовъ эпикурейскаго времяпровожденія; между тѣмъ, нѣсколькими строками далѣе Языковъ, приглашая къ себѣ своего друга, говорить ему:

Тогда каминъ домашній другъ
Моихъ парнасскихъ дѣлъ, янтарнымъ, яркимъ пыломъ
Освѣтитъ мирный нашъ досугъ,
И мы, по способу пѣвца Вильгельма Телля,
Составимъ славное питье,
И будемъ бражничать и вмѣстѣ полны хмѣля,
Помянемъ дерптское житье,
И наши прошлыя, лирическія лѣта,
Потомъ давай твоихъ стиховъ
И прозы, все читай! и т. д.

Благодаря такому эпикуреизму во взглядѣ на поэзію, Языковъ иногда прямо не можетъ понять молодого дарованія, встрѣчающагося ему на пути. Чѣмъ, какъ не полнѣйшимъ непониманіемъ, можно объяснить посвященіе И. С. Аксакову, поэту, почти исключительно вдохновлявшемуся мотивами общественными, слѣдующаго стихотворенія?

Прекрасны твои пѣснопѣнья живыя,
И сильны, и чисты, и звонки они:
Да будутъ же годы твои молодые
Прекрасны, какъ ясныя вѣшніе дни!
Бѣги ты далече отъ шумнаго свѣта,
Не знай вавилонскихъ работъ и заботъ:
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, какъ дубравная птица поетъ
На волѣ; и если тебя очаруетъ
Красавица-роза, не бойся любви;
Пускай она нѣжитъ, томить и волнуетъ
Глубоко всѣ юныя силы твои:
Въ груди благородной любовь пробуждаетъ
Высокія чувства,—и ею полна,
Свѣтло, сладкозвучно бѣжитъ и сверкаетъ
Сердечнаго слова живая волна
Безпечно и смѣло любви предавайся,
Поэтъ! и безъ умолку пой ты объ ней
Счастливыя пѣсни —и весь выпѣвайся
Красавицѣ-розѣ, пѣвецъ-соловей!
И бури, и грозы чтобы вѣкъ не взрывали
Тѣхъ сѣней, гдѣ счастье себѣ ты нашелъ,
И пѣснямъ твоимъ чтобъ тамъ не мѣшали
Ни хитрая кошка, ни критикъ-осель.

Только при полномъ непониманіи поэтической **натуры** И. С. Аксакова возможно было назвать его „пѣвцомъ-соловьемъ“ и уподоблять его „дубравной птицѣ“, и подобное курьезное непониманіе намъ объясняется, когда мы взглядываемся внимательнѣе въ сужденія Языкова вообще о поэзіи. Для него тѣ возвышенныя идеи, которыя выражены въ цитированныхъ нами его произведеніяхъ были въ сущности лишь одними словами. Высокое вдохновеніе, о которомъ онъ говорилъ, порой отождествлялось для него съ громкой шумихой фразъ: не даромъ Д. И. Хвостовъ представлялся Языкову „почтеннымъ старцемъ Апполона“, и другъ Пушкина, постоянно смѣявшагося надъ знаменитымъ одописцемъ, нашелъ возможнымъ посвятить графу Хвостову такіе стихи:

Слуга отечественной славы,
Ты пѣлъ побѣды и забавы
Благословеннаго царя,
Кубры серебряныя воды,
И ужасъ невской непогоды,
И юга бурныя моря.
Ты украшалъ, разнообразилъ

*

Страннопріимный нашъ Парнаеъ,
И зависти коварный глазъ
Твоей поэзіи не сглазилъ.

Послѣ этого восхваленія Хвостову нисколько не удивительно тѣ восторги, съ которыми обращался Языковъ къ довольно посредственной поэтессѣ, Каролинѣ Павловой. Напыщенная риторика этой виршеслагательницы казалась Языкову истинной поэзіей, и онъ безъ всякой мѣры прославлялъ стихи Павловой, увѣряя, что ей

. . . . дался языкъ нашъ чудный
Метальный, звонкій, самогудный,
Разгульный, мѣткій нашъ языкъ.

Звучная форма для Языкова являлась часто самой сущностью поэзіи, отсюда истекать его собственный риторизмъ, такъ хорошо подмѣченный Бѣлинскимъ; отсюда же, пожалуй, происходили его сужденія о поэтической свободѣ, не имѣющія ничего общаго съ тѣми его воззрѣніями, о которыхъ мы говорили выше. Та свобода, которая необходима для высокыхъ моментовъ вдохновенія, часто оказывалась просто разгуломъ, и Языковъ дѣлалъ такія признанія:

Мы поэты, въ юны годы
Беззаботно мы живемъ,
Черезчуръ своей свободы
Упиваяся виномъ;
Таковы ужъ отъ природы
Всѣ поэты.—Но куда
Намъ главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей
Чистой, ясной?

Лучше всего представленіе о подобной свободѣ характеризуется стихотвореніемъ „Кубокъ“, къ которому Языковъ говоритъ объ источникахъ вдохновенія, далеко не общественныхъ. Въ виду такой характерности этого произведенія позволяемъ себѣ привести его цѣлкомъ:

Восхитительно играетъ
Драгоценное вино!
Снѣжной пѣною вскипаетъ
Златомъ искрится оно?
Услаждающая влага
Оживить тебя всего:
Вспыхнуть радость и отвага

Блескомъ зора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И, какъ волны за волнами,
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова;
Строенъ, пышенъ мѣръ житейскій
Развернется предъ тобой...
Много силы чародѣйской
Въ этой влагѣ золотой!
И любовь развеселяетъ
Человѣка, и она
Животворно въ немъ играетъ,
Столь же сладостно сильна:
Въ дни прекраснаго расцвѣта
Поэтическихъ заботъ
Ей дѣятельность поэта
Дани дивныя несетъ;
Молодое сердце бьется,
То притихнетъ и дрожить,
То проснется встрепенется,
Словно выпорхнетъ, взовьется
И куда-то улетитъ!
И послушно имя дѣвы
Встанетъ въ лики звучныхъ словъ,
И сроднятся съ нимъ напѣвы
Вѣчно памятныхъ стиховъ!
Дѣва, радость, величайся
Рѣдкой славою любви,
Настоящему ввѣряйся,
И мгновенія любви!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
Кубокъ взялъ: душѣ угодны
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;
Сѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой;
Сразу кубокъ выпиваетъ,
И высоко подымаетъ,
И надъ буйной головой
Держитъ. Рѣчь его струится
Безмятежно весела,
А въ рукѣ еще таится
Жребій брэннаго стекла!

Какъ въ этомъ стихотвореніи, такъ и во множествѣ
другихъ своихъ произведеній Языковъ воспѣваетъ вино,

любовь, веселье, разгуль. Въ сущности въ этомъ и заключается та „студентская“ свобода, о которой онъ съ восторгомъ вспоминаетъ до послѣднихъ годовъ своей поэтической дѣятельности. Эти вакхическіе мотивы болѣе всего вдохновляютъ Языкова, и его „огнедышащее слово“ слишкомъ ужъ часто является отраженіемъ его „чуднаго пьянства“ и слишкомъ много рисуетъ сладострастныхъ образовъ. Нужно при этомъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ восторгахъ постоянно чувствуется риторика, слышится трескъ громкихъ фразъ, и не разъ являются повторенія. Сколько, на примѣръ, напускного въ слѣдующей „Элегіи“:

Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи
Тебя руками обогнуть:
Челомъ въ чело, очами въ очи,
Уста въ уста и грудь на грудь;
Кто соблазнительный твой лепетъ
Лобзаньемъ пылкимъ прерывалъ,
И смуглыхъ персей дикій трепетъ
То усыплялъ, то пробуждалъ!..
Но тотъ блаженнѣй, дѣва ночи,
Кто въ умиленіи любви
Глядитъ на огненные очи,
На брови дивныя твои,
На свѣжесть устъ твоихъ пурпурныхъ,
На черноту молодыхъ кудрей,
Забывъ и жаръ восторговъ бурныхъ,
И силы юности своей!

Тотъ же характеръ и другой „Элегіи“:

Ночь безлунная—звѣздами
Убирала синій сводъ;
Тихи были зыби водъ:
Подъ зелеными кустами
Сладко, дѣва-красота,
Я сжималъ тебя руками;
Я горячими устами
Цѣловалъ тебя въ уста,
Страстнымъ жаромъ подымались
Перси полныя твои;
Разлетались, развивались
Черныхъ локоновъ струи;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своихъ очей,
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая къ моей.

Приведенные стихи, право, нисколько не лучше трескучихъ произведеній Бенедиктова: въ нихъ видна какая-то поддѣлка подъ чувство, и эта фальшь лишаетъ ихъ почти всякой поэзіи. Совершенно справедливо указывалъ Бѣлинскій, что „сладогострастіе этихъ стиховъ холодное“, что въ нихъ „шалость воображенія“, и что муза Языкова только „прикидывается вакханкою“. У Языкова именно нѣтъ той правдивости чувства и его выраженія, которая составляетъ отличіе истинной поэзіи и такъ насъ чаруетъ въ произведеніяхъ Пушкина, а безъ этой правдивости, дѣйствительно, является риторизмъ.

Тотъ же самый риторизмъ легко замѣтитъ въ разныхъ стихотвореніяхъ Языкова на историческія темы или съ характеромъ патріотическимъ. Настоящаго одушевленія въ нихъ совсѣмъ не найдемъ, — оно замѣняется тенденціозностью.

Есть, однако, такія сферы, въ которыхъ талантъ Языкова проявляется вполне свободно и даетъ созданія высокохудожественныя: это русскій сказочный міръ и область религіозныхъ мотивовъ.

Въ своихъ сказкахъ Языковъ вполне народенъ, а касаясь религіозныхъ темъ онъ достигаетъ высокаго пафоса. Тутъ являются драгоцѣнные перлы поэзіи, потому что Языковъ вѣренъ тому высокому назначенію, которое, какъ мы видѣли, онъ самъ такъ прекрасно характеризовалъ. Особенно возвышеннымъ въ ряду религіозныхъ произведеній Языкова надо признать извѣстное „Подражаніе псалму XIV“, начинающееся стихами: „Кому, о Господи, доступны Твои Сіонски высоты?“ Въ этомъ подражаніи намъ еще разъ открывается взглядъ на поэзію, какъ на исполненіе божественныхъ велѣній. Поэтъ есть святой избранникъ Бога:

Возьметъ ли арфу: дивной силой
Духъ переполнится его,
И какъ орелъ ширококрылый
Взлетитъ до неба Твоего!

Если бы Языковъ могъ оставаться вѣрнымъ такому высокому настроенію, его поэзія имѣла бы, конечно, иное значеніе, и онъ былъ бы неизмѣримо ближе къ Пушкину, чѣмъ въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ его муза прикидывается вакханкою, или въ которыхъ иногда подъ видомъ свободы творчества является служеніе извѣстнымъ тенденціямъ. Но этого не было, и эстетическая оцѣнка поэзіи Языкова, произведенная Бѣлинскимъ, навсегда остается правильною.

III.

Не ослѣпленъ я музою моею,
 Красавицей ее не назовутъ,
 И юноши, узрѣвъ ее, за нею
 Влюбленною толпой не побѣгутъ.
 Приманивать изысканнымъ уборомъ,
 Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
 Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ,
 Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
 Ея лица необщимъ выраженьемъ,
 Ея рѣчей спокойной простотой,
 И онъ скорѣй, чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
 Ее почититъ небрежной похвалой.

Этими стихами Баратынскій самъ лучше всего охарактеризовалъ значеніе своей поэзіи: она дѣйствительно не привлекаетъ своею внѣшней красотой, въ ней нѣтъ блеска, роскоши картинъ, но тѣмъ не менѣе мимо нея нельзя пройти, не обративъ вниманія на ея „необщее выраженье“. Въ ней есть какая-то своеобразная черта, которая не позволяетъ отнестись къ ней небрежно, а напротивъ, вызываетъ вдумчивое къ ней отношеніе, стремленіе проникнуть въ ея глубину. Если въ поэзіи Дельвига внѣ эпикуризма почти не видно содержанія, если Языковъ слишкомъ часто впадаетъ въ холодный риторизмъ, то у Баратынскаго ясно обнаруживаются глубокая мысль и искреннее чувство, выраженныя при томъ въ прекрасной, высоко-поэтической формѣ.

„Необщимъ выраженіемъ“, отличительной чертой музыки Баратынскаго является элегическое раздумье, переходящее въ безотрадный пессимизмъ. Баратынскій, какъ на это указывалъ С. А. Андреевскій, самый пессимистичный изъ нашихъ поэтовъ. Созерцая дѣла людей, поэтъ рисуетъ себѣ мрачныя картины будущаго, и его настроеніе при этомъ можетъ быть кратко передано знаменитыми словами библейской книги: „суета суеть и всяческая суета“. Всего ярче подобное настроеніе высказалось въ стихотвореніи „Послѣдняя смерть“, въ которомъ онъ рассказываетъ о видѣніи, представившемъ ему „во глубинѣ полночной темноты“. Въ прекрасныхъ стихахъ онъ изображаетъ, какъ „раскрылись грядущіе года“. Прежде всего появляется свѣтлая картина человѣческаго прогресса:

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ!
 Вездѣ искусствъ, обилія примѣты;
 Близъ веси весь и подлѣ града градъ,
 Вездѣ дворцы, театры, водометы,

Вездѣ народъ, и хитрый свой законъ
Стихи всѣ признать заставилъ онъ;
Ужъ онъ морей мятежныя пучины
На островахъ искусственныхъ селилъ,
Ужъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ криль;
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто ликовало.
Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по волѣ призывали
Вѣтра, дожди, жары и холода;
И вѣрною сторицей воздавали
Посѣвы имъ, и хищный звѣрь исчезъ,
Во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ,
И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ,
И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ.

Однако, эта чудная картина, созданная успѣхами чело-
вѣческаго разума, смѣняется другимъ видѣніемъ:

Наставшую эпоху я съ трудомъ
Постигнуть могъ смутившимся умомъ.
Глаза мои людей не узнавали:
Привыкшіе къ обилью дольныхъ благъ,
На все они спокойные взирали,
Что суеты рождало въ ихъ отцахъ,
Что мысли ихъ, что страсти ихъ, бывало,
Влеченіемъ всеильнымъ увлекало.
Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубаго влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья.
И въ полное владѣніе свое
Фантазія взяла ихъ бытіе,
И умственной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ:
Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
Но по землѣ съ трудомъ они ступали,
И браки ихъ бесплодны пребывали.

Но проходятъ еще вѣка, и видѣніе становится совсѣмъ
ужаснымъ. Отъ того упадка, который представленъ въ пре-
дыдущей картинѣ, поэтъ переходитъ къ созерцацію полной
гибели всего живого:

Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.

Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали:
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглухнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.
И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней синѣя вился
И жертвою числительной дымился.

Такъ должно въ концѣ концовъ погибнуть все живущее, такъ исчезаетъ и то прекрасное зрѣлище успѣховъ человѣческаго просвѣщенія, которое предстало поэту въ первомъ видѣніи. Отсюда истекаетъ прямой выводъ о суетности тѣхъ благъ, которыя человѣкъ стремится пріобрѣсти наукой. Но вѣдь все это ожидаетъ насъ въ очень далекомъ будущемъ, до этого конца пройдетъ еще много вѣковъ, и за это время человѣчество насладится пріобрѣтеніями прогресса.

Въ этомъ сознаніи можно было бы найти много утѣшительнаго, однако, Баратынскій не можетъ примириться съ дѣйствительностью: матеріальный прогрессъ для него та же суета; онъ жалѣетъ о минувшихъ временахъ, когда человѣкъ былъ проще, когда наука не касалась его, и онъ жилъ одною жизнью съ природой.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
По-дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала.

.

Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ:
Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Но все измѣнилось съ просвѣщеніемъ, человекъ уда-
лился отъ природы и лишился ея любви:

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Просвѣщеніе уничтожаетъ всѣ тѣ идеальныя мечты,
которыми живетъ человекъ, которыя ему безконечно дороги,
и отсюда является рѣшеніе поэта отказаться отъ истины.
Обращаясь къ истинѣ, онъ говоритъ:

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный
И страшень для живыхъ,
Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня; кой-какъ моею дорогой
Одинъ я побреду.
Прости! иль нѣтъ! когда мое свѣтило
На звѣдной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забуть придется мнѣ,
Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ, жизнь прирѣвъ, я могъ въ обитель
ночи
Безропотно сойти.

Предъ мыслью, которая снимаетъ всѣ покровы съ
правды, „блѣднѣетъ жизнь земная“, и наука представляется
поэту только какой-то суетной игрой, не приводящей ни
къ какимъ плодотворнымъ результатамъ:

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
Старательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть уповаемъ:
Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
Что наконецъ подсмотреть очи зорки?
Что наконецъ пойметъ надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ,
Что? Точный смыслъ народной поговорки.

Наука осмѣливается даже вторгаться въ чуждую ей
область мечты и стремится даже ее поработить своимъ

закономъ; наука хочетъ уничтожить въ насъ идеальныя стремленія,—насъ охватываетъ жизненная пошлость:

Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ,
Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
Намъ памятно небо родное,
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
Стремимся неяснымъ желаньемъ!..
Вотще! Мы надолго отвержены имъ!
Сіяя красую надъ нами,
На брэнную землю безопасно оно
Торжественный сводъ опираетъ...
Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ
Сгораетъ средь влаги прохладной,
Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,
Томимся мы жаждою счастья.

И это сознаніе бытія блаженнѣйшаго міра необходимо челоуѣку, мечта является его лучшею утѣшительницею въ брэнномъ мірѣ, въ которомъ не можетъ быть счастья, а поэтому Баратынскому дорогъ его „бѣсенокъ“, увлекающій его отъ созерцанія людской пошлости:

Когда въ задумчивомъ совѣтѣ
Съ самимъ собой, изъ-за угла
Гляжу на свѣтъ и, видя въ свѣтѣ
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильемъ сверженный законъ,
Я слабымъ сердцемъ возмущенъ:
Проворно шапку-невидимку
На шаръ земной набросить онъ;
Или въ мгновение зеницы
Чудесный коврикъ-самолетъ
Онъ подо мною развернетъ,
И коврикъ тотъ въ сады жарь-птицы,
Въ чертоги дивной царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай владѣнье грустной были,
Меня смущавшее досель;
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

Мечта утѣшаетъ челоуѣка, вноситъ гармонію въ его возмущенную тоскующую душу:

Болящій духъ врачуеть пѣснопѣнье.
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупить заблужденье
И укротить бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И міръ отдастъ причастницѣ своей.

Полнѣе всего, по взгляду Баратынскаго, воплотилъ эту гармонію въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ Гете, и его памяти посвящено одно изъ лучшихъ стихотвореній нашего поэта; характеризуя разносторонность Гете, Баратынский изображаетъ идеаль творчества:

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ!
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Испытанъ, извѣданъ имъ весь человѣкъ.

Разносторонность есть одно изъ проявленій свободы творчества, поэтъ можетъ избирать для себя любой предметъ, такъ какъ „равны всѣ Музы красоты“. Однако, будучи свободенъ въ выборѣ, онъ долженъ избѣгать „посторонней суеты“, отъ дыханія которой исчезаютъ „созданья поэтической мысли:

Воспѣваетъ простодушный,
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!

Поэтъ въ искусствѣ находитъ „возмездіе искусству“, онъ устраняется отъ „заботы земной“, уносясь въ обитель

духовъ. Онъ не обращаетъ вниманія на толпу, не ищетъ дешевой популярности, такъ какъ:

...Иногда толпы лѣнивый умъ
Изъ усыпленія выводить
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
И звучный отзывъ въ ней находить;
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголь,
Что страстное земное перешель.

При подобномъ созерцательномъ взглядѣ на поэзію, какъ на нѣчто отрѣшенное отъ суетного земного міра, Баратынскій вполне естественно долженъ былъ чуждаться всякихъ попытокъ воздѣйствовать на людей, въ его творчествѣ совершенно исключался гражданскій, общественный элементъ, который былъ ему не по душѣ и на который онъ смотрѣлъ, какъ на вполне безцѣльную трату дарованія. Въ посланіи къ Гнѣдичу онъ такъ объясняетъ это свое отчужденіе отъ гражданскихъ мотивовъ:

Того-ль я утрашу, кому не страшень судъ?
Кто въ сердцахъ должнаго укора не находитъ,
Кого и Божій гнѣвъ въ заботу не приводитъ,
Того-ли оскорбить язвительный языкъ!

Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но сноситъ благонравно;
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего.
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, какъ дубу: будь осиною;
Межъ тѣмъ, какъ странны мы! Межъ тѣмъ любой
изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумываль не разъ.

Такимъ образомъ и въ поэзіи Баратынскаго, несмотря на ея высокое достоинство сравнительно съ произведеніями Дельвига и Языкова, мы находимъ болѣе узкое содержаніе, чѣмъ у Пушкина. Поэтъ рѣшительно исключаетъ изъ сферы своего творчества мотивы общественные, которые, какъ знаемъ мы, играли немалую роль въ поэзіи Пушкина. Ученіе о поэтической свободѣ понимается опять-таки иначе, чѣмъ Пушкинымъ, и Баратынскаго такъ же, какъ и Дельвига и Языкова, приходится считать послѣдователемъ Пушкина только въ весьма ограниченной степени. Всѣ эти поэты

Такъ называемой школы чистаго искусства въ своей дѣятельности выражали только отдѣльныя стороны богатѣйшаго поэтическаго наслѣдія, завѣщаннаго Пушкинымъ. Та высокая гармонія, которою отличается творчество Пушкина, могла быть доступна только генію, тогда какъ дарованія пѣвцовъ чистой поэзіи далеко не могутъ считаться первостепенными, и для „грядущихъ вѣковъ“ ихъ значеніе (особенно Дельвига и Языкова) весьма не велико.

Н. МИШЕЕВЪ.

Преподаватель педагогическихъ классовъ СПБ. женскихъ институтовъ: Смольнаго-Александровскаго, Павловскаго, женской гимназіи Принцессы Ольденбургской и Пажескаго Е. И. В. Корпуса.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ч. I. Греція и Римъ. Ц. 1 р.

Ч. II. Средніе Вѣка и Эпоха Возрожденія. Ц. 1 р. 25 к.

Ч. I и II Учебн. Ком. Вѣд. Учр. Императрицы Маріи ДОПУЩЕНЫ въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи курса
Ист. Вс. Лит. въ 8 классѣ женскихъ институтовъ и гимназій.

Ч. III. Литература Новаго Времени. Ц. 1 р. 25 к.

Учебн. Ком. Вѣд. Учрежд. Императрицы Маріи РЕКОМЕНДОВАНО въ качествѣ пособия при прохожденіи курса Ист. Вс. Лит. въ 8-мъ классѣ женскихъ институтовъ и гимназій.

Учен. Ком. Минист. Народн. Просвѣщ. призналъ настоящую книгу подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

НОВѢЙШАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ц. 1 р. 50 к.

*Бѣлинскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій,
гр. Л. Толстой, Достоевскій.*

Изданіе второе, исправленное.

ОДОбРЕНА для ученическихъ библиотекъ, старшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній Вѣд. учреждений Императрицы Маріи.
